

2021 / I

SIBERIA_LINGUA

ISSN 22227-6378

Учредитель – Институт филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Siberia_Lingua: сетевой научный журнал

Периодичность – три выпуска в год

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Индексируется в научных базах данных на платформе EBSCOhost™.

Контакты

Почтовый адрес 660047, Красноярск,
пр. Свободный, 82А,
оф.242
Редакция научного
журнала
Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, д-р филол. наук
(отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, д-р филол. наук

Анисимова Евгения Евгеньевна, д-р филол. наук

Григорьева Татьяна Михайловна, д-р филол. наук

Детинко Юлия Ивановна, канд. филол. наук

Евсеева Ирина Владимировна, д-р филол. наук

Журавель Тамара Николаевна, канд. филол. наук (зам. отв. ред.)

Колмогорова Анастасия Владимировна, д-р филол. наук

Магировская Оксана Валериевна, д-р филол. наук

Смирнов Евгений Сергеевич, ст. преп. кафедры РЯиРК (отв. секретарь выпуска)

Тармаева Виктория Владимировна, д-р филол. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Говорухина Юлия Анатольевна, д-р филол. наук (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)

Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук (Томский государственный исследовательский университет)

Ким Игорь Ефимович, д-р филол. наук (Институт филологии СО РАН)

Копнина Галина Анатольевна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Панин Леонид Григорьевич, д-р филол. наук (Новосибирский государственный исследовательский университет)

Пекарская Ирина Владимировна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Сковородников Александр Петрович, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

@ Сибирский федеральный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЛИНГВИСТИКА	4
Аскерова Р.Д., Сергеева Д.А. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА СЕМЬИ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ НА РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	4
Белёва В.В. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БРИТАНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ СМИ)	17
Долженко П.Д. ФЕНОМЕН ПЕКИНСКОГО БИКИНИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЛЕГИТИМАЦИИ МАНИФЕСТАЦИИ ТЕЛЕСНОСТИ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	25
Лешина О.Д., Плотникова П.А. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ИММИГРАНТА В БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	40
Руш Н.А. РЕЧЕВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВ С СОМАТИЗМОМ «РУКИ» В ТЕКСТАХ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 19 ВЕКА (ЗНАКИ-СИНОНИМЫ)	52
Самаркин Г.О. СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕДРАССУДКИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВ НОСИТЕЛЕЙ ЧУЖИХ ЛИНГВОКУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ Г. КРАСНОЯРСКА)	63
Сорокина Д.Ю. КОРРЕКТИРУЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ «ЛИЦА» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	67
Сутурина Т.А. ОККАЗИОНАЛИЗМ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В ПОЭЗИИ КРИСПИ	77
Сухорада Е.А. КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАМ О ПРИСТРОЙСТВЕ ЖИВОТНЫХ: ТИПОЛОГИЯ И РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ	85
Устьянцева К.Е. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ В ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	99
Федченко О.Д. ЕДИНСТВО И ОТЛИЧИЯ ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ ГОРНЫХ СИСТЕМ	107
Экзархова А.С. ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ РОССИЙСКИХ МУЛЬТФИЛЬМОВ ДЛЯ КИТАЙСКОГО ЗРИТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТСЕРИАЛА «СМЕШАРИКИ»)	115
II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	125
Герус В.А. ОБРАЗ ЧЕМОДАНА В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА	125
Красивова Е.А. «СВОБОДНОЕ ОБЩЕСТВО» И ГЕРОЙ-БУНТАРЬ В АНТИУТОПИЧЕСКОМ РОМАНЕ Г. ФРАНКЕ «ИГРЕК МИНУС»	133
Паладько М.В. ФОРМУЛЬНЫЙ СЮЖЕТ МОЛОДЕЖНОЙ АНТИУТОПИИ КАК МЕТАФОРА ПРОЦЕССА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПОДРОСТКА	147
III. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	
УСТНЫЕ РАССКАЗЫ А.В. ФЕДЧЕНКО. Предисловие – Е.С. Смирнов	161
IV. НАШИ АВТОРЫ	172

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА СЕМЬИ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ НА РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению в сопоставительной перспективе фразеологизмов на тему семьи в русском и турецком языках. Методом опроса выделены наиболее частотные паремии, отражающие отношение к семье в двух лингвокультурах. Приводятся переводы на русский язык и интерпретации турецких пословиц и поговорок.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, турецкий язык, русский язык, семья.

Abstract: This article gives a comparative perspective on phraseological units representing the topic of the family in the Russian and Turkish languages. The survey method identifies the most frequent paroemias that reflect the attitude to the family in the two linguocultures. The article provides translation of Turkish proverbs and sayings into Russian and focuses on their linguistic interpretation.

Keywords: proverbs; sayings; Turkish language; Russian language; family.

Человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт как общечеловеческий, так и национальный. Интерес современного человека к своему прошлому, истокам своей культуры заставляет его внимательно изучать язык. Отзвуки давно минувших лет сохраняются сегодня в пословицах и поговорках. Они представляют собой своеобразные микромиры, содержащие в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Жуков, 1990: 41]. В связи с этим, пословицы и поговорки занимают особое положение в языке.

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Н.Г. Бурмакина.

Изучению фразеологии посвящено большое количество исследований. А.И. Гаевая относит к поговоркам структуры, имеющие только буквальный план содержания, не носящие обобщенного характера высказывания, формально не организованные как предложения, поддающиеся идентификации при помощи слов-синонимов. В свою очередь, структуры, имеющие переносное значение и не поддающиеся идентификации при помощи слов-синонимов относятся к пословицам. Ученый также называет такие отличительные характеристики пословицы как образность, обобщенная форма передачи мысли, идейно-эмоциональная насыщенность, способность к эстетической оценке разных явлений жизни, ритмический строй, композиция [Гаевая, 2018].

Главной особенностью пословицы является ее законченность и дидактическое содержание. Поговорка отличается незавершенностью умозаключения, отсутствием поучительного характера [Алимова, 2019].

В.А. Маслова пишет о том, что традиционно пословицы и поговорки изучались в фольклористике как жанровые тексты. Их изучение в лингвистике только начинается. При этом она подчеркивает, что в лингвокультурологии должны изучаться лишь те половицы и поговорки, происхождение и функционирование которых неразрывно связано с историей конкретного народа или этноса, его культурой, бытом, моралью и т. д. [Маслова, 2001: 43].

Из пословиц и поговорок во многом складывается языковая картина мира носителей языка. Языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа, осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многоступенчатого мира в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей, представляющего, во-первых человека, его материальную и духовную жизнедеятельности и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум [Шведова, 1999: 15].

Конденсируя народный опыт, пословицы ориентированы своим содержанием почти исключительно на человека – черты его характера, поступки, отношения в семье, коллективе, обществе и т.п. В.В. Колесов писал о том, что становление пословицы связано с пониманием человеком своего места в мире, с диалектикой познания мира, т.к. пословица является результатом спора, диспута, словесного турнира [Колесов, 1989].

Пословицы и поговорки существуют у каждого народа, при этом пословичные когнитивные структуры разных языков имеют черты сходства и различия, что делает возможным их сопоставительный анализ. Сопоставление пословичного фонда разных языков способно открыть широкие перспективы для межкультурных (межэтнических, межкультурных) исследований ментальности разных этносов [Огнева, 2013].

В рамках данного исследования на начальном этапе был проведен опрос респондентов из России и Турции. В первую группу опрошенных вошло 30 человек в возрасте от 20 до 73 лет, во вторую – 24 человека в возрастном диапазоне от 23 до 65 лет. Всем участникам опроса было предложено назвать 3 первые пословицы или поговорки о семье, которые они вспомнят или же слышали чаще всего и попытаться объяснить их своими словами. Те пословицы и поговорки, которые упоминались респондентами минимум 5 раз, вошли в корпус исследования. Пояснения, которые участники давали пословицам и поговоркам дополнялись информацией из интернет-форумов, после чего каждой пословице и поговорке давалась одна общая интерпретация.

Таким образом, для анализа было отобрано 20 наиболее популярных пословиц и поговорок, которые являются частотными в повседневной турецкой речи, а также имеют отношение к тематической группе «Семья»:

«Ak koyunun kara kuzusu da olur» дословно переводится как «У белого барана может быть даже черный ягненок». В данную пословицу турки вкладывают следующий смысл – несмотря на образцовых родителей и хорошее воспитание, в каждой семье может быть непутевый ребенок, который может вести себя плохо и позорить ее [Kılıçdemir, 2016]. Наиболее приближенный

эквивалент данной пословицы в русском языке «В семье не без урода», который интерпретируется похожим образом.

Стоит отметить, что в турецком языке есть еще несколько пословиц, которые имеют сходное значение и также часто употребляются. Например, «Bir ağaçta gül de biter, diken de» – «На одном дереве может расти как цветок, так шип», а также немного другая вариация этой же пословицы «Bir ağaçtan okluk da çıkar, bokluk da» – «Из дерева может получиться как колчан, так и нечистоты». Другим аналогом является «İyi evlât babayı vezir, kötü sü rezil eder» – «Хороший ребенок отца в визире возводит, а плохой позорит».

«Yaza çıkardık danayı, beğenmez oldu anayı» – «Докормили теленка до лета, а он мать перестал любить». В данной пословице выражается упрек молодому поколению, которое став взрослее, забывает о своих родителях, семье и о своих корнях. Молодежь выражает недовольство предыдущим поколением, которое ее вырастило и воспитало. В содержании пословицы отражается конфликт поколений, возникающий в результате разницы во взглядах на жизнь родителей и их детей.

«Çocuktan al haberi» – «Получи новости от ребенка». Во многих семьях, будь то российская или турецкая семья ссоры происходят при детях. Взрослые, считая их маленькими и непонимающими, не боятся порой выяснять отношения или обсуждать тайные вопросы рядом с ребенком. Если кому-то стороннему нужно узнать, что творится в семье, он может получить эту информацию от ребенка. Он обычно повторяет слова, которые когда-то были сказаны при нем взрослыми членами семьи.

«Yavru kuş, yuvada gördüğünü uyar» – «Птенец делает то, что видел в гнезде». Родители или другие взрослые являются примером для подражания для младших членов семьи. Дети склонны повторять то, что видят и таким образом, они осваивают модели поведения и учатся жизни, поэтому в воспитании детей важно подавать правильный пример. Это и является основой воспитания детей.

«Deli arlanmaz, soyu arlanır» – «Идиот не стыдится, а его семья – да». Если человек глуп, совершает безумные поступки, его не будет мучать совесть. Все последствия таких действий коснутся семьи и близких этого человека, которые будут испытывать стыд и разочарование вместо него. В этой пословице отражается коллективистский дух турецкого народа. Для турков одним из самых мощных механизмов управления поведением человека является семья и угроза очернения ее репутации. Мнение соседей, окружающих играет большую роль. Если человек планирует совершить какой-то странный, сомнительный поступок, он вынужден принимать во внимание то, как его действия отразятся на репутации семьи и всего рода.

«Ulu ağacın gürültüsü dal ile, mutlu evin yakışığı döl ile» – «Величие дерева в ветвях, а счастливого дома в потомках». Так же, как дерево растет ввысь, и на нем с каждым годом появляются все больше новых ветвей с листьями, которые придают ему величавый вид, маленькие дети, внуки и правнуки укрепляют семью, делая ее дружной. В турецкой культуре большое количество детей приветствуется и свидетельствует о благополучии и счастье в семье. В последние годы коэффициент рождаемости, показывающий среднее число детей, которое может иметь женщина в возрасте от 15 до 49 лет, в Турции снизился до 1,88 ребенка на женщину, в 2001 году этот показатель составлял 2,38. В разных провинциях данный показатель варьируется от 3,89 ребенка на женщину в юго-восточной провинции Шанлыурфа до 1,33 ребенка на женщину в северной провинции Гюмюшхане [Ниязбаев, 2020]. Несмотря на негативную тенденцию, попадание данного фразеологизма в число двадцати наиболее частотных паремий о семье свидетельствует о сохранении положительного отношения к многодетности в турецком обществе.

«Allah verince kimin oğlu, kimin kızı demez» – «Когда Аллах дает, он не смотрит, чей сын или чья дочь». В этой пословице отображается религиозная составляющая турецкой культуры [Разливаев, 2010]. Турция является мусульманской страной, большой процент населения составляют верующие. Значение пословицы заключается в том, что на все воля Всевышнего. Для не-

го все люди равны, статус и состояние не играют никакой роли. Также в данной пословице обнаруживаются такие черты турецкого национального характера, как смиренность и покорность, которые являются достоинствами богобоязненного верующего человека.

«Avrat var ev yapar, avrat var ev yıkar» – «Есть жены, которые дом создают, а есть жены, которые рушат дом». В Турции по традиции от женщины прежде всего ожидается умелое ведение домашнего хозяйства. Теплая и счастливая атмосфера дома находится в руках женщины; если она бережно относится к тому, что приносит в дом муж, то проблем в семье не возникает [Tetik, 2019].

«Yuvayı yaran dişi kuştur» – «Гнездо вьет женщина». Еще одна пословица, отражающая представление о том, что сердцем и душой любого турецкого дома является именно женщина. Домашний очаг поддерживается женой, и без нее дом не может существовать.

«Etle tırnak arasına girilmez» – «Нельзя соваться между плотью и ногтем». Если в какой-либо семье существует разлад, третьи лица ни в коем случае не должны вмешиваться в конфликт или поддерживать одну из сторон этого конфликта. Во многих культурах, включая турецкую, вмешательство в отношения супругов является неприемлемым.

«Oğlan dayıya, kız halaya çeker» – «Мальчик похож на дядю, дочь на тетю». В турецком обществе существует вера в то, что мальчик в семье, как правило, как внешне, так и по темпераменту похож на своего дядю, а девочка напоминает тетю.

«Bir evde iki kız, biri çuvaldız biri biz» – «Две дочери в доме, одна игла обычная, другая игла мешочная». Данная пословица выражает трудности, которые могут испытывать семьи, воспитывающие дочерей. Во-первых, считается, что девушки более склонны тратам на покупки новой одежды и других предметов. Во-вторых, согласно турецким традициям, при замужестве семья невесты должна обеспечить дочь приданым. Обычно семьи годами собирают приданое и тратят на него огромное количество денег. В приданое обяза-

тельно входит посуда, бытовая техника, предметы одежды и так далее [Karakelle, 2019], чтобы обеспечить максимальный комфорт своей дочери, которая переезжает в новый дом и у которой будет свой собственный быт. Данная традиция может быть обременительной для семьи, а если дочерей две, то траты удваиваются.

«Kenarına bak bezini al, anasına bak kızını al» – «Материю выбирай по кромке, девушку – по матери». Эта пословица подчеркивает влияние родителей на своих детей. Считается, что дочь будет такой же хозяйкой, как и ее мать, так как она копирует ее привычки, поведение в доме [Aksoy, 1995]. Эквивалент в русском языке «Выбирай корову по рогам, а девку по родам (родителям)».

«Kızı gönlüne (keyfine) bırakırsan ya davulcuya varır, ya zurnacıya varır» – «Предоставь девушке свободу – она выйдет замуж или за барабанщика, или за зурниста». Существует мнение, что девушка брачного возраста может быть легкомысленной, потерять голову и всякое чувство рационального при влюбленности. Оценивая людей по внешности, она может выбрать себе в мужа молодого человека, который ей нравится, но не подходит ей и не сможет обеспечивать семью. Религия запрещает любые контакты с противоположным полом до свадьбы. До сих пор существует традиция поиска жениха или невесты для своего повзрослевшего ребенка. Обычно родители занимаются отбором подходящих кандидатов, а уже после слово предоставляется дочери, которая может ответить «да» или «нет» на сделанное предложение.

«Kızını dövmeyen, dizini döver» – «Кто не бьет дочь, тот бьет по своим коленям». Эту пословицу по смысловому наполнению можно связать с предыдущей. Считается, что если предоставить слишком много свободы дочери, то она может совершить необдуманные поступки, которые впоследствии могут запятнать честь всей семьи. Поэтому в турецких семьях принято воспитывать дочерей в строгости и пресекать своеволие. Иногда это может сопровождаться применением физической силы [Tetik, 2019].

«Kötü söyleme eşine, ağı (zehir) katar aşına» – «Не говори плохого супруге, а то подмешает яд в плов». Эта пословица предостерегает от раздоров в отношениях между мужем и женой.

«Baş yarılır fes içinde, kol kırılır yen içinde» – «Голова раскалывается под феской, рука ломается в рукаве». Любые ссоры, разногласия должны оставаться в семье, и никто посторонний не должен знать о них. Эквивалентом данной пословицы в русском языке может быть поговорка «не выносить сор из избы». Публичные семейные разборки считаются чем-то неприемлемым и стыдным для жителей Турции.

Корпус исследования составляют 20 пословиц и поговорок из тематической группы «Семья», которые являются наиболее употребляемыми в повседневной жизни россиян:

«Дерево держится корнями, а человек семьей» – Наши семьи, их история, традиции, жизненный опыт – все это наши корни, которыми мы цепляемся за жизнь, которые не дают нам быть сметенными и унесенными в небытие жестокими бурями проблем и невзгод.

«Человек без семьи, что дерево без плодов» – Человек без семьи, если он не женится и не заводит детей, воспринимается как красивое, но бесполезное дерево.

«Вся семья вместе, так и душа на месте» – Только в семейном кругу, среди родных людей человек в полной мере ощущает уют и душевный комфорт [Пословицы и поговорки с толкованием].

«Семья сильна, когда над ней крыша одна» – Если в семье есть взаимов уважение и все мнения учитываются, то в ней не будет ссор и раздоров.

«В семье разлад, так и дому не рад» – Каждый человек ищет поддержки и понимания у членов своей семьи, и если он этого не получает, чувствует отчужденность и отстраняется от близких.

«Нет добра, коль меж своими вражда» – Данная пословица отражает важность мирных отношений между членами одной семьи.

«В родной семье и каша гуще» – В семье все беды переносятся легче.

«Дерись, бранись, а за своего держись» – В любой семье могут быть разногласия и ссоры, но родственники – это родные люди, которых никто не заменит.

«Муж и жена – одна сатана» – Очень часто, люди, прожившие долгие годы в браке, приобретают не только внешнее сходство, но имеют одинаковые взгляды на жизнь [Большой толково-фразеологический словарь Михельсона].

«В семье не без урода» – В данной поговорке говорится с сожалением или снисхождением о том, кто выделяется в семье или коллективе своими дурными качествами [Пословицы и поговорки].

«В семье не без дурака» – Данная поговорка имеет схожее значение. Хорошие, образованные родители и достойное воспитание не является гарантией того, что ребенок в семье не окажется глупым и не будет совершать безрассудные поступки.

«Куда мать, туда и дитя» – Дети следуют за родителями и копируют их модели поведения, будь то правильно или нет. Для маленьких детей родители образцы для подражания.

«Яблоко от яблони недалеко падает» – Дети могут перенять отрицательные черты характера и привычки своих родителей, бессознательно следуют логике поведения своих близких [Жуков, 2000].

«И ворона своих воронят хвалит» – Важно напоминать своим детям об их значимости и ценности, хвалить и поощрять их за хорошие поступки. Это поможет выстроить доверительные отношения между детьми и родителями.

«Изба детьми весела» – Пословица отражает положительное отношение к многодетности, подчеркивает важность продолжения рода.

«В каждой избушке свои погремушки» – У каждого человека и семьи свои привычки и традиции. Каждый имеет право на недостатки.

«Родителей чти – не собьешься с истинного пути» – Пословица подчеркивает важность почтительного отношения к людям старшего поколения.

«Отца с матерью почитать – горя не знать». Посредством своего жизненного опыта родители пытаются уберечь ребенка от ошибок, поэтому к ним стоит прислушиваться. Пословица подчеркивает необходимость уважительно относиться к старшим поколениям.

«При солнышке тепло, при матери добро» – Поговорка отражает ценность материнской заботы для детей.

При сопоставлении турецкой и русской культур сквозь призму пословиц и поговорок, в которых сосредоточены взгляды народов на жизнь и мироустройство, становится заметным отличие в их представлениях о семейной жизни.

Во время опроса самыми распространенными реакциями на стимул «семья» среди респондентов из Турции являлись пословицы и поговорки, имеющие следующую частоту упоминаний: Ak koyunun kara kuzusu da olur – 19, Avrat var ev uyar, avrat var ev uıkar – 15, Allah verince kimin oğlu, kimin kızı demez – 14, Deli arlanmaz, soyu arlanır – 12, Kızı gönlüne (keyfine) bırakırsan ya davulcuya varır, ya zurnacıya varır – 10. Наиболее популярные темы в поговорках на турецком языке: ребенок – 44 %, дочь – 19 %, «непутевый ребенок» – 16 %, жена – 12 %, супруги – 9 %.

На основе вышеуказанных данных можно прийти к выводу, что для турков ключевую роль играют дети и перспектива направлена на будущее. В Турции люди обеспокоены репутацией своей семьи и выражают тревогу по поводу воспитания детей, особенно девочек, так как они более уязвимы. Родители стараются на своем примере задать верный жизненный ориентир для своих детей. Что касается образа женщины, в турецких пословицах и поговорках она рассматривается в ипостаси хранительницы очага. На ее плечи ложится забота о доме и семье, благополучие которых напрямую зависит от женщины. Турки оберегают свою семью и предпочитают решать внутренние проблемы исключительно между собой, не одобряя вмешательство посторонних.

К пословицам и поговоркам, упомянутым российскими респондентами наибольшее количество раз, относятся: Яблоко от яблони недалеко падает – 26, Муж и жена — одна сатана – 24, В семье не без урода – 23, Куда мать, туда и дитя – 17, Вся семья вместе, так и душа на месте – 15. Наиболее частотными темами в русских пословицах и поговорках являются единство семьи – 44 %, ребенок – 16 %, мать – 16 %, супруги – 12 %, родители – 12 %.

В отличие от турецких пословиц и поговорок, в русских образ семьи преимущественно представлен целостно, без четкого выделения отдельных членов семьи. Коллективизм русской культуры подтверждается тем, что в семейном кругу любые проблемы переживаются легче, так как человек всегда может рассчитывать на поддержку и помощь родных. Крепкие доверительные отношения с родственниками и гармония в семье также очень важны. Душевный комфорт и уют ощущаются только в том случае, если семья живет в мире. Особенно важны хорошие отношения с родителями, которые всегда готовы прийти на помощь и дать ценный совет на основе своего жизненного опыта. Влияние родителей также подчеркивается тем, что дети перенимают их черты характера, будь они позитивные или негативные. Другим отличием является определение роли женщины в семье. В русских пословицах и поговорках акцент делается на статусе матери, которая всегда готова окружить своего ребенка теплом и заботой.

Несмотря на весомые различия, можно выделить и сходства в русских и турецких фразеологизмах. В обеих культурах распространены ассоциации семьи с деревом, которое крепко держится своими корнями за историю рода и опыт предков, а любовь родных питает дерево, позволяя ему разрастаться. В обоих случаях наблюдается обеспокоенность тем, что все усилия родителей воспитать достойного члена общества могут оказаться напрасными, их ожидания не оправдаются и ребенок разочарует семью. Тем не менее, какими бы дети ни были, их важность для родителей сложно переоценить. Смыслом жизни, главным достижением человека считается большая дружная семья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимова Ш.Я. Использование эпиграмм и анаграмм в русских и английских пословицах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3. С. 62–65.
2. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. URL: http://enc.biblioclub.ru/encyclopedia/127_Bolshoy_tolkovo-frazeologicheskiy_slovar_Mihelsona (дата обращения: 24.03.2021).
3. Гаевая А.И. Структурно-семантическая характеристика пословиц качественной оценки лица современного русского языка. М., 2018. 380 с.
4. Доля детей среди населения Турции продолжает сокращаться [Электронный ресурс]. URL: <https://mk-turkey.ru/life/2018/04/20/dolya-detej-sredi-naseleniya.html> (дата обращения: 10.04.2021).
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: 1990. 528 с.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000. 544 с.
7. Колесов В.В. Афористика Древней Руси // Мудрое слово Древней Руси. М.: Советская Россия, 1989. 464 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
9. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
10. Пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. URL: https://zagadky.net/poslovici_i_pogovorki/6 (дата обращения: 11.03.2021).
11. Пословицы и поговорки с толкованием [Электронный ресурс]. URL: <https://nickdegolden.ru/russkie-poslovicy-pogovorki/> (дата обращения: 05.04.2021).
12. Разливаев А. Турция: возрождение религиозных общин // Россия и мусульманский мир. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-vozrozhdenie-religioznyh-obschin> (дата обращения: 02.05.2021).

13. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3–16.

14. Aksoy, Ömer Asım. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü 2 Deyimler Sözlüğü. İstanbul: İnkılâp Kitabevi, 1995.

15. Ayşegül Karakelle. Somut olmayan kültürel mirasın korunması bağlamından çeyiz geleneği „Erzurum Örneği“. Türkize sosyal araştırmalar dergisi. 2019.

16. Dilek Kılıçdemir. Ak Koyunun Kara Kuzusu Da Olur / Atasözlerinden Hikayeler. 2016. s. 48.

17. Kevser Tetik. Türk ve rus atasözlerinde kadın imgesinin karşılaştırmalı analizi. The Journal of Academic Social Science. 2019.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БРИТАНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ СМИ)

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос метафорического представления национальной идентичности британцев в СМИ Великобритании. Автор дает определение понятиям «национальная идентичность» и «метафора», рассматривает медиатекст как материальную форму представления культуры. В ходе исследования изучены материалы статей электронных британских изданий, посвященные рассмотрению концепта Britishness, и выявлены некоторые метафорические представления британцев о своей национальной идентичности.

Ключевые слова: метафора, национальная идентичность, медиатекст, Britishness.

Abstract: This article addresses the issue of metaphorical representation of the British national identity in the UK media. The author describes the concepts of national identity and metaphor, considers media text as a material form of representing the culture. The study examines articles from the British mass media publications dealing with the concept of Britishness and reveals some metaphorical ways in which the British represent their national identity.

Keywords: metaphor, national identity, media text, Britishness.

На сегодняшний день процесс глобализации оказывает существенное влияние на национальное самосознание. Ставя под угрозу развитие национальных государств, он вызывает в ответ защитную реакцию, направленную на поддержание национальных идентичностей. Так, в условиях глобализации проблема кризиса национальной идентичности стоит более остро чем на прежних исторических этапах.

Основы представлений о коллективной идентичности были заложены в глубокой древности в силу специфики сознания, склонного к выделению объективных различий в окружающем мире. Коллективная система взглядов послужила базой для классифицирования в пределах групп «свои» и «чужие». Источником данной дихотомии является, с одной стороны, двойствен-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко.

ность восприятия, с другой – присущее архаическому мышлению «состояние собственного имени» связанное с недифференцированностью мышления, допускающей объединение действия с его агентом [Балясникова, 2003].

Рассуждая о специфике процесса конструирования национальных идентичностей путем создания различных картин мира, Р. Водак утверждает, что «национальные идентичности, понимаемые нами как особые формы социальных идентичностей – дискурсивно, с помощью языка и других семиотических систем, производятся, воспроизводятся, трансформируются и разрушаются» [Wodak et al., 2009: 153].

Национальные идентичности формируется как убеждение посредством влияния медиа, политического и других типов дискурса. Однако в результате процесса конструирования они не принимают единообразный и законченный вид. «Напротив, их следует понимать, как динамичные, фрагментарные, “уязвимые” и часто бессвязные» [Там же: 154].

Безусловно, исследование фрагментарных ментальных конструкторов национальной идентичности представляет немалую сложность для ученых. Зачастую путем ее преодоления считается исследование метафорических выражений, ведь «большая часть обычной понятийной системы человека структурирована с помощью метафор» [Джонсон, Лакофф, 2004: 93].

Многочисленные подходы к пониманию метафоры были представлены в трудах отечественных и зарубежных ученых в числе которых Л.С. Выготский [Выготский, 1999], Т.В. Жеребило [Жеребило, 2010], Дж. Лакофф и М. Джонсон [Джонсон, Лакофф, 2004], А.А. Потебня [Потебня, 1990], Д.Э. Розенталь [Розенталь, 1976], Г.Н. Складеревская [Складеревская, 1993], М. Black [Black, 1954], Е. MacCormac [MacCormac, 1985] и др. Несмотря на то, что существующие подходы к пониманию метафоры достаточно различны, в большинстве из них все же наблюдаются некоторые сходства. Так, метафора наиболее часто понимается учеными как перенос на основе сходства в каком-либо отношении одного предмета или явления с другим. Дж. Лакофф и М. Джонсон трактуют метафору в рамках когнитивной теории

как «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Джонсон, Лакофф, 2004: 215].

Материалом для изучения национальной идентичности может послужить медиатекст. Являясь одним из самых популярных на сегодняшний день типов текста, текст массовой информации в наибольшей степени оказывает влияние на состояние культурно-информационной среды и формирование информативного пространства за счет отображения современной реальности. Медиатексты в большей степени раскрывают сложные культурно-языковые отношения, давая нам возможность получить наиболее релевантные данные о происходящих изменениях на любой момент времени.

Изучая медиатекст как материальную форму представления культуры, можно получить достоверные сведения об особенностях восприятия мира определенными национально-культурными общностями и отследить динамику изменений данных представлений. «В условиях современной культуры сознание человека фрагментарно, раздроблено, т.к. мир «информационного общества» отражается и конструируется с помощью принципиально иных текстов – текстов масс медиа, которые, воспроизводя мир во всем его противоречивом многообразии, постоянно ставят человека в ситуацию выбора» [Добросклонская, 2008: 171].

Для иллюстрации возможных способов метафорической репрезентации национальной идентичности в медиатексте нами был изучен ряд статей электронных британских СМИ. В качестве основного метода исследования мы использовали метод дискурсивного анализа, поскольку именно благодаря ему мы можем получить доступ к имплицитным знаниям и убеждениям путем изучения языковых средств в тексте. Основываясь на анализе эмпирического материала, мы смогли выделить некоторые доминанты в метафорических представлениях о национальной идентичности жителей Великобритании.

Изменения, произошедшие в стране, за последние годы не могли не сказаться на мнении о себе самих жителей Великобритании. Переосмысление

собственного понимания национальной идентичности стало одной из популярных тем в британской прессе. Сегодня в периодических изданиях британской печати все чаще исследуется популярный концепт *Britishness*, описывающий «факт того, что кто-либо является британцем, или качества, которые считаются типичными для британцев» [McIntosh, 2021], однако определение содержания данного концепта весьма фрагментарно и разрозненно. Сегодня все труднее дать ответ на вопрос о том, что же именно является основой британского менталитета, а что осталось в прошлом. Зачастую данный вопрос так и остается открытым.

При анализе медиатекстов, посвященных раскрытию содержания концепта *Britishness*, нами был выявлен ряд метафорических представлений британцев о своей национальной идентичности.

Британская национальная идентичность — предмет с изменчивой структурой.

Britishness cannot be nailed down because, like all identities, it is evolving and re-forming with every moment. (Easton, 2012)

Через метафору *nailed down* в значении *to fasten down with or as if with nails* сочетающуюся с конструкцией *cannot be* автор (М. Easton) указывает, что британская национальная идентичность не может принимать постоянную форму и в следствии этого быть «прибитой гвоздями» к тому, что единожды было утверждено как типичное представление о ней. Напротив, она претерпевает существенные изменения, обретая все новые и новые черты в этом непрерывном процессе (*it is evolving and re-forming with every moment*).

Британская национальная идентичность — возвышение над прошлым.

For it is these values that allow this newer Britishness to rise above its past. (Byrnes, 2009)

Метафора *to rise above its past* в значении *to become better than in the past*, относящаяся к концепту *Britishness*, указывает на превосходство нынешней британской идентичности над той, что была присуща британцам ранее. Хотя многие черты, свойственные британской национальной идентично-

сти и были сохранены на протяжении многовековой истории страны, все же сегодняшняя Британия претерпела существенные изменения, «возвысившись» над своим прошлым. Автор указывает на ценности, которые позволили привнести эти обновления в понимание британской национальной идентичности, что имплицитно несет, на наш взгляд, положительную коннотацию (*For it is these values that allow...*).

Британская национальная идентичность – предмет добычи (сокровище).

It [a rusty and anonymous tin] wasn't the object but its mysterious backstory that made it the most interesting item of treasure that day. That is what we search for in our hunt for identity too. What is interesting about us? It is not tattie scones or pillar boxes that are important in themselves, but their provenance, their survival, their mystery. Our lives are connected through shared experience of objects and events across time and space. Identity is inextricably tied up with heritage and with tradition. (Easton, 2012)

Рассуждая о британской национальной идентичности, автор (М. Easton) сравнивает ее формирование с игрой *a treasure hunt* (поиск сокровищ), используя метафорическое выражение *hunt for identity* в значении *to search for and try to catch (the identity)*. Имплицитно автор сравнивает идентичность с сокровищем, подчеркивая тем самым стремление британцев найти исключительные черты своей идентичности на основе прежнего опыта и традиций (*Identity is inextricably tied up with heritage and with tradition*).

Британская национальная идентичность – больной (пациент).

Not for a thousand years have the English had to nurse their national identity back to health. (Easton, 2012)

Метафора *nurse their national identity back to health*, которая может быть передана на русском языке как «выхаживать национальную идентичность», представляет британскую национальную идентичность в образе пациента. Данный метафорический образ предполагает, что в текущем состоянии кризиса британская национальная идентичность требует к себе внима-

тельного отношения, которое позволило бы вернуть ее в более «здоровое» и устойчивое состояние (*back to health*), привычное для жителей Британии.

Британская национальная идентичность – предмет творения.

We are English, we are a Grimsby Town fan, a gamer, and so on. Those components are what we call roles, and together they create our identity. Countries, such as the UK, have identities too. They imagine themselves to be some things, and tell themselves and others that they are those things. <...> The final resolution of an identity crisis is the formation of a new identity. (Timothy, 2017)

Проводя аналогии между различными типами искусственных идентичностей, автор (О. Timothy) выявляет схожие черты между механизмом их образования. Используя метафорическое выражение *create our identity* автор сравнивает идентичность с продуктом человеческого творчества. Таким образом он указывает, что ее «сотворение» во многом подчинено воле ее носителей. Вследствие чего можно сделать вывод о том, что британцы, согласно О. Timothy, формируют новую национальную идентичность на базе характерных черт, закрепленных в понятии британской национальной идентичности, а также привносят в нее и ряд новых идей (*The final resolution of an identity crisis is the formation of a new identity*).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что глобальный кризис национальной идентичности сделал актуальным вопросы ее конструирования и сохранения для британцев. Безусловно, дать точный ответ на данные вопросы едва ли возможно в силу изменчивости и раздробленности структуры национальной идентичности. Ее формирование берет начало в глубинах истории, к которой и обращаются британцы в поиске понимания своей национальной роли. Новое восприятие британской национальной идентичности совершенствуется ими с опорой и на реалии современности. Некоторые жители страны находят состояние кризиса идентичности столь непривычным, что склонны воспринимать его как болезнь, требующую немедленного лечения. Другие видят в нынешних переменах возможности

для творческого переосмысления привычных вещей и сотворения новой, пока еще неизвестной британской идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балясникова О.В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 6.03.12. М., 2003. 24 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 339 с.
3. Джонсон М., Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем; под ред. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 256 с.
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: URSS, 2008. 203 с.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань.: Пилигрим, 2010. 487 с.
6. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 238 с.
7. Розенталь Д.Э. Словарь лингвистических терминов Розенталя. М.: Просвещение, 1976. 357 с.
8. Скляревская Г.Н. Метафора в система языка. СПб.: Наука, 1993. 149 с.
9. Black M. Metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society, Blackwell Publishing, 1954. Vol. 55 p. 273–294.
10. McIntosh C. Cambridge Dictionary // Толковый словарь [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/britishness> (дата обращения: 03.02.2021).
11. MacCormac E. A Cognitive Theory of Metaphor. Massachusetts: MIT Press, 1985. 254 p.
12. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The discursive construction of national identity. 2nd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2009. 276 p.

ИСТОЧНИКИ

1. Byrnes S. The new Britishness [Электронный ресурс] // 2009. <https://www.newstatesman.com/blogs/the-staggers/2009/12/british-patriotism-bnp-muslims> (дата обращения: 03.02.2021).
2. Easton M. Define Britishness? It's like painting wind [Электронный ресурс] // 2012. <https://www.bbc.com/news/uk-17218635> (дата обращения: 03.02.2021).
3. Timothy O. A new British identity is key to Brexit's success. So, who do we want to be? [Электронный ресурс] // 2017. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/aug/16/british-identity-key-brexit-crisis-negotiations> (дата обращения: 03.02.2021).

ФЕНОМЕН ПЕКИНСКОГО БИКИНИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЛЕГИТИМАЦИИ МАНИФЕСТАЦИИ ТЕЛЕСНОСТИ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация: Работа посвящена делегитимирующим стратегиям в китайском дискурсе на базе изучения лингвокультурологического феномена пекинского бикини. Материалом исследования выступают статьи и интернет-порталы, посвященные обсуждению данного объекта делегитимации в китайских СМИ. Цель исследования заключается в описании стратегий делегитимации устоявшихся практик манифестации телесных образов в китайской современной лингвокультуре. Актуальность и новизна исследования обусловлены тем, что изучение феномена телесности нечасто становится объектом анализа и рассматривается, как правило, в контексте культурологии и социологии.

Ключевые слова: телесность, пекинское бикини, легитимация, делегитимация, прагматическая стратегия, Китай, социум.

Abstract: The article covers the strategies of delegitimation in the linguocultural discourse of Chinese society based on the phenomenon of Beijing bikini. The research is based on the materials of Chinese mass-media articles and the data from the Internet services. The purpose of the research is to describe the strategies of delegitimation of manifestation of entrenched embodiment practices in modern Chinese linguoculture. The relevance is due to the frequency of researches of the embodiment and, normally, the object of the research is studied in the context of cultural studies and sociology.

Keywords: embodiment, Beijing bikini, legitimation, delegitimation, pragmatic strategy, China, society.

Введение. Современные лингвистические исследования, как правило, выполнены в русле антропоцентрической парадигмы, центром изучения которой являются интеракции человека в социуме, наблюдаемые на протяжении всей жизни индивидов. В процессе развития социума любая интеракция подвергается изменениям в способах коммуникации посредством культурных трансформаций и субкультурных образований, поэтому, на наш взгляд, иррационально игнорировать процесс развития индивида в социуме, во время которого наблюдаются качественные языковые и речевые преобразова-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.В. Чистова.

ния. В каждом социуме имеются свои особенности интеракций и способы их осуществления. Нередко общество прибегает к определенным стратегиям, чтобы укоренить или извлечь культурные особенности социума.

Объектом данного исследования выступает явление телесности, характеризующее натуралистический характер китайской лингвокультуры и представленное в современном обществе концептом «пекинское бикини», обозначающим, распространенную среди китайских мужчин среднего и старшего возраста практику подворачивания футболки или майки до середины груди, чтобы, оголив живот, охладить тело в жаркий период. Предметом исследования является процесс делегитимации манифестации телесности, направленный на модификацию общественного мнения по поводу публичной демонстрации частей тела в общественных местах. Цель статьи заключается в представлении результатов изучения стратегий делегитимации, приводящих к неприятию традиционно типичных явлений китайского социума, делая это таким образом, чтобы привычные поведенческие паттерны казались абсолютно неприемлемыми. **Актуальность и новизна** исследования заключаются в том, что феномен делегитимации телесности в китайском социолингвистическом пространстве в последнее время начал активно развиваться. Изучение дискурсивных стратегий делегитимации тела и телесности в лингвокультуре Китая позволит выявить намерения государства относительно ценностных установок, которые планируется укрепить в сознании китайского общества.

Теоретические предпосылки изучения делегитимации в лингвистическом аспекте. На сегодняшний день в современной науке феномен легитимации и делегитимации рассматривается в нескольких научных направлениях. В каждом направлении подход к изучению этого явления и его трактовка несколько разнятся. В основном этот процесс изучается в социологическом контексте. Марк Сачман, социолог и специалист по менеджмент-коммуникации, утверждает, что легитимация в самом широком смысле — это процесс, посредством которого определенный феномен начинает восприни-

маться в социуме как желаемый, приемлемый, соответствующий его системе норм, убеждений и ценностей [Suchman, 1995]. Другими словами, это процесс, обеспечивающий постоянное принятие сообществом того или иного объекта или феномена [Deerhouse, Suchman, 2008].

Большинство работ посвящено процессам легитимации и делегитимации исключительно в политическом и правовом дискурсах, поскольку сами термины напрямую относятся к сфере правоповедения и имеют значение «легализация» и «делегализация», например, у таких авторов, как А. В. Скиперских, Б. Садеги и др. Значительная часть работ, как отечественных, так и зарубежных, в сфере изучения данного феномена посвящена изучению политического контекста в сфере (де)легитимации. Опираясь на взгляды английского социолога Дэвида Битама, получается, что феномен легитимности – это содействие между нормами и правилами, разделяемыми большинством членов определенного общества, и теми способами, которыми в нем осуществляется власть [Beetham, 1991: 78].

Кроме того, феномен легитимации/делегитимации рассматривается и в лингвистическом аспекте, но на данный момент работ в этом направлении крайне мало. Исследования в лингвистике выполняются посредством использования метода дискурс-анализа, ключевой интенцией которого является ответ на вопрос «как власть производит самую себя?» [Колмогорова, 2019: 34]. На данном этапе изучения этого феномена, по словам Т. А. ван Дейка [ван Дейк, 2013: 50] известно, что легитимация характеризуется как попытка сформировать позитивное отношение к своим социальным и дискурсивным практикам как в правовой сфере, так и в сознании общественности. В свою очередь делегитимация – это процесс формирования негативного отношения к социальным и дискурсивным практикам в правовой сфере и общественном сознании. Таким образом, как заключает А. В. Козачина, феномен (де)легитимации «в парадигме современного научного знания активно экстраполируется на различные социальные практики, сферы жизни и типы дискурсов» [Козачина, 2021: 41].

Методология исследования. Методы исследования основываются на теории легитимации, основные положения которой заложили такие социологи, как М. Сачман, П. Толберт, Л. Зукер и др. В следствие, изучаемые нами положения были детализированы в теории дискурсивной легитимации Т. ван Леувена.

В рамках настоящего исследования посредством методов контент-анализа литературы и целевой выборки была проведена работа по поиску материалов, способствующих описанию процесса делегитимации, а также выявлению стратегий делегитимации тела и телесности в китайской лингвокультуре. В качестве материала исследования нами было отобрано семь текстов разных годов:

(1) 美媒关注北京膀爷: "北京瘫"后又现"北京比基尼" (Американские СМИ обратили свое внимание на китайских полуголых мужчин средних лет: после «пекинского паралича» следует «пекинское бикини») [孙蒙, 2016];

(2) 多地整治“北京比基尼” 纳凉场所应减少赤膊现象 («Пекинское бикини» начали искоренять во многих местах. Появление мужчин без рубашек уменьшается) [赵丽、程雪涵, 2019];

(3) “北京比基尼”并不美文明社会拒绝“膀爷” (Пекинское бикини – это не красиво. Культурное общество отказывается от моды на оголенный мужской торс) [王俊勇, 2019];

(4) “北京比基尼”，汗衫撩起几公分才合适？ («Пекинское бикини»: на сколько сантиметров допустимо поднимать майку?) [14, 2019];

(5) 北京男子比基尼遭封杀，啤酒肚们哭了 (Пекинское мужское бикини умирает, пивные животики страдают) [15, 2019];

(6) 6 月 1 日起，“北京比基尼”可能要慢慢消失... (С 1 июня «пекинское бикини» может исчезнуть...) [16, 2020];

(7) 老外刷屏模仿的“北京比基尼”被禁,中国大爷还有穿衣自由吗? (Популярное среди иностранцев «пекинское бикини» запрещено, есть ли у китайских дядюшек свобода ходить так, как они пожелают?) [字媒体, 2020].

Помимо этого, в работе рассматривается процесс институционализации. Опираясь на работы Т. Лукмана и П. Бергера, мы выяснили, что институционализация проявляется везде, где «осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [Бергер, Лукман, 1995: 27]. Таким образом, под институционализацией понимается процесс возникновения, укоренения и передачи социального порядка. Т. Лукман и П. Бергер в своей работе выявляют три этапа институционализации: типизацию, объективизацию и легитимацию. Легитимация, в работе вышеуказанных авторов, выполняет задачу объяснения «узаконенного социального порядка, передачи другому поколению информации» [Бергер, Лукман, 1995: 30]. В каждой сфере общества предпринимаются попытки сформировать определенное отношение к тому или иному социальному явлению, то есть проявляется стремление легитимировать или делегитимировать это отношение не только на правовом уровне, но и в сознании общества. На этапе делегитимации происходит решение проблемы социального контроля; осуществление контроля происходит посредством дискурса. По мнению Т. А. ван Дейка контроль самого дискурса и его производство – и есть осуществление социального контроля [ван Дейк, 2013: 50]. Дискурс может управлять сознанием и действиями индивидов. В связи с этим власть передает определенные установки посредством дискурса через СМИ и влиятельные интернет-издания. Поэтому мы обратили особое внимание на письменный дискурс, так как он подвержен большему контролю. В связи с этим мы задействовали метод критического дискурс-анализа. Цель данного метода, по мнению Н. Фэркло, – «анализ неявных, скрытых структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке» [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 296].

Возвращаясь к процессу (де)легитимации, мы обратились к работам П. Толберта и Л. Зукера [Tolbert, Zucker, 1996: 181], которые выделили три стадии процесса легитимации: 1. Теоретизация – распространение знаний о важности и полезности нововведения, его характеристиках, а также признание адекватности нового аспекта; 2. Продвижение – создание в обществе по-

ложительного отношения к нововведению преимущественно за счет умелого внедрения нововведения в ценностную картину мира определенного общества; 3. Окончательное укоренение – нововведение становится частью культурного мира и не вызывает протестов и отторжения у общества.

В ходе нашего исследования мы обратились к работе Т. ван Леувена [van Leeuwen, 2008], который предложил четыре основных стратегии легитимации: 1. Стратегия апелляции к авторитету, которая предполагает легитимацию, а в нашем случае – делегитимацию, со ссылкой на авторитет обычаев, традиций, законов, определенной личности, за которой авторитет закреплён на институциональном уровне. 2. Стратегия моральной оценки, которая характеризует объект легитимации или делегитимации по шкале «хорошо-плохо» в системе моральных ценностей. 3. Стратегия рационализации обращается к знаниям и поведению, которые были созданы в обществе, чтобы наделить эти действия определенными основаниями. 4. Мифопоэтическая стратегия обращена к сознанию человека через поучительные рассказы, в которых протагониста поощряют за выполнение действий, соответствующих социальной модели (де)легитимации, а за попытки пойти против принятой социальной модели – наказывают.

Таким образом, благодаря следованию диахронической логике, а также дедуктивному методу и дискурс-анализу, мы выделили основные этапы делегитимации и затем определили конкретные дискурсивные стратегии делегитимации по теории Т. ван Леувена. С помощью выявления стадий и стратегий делегитимации тела и телесности в Китае мы определили основные особенности развития китайской лингвокультуры на современном этапе.

Результаты исследования. В результате анализа и интерпретации результатов, проведенных в диахроническом аспекте и при помощи дискурс-анализа, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, сама тенденция оголения живота зародилась достаточно давно; связана она с тем, что мужчинам, работающим в полях на открытом воздухе, было чрезвычайно жарко двигаться в рубашках. В связи с этим они

стали снимать их и работать полуобнаженными [Броднева, Чистова, 2015]. Само выражение «пекинское бикини» (北京比基尼 Beijing bikini) получило название в 2015 году. Опираясь на интернет-пост в портале «Hainabian», один из блогеров написал, что *(стилистика и выбор лексических единиц сохранены – ПД): «В 2015 году один английский веб-сайт под названием The Beijinger летом запустил конкурс фотографий с оголенным животом (настоящие придурки) и призвали всех живущих в Китае англичан задрать футболки и фотографироваться», «Возможно, пекинские дядюшки слишком откровенно заворачивали свои футболки, а глупые иностранцы стали просто развлекаться, и хаштэг #BeijingBelly превратился в #BeijingBikini. Впоследствии этот хаштэг очень быстро превратился в скандальную новость в СМИ»* [Hainabian, 2019]. Таким образом, благодаря стратегии апелляции к авторитету, а именно освещению в зарубежной прессе, термин стал новой лексической единицей в китайском языке, так как данное явление строилось как текст-реакция, который должен был вызвать рефлексию общественности, обсуждение. В данном случае начало было положено в англоязычных постах, а затем перешло и в китайское общество.

Во-вторых, по результатам статистического подсчета стратегий делегитимации, обнаруженных в новостных статьях за последние годы, было выявлено, что основной стратегией, к которой обращаются СМИ и правительство Китая, стала **стратегия апелляции к авторитету** (Рис. 1).

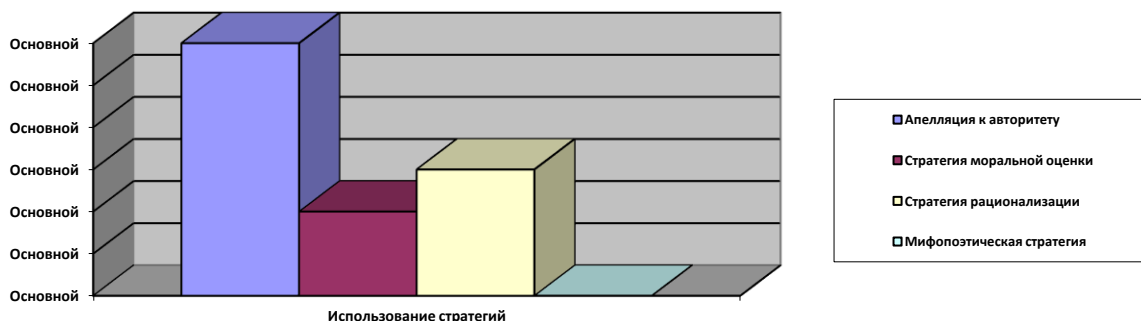

Рис. 1. Частота использования стратегий делегитимации в Китае

Первым этапом делегитимации следует считать начало обсуждения проблемы. Уже 2016 году прослеживается использование дискурсивной стратегии апелляции к авторитету СМИ: «中国媒体定期发起宣传活动, 反对这种裸露» («*Китайские СМИ регулярно проводят пропагандистские кампании против такого вида наготы*») [Reference News, 2016]. Так, опираясь на авторитет СМИ, правительство акцентирует внимание на неадекватности подобного поведения. В данном случае процесс делегитимации находится только на начальном этапе, то есть на этапе теоретизации. Стратегия реализуется через такие лексические единицы, как: *против, пропагандистские компании, такой вид наготы*. Использование таких языковых единиц говорит о начале создания негативного образа пекинского бикини.

Кроме того, нами была выявлена стратегия апелляции к авторитету на законодательном уровне, которую широко использует правительство Тяньцзина. В городе в 2019 году был опубликован «Устав о поощрении культурного поведения в Тяньцзине» («天津市文明行为促进条例»). В Уставе в статье 11 главе 2 «Основные нормы культурного поведения» есть слова, касающиеся того, что нужно носить одежду, соответствующую общественным нормам: «第十一条 在公共场所应当遵守下列规定: (1) 着装整洁得体, 言行举止文明» («*Статья 11. Правила поведения в общественных местах: (1) Подобающе и опрятно одеваться, культурно выражаться и следить за поведением*»). В то же время в главе 5 Устава «Исполнение законов и наказания» встречается точная формулировка того, за что и как могут наказывать: «第五十五条 有下列行为之一不听劝阻的, 由接到报警的公安机关责令改正, 拒不改正的处五十元以上二百元以下罚款: (一)在公共场所赤膊的; » («*Статья 55. Любому человеку, отказывающемуся выполнить увещевания, органы общественной безопасности имеют право выписать штраф в размере от 50 до 200 юаней: (1) за нахождение в общественных местах с обнаженным торсом (мужчины)*»). В данном случае встречается иероглиф (赤膊, chibo), который переводится как «с обнаженным торсом, обнаженный до пояса, с

голой спиной». В этом случае уже наблюдается появление другого слова, описывающего явление пекинского бикини. При разборе слова по морфемам получается, что первый иероглиф означает (赤) «нагой», а второй (膊) – «плечо, лопатка».

В данном примере объект делегитимации пресекается на законодательном уровне через процесс легитимации соблюдения культурного поведения. Это проявляется в таких лексических единицах, как: *поощрение культурного поведения, подобающе и опрятно одеваться*.

В городе Ханчжоу СМИ используют стратегию апелляции к авторитету женщин и этикету: «...光着膀子出入公共场所, 有碍观瞻, 尤其会让女性觉得不自在, 这种行为缺乏最基本的礼仪, 暴露了自身文明水准的低下。」 (*«Ходить в общественных местах с оголенным торсом – вовсе не привлекательно, более того, это может смущать женщин. Подобное поведение говорит о недостатке знаний этикета и низком уровне культуры»*) [Ханчжоуская газета, 2019]. Проявление стратегии апелляции к авторитету можно проследить в следующих фразах: «...光着膀子出入公共场所, 有碍观瞻...» («*оголенный торс – вовсе не привлекательно*»), «...会让女性觉得不自在...» («*это может смущать женщин*»), то есть заставлять их чувствовать себя не удобно. Кроме того, фраза, сообщающая, что такое поведение – показатель низкого уровня культуры, указывает на то, что СМИ также используют стратегию рационализации («...这种行为缺乏最基本的礼仪, 暴露了自身文明水准的低下» - «*Подобное поведение говорит о недостатке знаний этикета и низком уровне культуры.*») [Ханчжоуская газета, 2019].

В 2019 году в самой известной китайской газете «Женьминь жибао», обсуждая вопрос о делегитимации культуры пекинского бикини, СМИ используют стратегию апелляции к авторитету врачей и общества (Женьминь жибао, 2019). «...有医学专家科普说:光膀子、露肚子未必凉快。尤其当环境温度高于皮肤温度时,蒸发是皮肤唯一的散热方式,如果裸露皮肤,不仅有晒伤之虞,皮肤还会从外界吸收热量。 散热反增热,还不如老实穿上吸汗的衣服。」

(«Некоторые **медицинские эксперты** говорят: хождение обнаженным, заворачивание футболок – не всегда хорошо. Испарение – это единственный способ охлаждения кожного покрова в жаркий период времени. Если оголять кожу, можно не только получить ожог, но еще может получиться так, что кожа начнет забирать еще больше тепла из окружающей среды. Для нормального охлаждения лучшим способом является – одежда, впитывающая пот») [Женьминь жибао, 2019]. Опираясь на авторитетное мнение врачей, СМИ, соответственно, могут оказать должное влияние на китайское общество. Кроме того, в этой же статье, в газете Женьминь жибао, автор указывает на то, что, если люди думают о других и не хотят причинять им дискомфорт, естественно, опустят рубашки вниз («...在公共生活中,拥有替他人着想、莫让他人难堪的习惯,自然就会放下撩起上衣的手了»).

В-третьих, процесс делегитимации такого телесного феномена как пекинское бикини, вышел на этап продвижения, то есть, на этап создания отрицательного отношения к явлению. Это можно проиллюстрировать на примере того, как китайские блогеры прибегают к методу сравнения пивных животиков и подкаченных спортивных тел. В блоге на сайте Sina Weibo автор использует стратегию апелляции к авторитету, сравнивая пивные мужские животы, которые обычно оголяются, с шестью красивыми кубиками. Автор утверждает, что «смотреть на пивной живот не приносит удовольствия» [Sina Weibo, 2019], но оголенный живот с шестью кубиками можно простить. В данном примере автор решает противопоставить пивные животы накаченному торсу и, проводя такую параллель, указать на то, что так называемый авторитет спортивного тела имеет большой успех и признание в обществе.

Совсем недавно в Пекине также начали бороться с данным феноменом, и 1 июня 2020 года в силу вступил «Устав о поощрении культурного просвещения в Пекине» («北京市文明行为促进条例»). С выходом данного устава, правоохранительные органы обязаны усилить ежедневный контроль улиц на выявление некультурного поведения. Любой человек имеет право порицать запретные паттерны, пресекать их, а также подавать жалобу в горя-

чую линию администрации или в соответствующие правоохранительные органы. Кроме того, на официальном уровне разрешено фотографировать и записывать факты некультурного поведения. Стоит также отметить, что пекинское правительство, проводя процесс делегитимации пекинского бикини, использует стратегию апелляции к авторитету, а именно к правовому документу.

Таким образом, в процессе проведения дискурс-анализа, было выяснено, что **стратегии моральной оценки и рационализации** используются в СМИ и правительством примерно в равной степени. Кроме того, эти стратегии, в сравнении со стратегией апелляции к авторитету, используются реже (см. Рис.1).

В следующем примере можно четко проследить стратегию рационализации через проведение социальной акции правительством: «同样是在2015年，河北省邯郸市城管开展了“美丽邯郸拒绝膀爷”的专项行动，除了进行规范整治以外，工作人员还会动员路边的餐饮摊摊主对赤膊者进行劝阻。」 (*«В 2015 году в городе Ханьдань, провинции Хэбэй, началась специальная акция «Прекрасный город Ханьдань **против** мужчин, не надевающих рубашки в общественных местах». Помимо того, что началось введение норм поведения, еще и работники уличных киосков с едой начали проводить беседы с мужчинами с обнаженным торсом»*) [Legal Daily, 2019]. Правительство показывает населению, что «мужчины не надевающие рубашки» - демонстрируют низкий культурный уровень, поэтому с этим нужно бороться. Кроме того, в тексте данного источника используется лексическая единица «*против*», что говорит о начале процесса делегитимации.

В 2019 году началась серьезная борьба с феноменом пекинского бикини, и некоторые города и провинции стали вводить меры по искоренению некультурного поведения в летний период. Попытки внедрения стратегии моральной оценки наблюдаются в городе Ханьдань, так как работники уличных киосков могут открыто вести поучительные беседы с мужчинами, сле-

дующими стилем «пекинское бикини»: «除了进行规范整治以外, 工作人员还会动员路边的餐饮摊摊主对赤膊者进行劝阻» («... Помимо того, что началось введение норм поведения, еще и работники уличных киосков с едой начали проводить беседы с мужчинами с обнаженным торсом») [Legal Daily, 2019].

В Цзинане, Тяньцзинь и Шэньяне начали вводиться противоборствующие меры с обнаженными торсами: публичные наставления, а в некоторых городах и штраф в размере от 50 до 200 юаней. Правительство, используя стратегию рационализации, через категорию гражданской ответственности, ведет борьбу с феноменом, номинируемым **некультурным** (不文明), кроме того правительство считает, что «...不雅行为影响市容» («такое непристойное поведение влияет на облик города») [Legal Daily, 2019]. В этом случае правительство через СМИ использует стратегии моральной оценки и рационализации, указывая на то, что непристойное (некультурное) поведение – это результат некрасивого облика города.

Таким образом, изучая процесс делегитимации телесности в китайской лингвокультуре, мы наблюдаем обращение к следующим стратегиям: стратегия апелляции к авторитету, стратегия моральной оценки и стратегия рационализации. В связи с этим можем выделить следующие ценностные установки, которые использует правительство Китая: подчинение законам и правилам, уважение к окружающим людям, преданность общественным интересам и желание создать определенный имидж страны в глазах других государств.

Обсуждение. В результате анализа дискурсивных стратегий делегитимации телесности в китайской лингвокультуре нам удалось выяснить, что феномен пекинского бикини подрывает облик Китая в глазах других государств, в связи с этим правительство начинает проводить политику повышения цивилизованного поведения и культурного уровня китайского социума. Китай начинает обращаться к определенным ценностным установкам, изда-

вая новые указы и уставы. Апеллируя к морали и уважению, Китай увеличивает важность преданности обществу, а не удовлетворению личных желаний.

В результате дискурс-анализа нами не было выявлено ни одного примера мифопоэтической стратегии. Предположительно, в связи с тем, что процесс делегитимации находится на этапе теоретизации и продвижения, мифопоэтическая стратегия еще не вступила в свою силу. В будущем, возможно, появятся примеры, относящиеся к данному виду стратегии.

Процесс делегитимации пекинского бикини еще не закончен. В 2019 году корреспондент Legal Daily проводил анализ феномена на пекинских улицах, и было выяснено, что пекинское бикини почти не встречается в многолюдных местах и местах скопления туристов, но «в маленьких переулках, в районах хутунов мужчин с оголенным торсом еще много» [Legal Daily, 2019]. Процесс делегитимации феномена пекинского бикини находится на стадии продвижения. Соответственно, в дальнейшем можно продолжить изучение данного процесса и проследить его окончательную реализацию.

Заключение. Благодаря проведению анализа дискурсивных стратегий делегитимации телесности в лингвокультуре Китая были выделены основные этапы процесса делегитимации, а также ценностные установки, которые китайское правительство пытается имплицитно внедрить в сознание китайского социума. Процесс делегитимации преимущественно направлен на подчинение законам и правилам, а также на следование общественному строю Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995, 323 с.
2. Броднева И.А., Чистова Е.В. Языковая личность современного китаец (на материале текстов персональных веб-страниц) // Казанская наука. 2015. № 7. С. 56–58.
3. ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 342 с.

4. Йоргенсен М. В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. 2-е изд. испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008, 352 с.
5. Колмогорова А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. №1(67). С. 33–40.
6. Козачина А. В. Стратегии и средства легитимации институционализованных ценностей в педагогическом дискурсе: дисс. канд. филол. наук: 10.02.19. К., 2021.
7. Deephouse D., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism // London: Sage, 2008. P.49–77.
8. Beetham D. The legitimation of Power. Macmillan, Basingstoke, 1991.
9. Suchman M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // Academy of Management Review, 1995. Vol. 20, №3. P. 571–610.
10. Tolbert P. S., Zucker L. G. The institutionalization of institutional theory // Handbook of Organization Studies. London: SAGE, 1996. P. 17–90.
11. Van Leeuwen T. Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis. // Oxford : Oxford Univ. Pr., 2008.
12. 孙蒙。 美媒关注北京膀爷: "北京瘫"后又现"北京比基尼", 02.09.2016. [Сунь Мен. «Американские СМИ обратили свое внимание на китайских полуголых мужчин средних лет: после «пекинского паралича» следует «пекинское бикини»»]. URL: <http://news.haiwainet.cn/n/2016/0902/c3541083-30284895.html> (дата обращения: 21.02.2021).
13. 赵丽、程雪涵。多地整治“北京比基尼” 纳凉场所应减少赤膊现象, 27.02.2019. [Чжао Ли и Чэн Сюехань. «Пекинское бикини» начали искоренять во многих местах. Появление мужчин без рубашек уменьшается»]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-07/23/c_1124785354.htm (дата обращения: 21.02.2021).
14. 王俊勇。北京比基尼”并不美文明社会拒绝“膀爷”, 27.02.2019. [Ван Цзюньйон «Пекинское бикини – это некрасиво. Культурное общество отказывается от моды на оголенный мужской торс»]. URL:

<https://news.hexun.com/2019-07-27/198000391.html> (дата обращения: 21.02.2021).

15. “北京比基尼”，汗衫撩起几公分才合适？ 13.08.2019. [«Пекинское бикини»: на сколько сантиметров допустимо поднимать майку?». URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1641741476255556634&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 21.02.2021).

16. 北京男子比基尼遭封杀，啤酒肚们哭了， 10.07.2019. [«Пекинское мужское бикини умирает, пивные животики страдают»]. URL: <http://fashion.sina.com.cn/l/wa/2019-07-10/1705/doc-ihytcerm2671669.shtml> (дата обращения: 21.02.2021).

17. 6月1日起，“北京比基尼”可能要慢慢消失... , 26.04.2020. [«С 1 июня «пекинское бикини» может исчезнуть...»]. URL: <http://yingyu.xdf.cn/yd/politics/202004/11054540.html> (дата обращения: 21.02.2021).

18. 字媒体。老外刷屏模仿的“北京比基尼”被禁,中国大爷还有穿衣自由吗? , 04.10. 2020. [Цзы Мейти. «Популярное среди иностранцев «пекинское бикини» запрещено, есть ли у китайских дядюшек свобода ходить так, как они пожелают?»]. URL: <https://www.hinabian.com/theme/detail/8571182715595467280.html> (дата обращения: 21.02.2021).

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ИММИГРАНТА В БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация: в данной статье рассматриваются дискурсивные стратегии и тактики, используемые в британских СМИ во время пандемии коронавируса для формирования образа иммигрантов, проживающих и работающих в Великобритании в данный период. Проводится анализ как лингвистических, так и экстралингвистических компонентов, которые позволяют определить дискурсивные практики, формирующие отношение к иммигрантам в британском обществе.

Ключевые слова: иммигрант, медиадискурс, пандемия, Covid-19, дискурсивные стратегии.

Abstract: The article represents an insight into discourse strategies and tactics used in British mass media during the period of Covid-19 in order to form a common image of immigrants who live and work in the UK. It includes the analysis of both linguistic and extralinguistic components which allow to determine current discourse practices aimed at creating an attitude towards immigrants in British society.

Keywords: immigrant, mediadiscourse, pandemic, Covid-19, discourse strategies.

Материалом настоящего исследования послужили новостные статьи британских изданий The Guardian и The Independent, формирующих наиболее нейтральное общественное мнение в рамках британского медиадискурса. В настоящем исследовании мы будем понимать термин «медиадискурс» как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, 2004]. Главной характеристикой медиадискурса является его социально-ценностная функция. Другими словами, в медиадискурсе «отражаются основные общественные идеи, социальные устремления и

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Н.Г. Бурмакина.

идеалы, культурные и нравственные ценности» [Клушина, 2010: 25]. Важными характеристиками медиадискурса являются его ориентированность на массового адресата, технически-опосредованный и непрямой характер коммуникации (по временному признаку) [Желтухина, 2004].

Образ «чужого» в самом широком смысле можно определить как все выходящее за границы «своего» пространства, «прежде всего незнакомое, лежащее за пределами привычного образа жизни, то есть то, на что не может сослаться собственный жизненный опыт [Bollnow; цит. по: Куликова, 2004: 39]. Объясняется это идентификационной деятельностью человека в обществе, в результате которой складываются дискурс различности и схожести [Уфимцева; цит. по Детинко, Куликова, 2017], в рамках которых формируются группы «своих» и «чужих», базируясь на разных признаках, например, статусном и социальном положении, этнической принадлежности и др. Отмечается, что границы групп при этом четко определены, а межгрупповые различия преувеличены и позволяют легко идентифицировать группу «чужих» от группы «своих» [Там же: 8]. Образ «чужого» широко исследуется в работах посвященных политическому дискурсу. В данных исследованиях дихотомия «свой-чужой» рассматривается с позиции отношения к политическим оппонентам. Однако сфера «чужое» может относиться не только к политическим соперникам. По мнению Е.В. Кишиной сфера «чужое» гетерогенна, и может включать в себя множество сегментов, например, территориальный сегмент, социальный сегмент, конфессиональный сегмент и др. [Кишина, 2009: 50]. Соответственно концепт «иммигрант», рассматривающийся в данной работе, будет являться частью дихотомии «свой – чужой» по признаку этнической принадлежности. Характерным паттерном, реализующимся в отношении к «чужим» является отрицательная тональность, выражение агрессии и неприятия со стороны «своих». Именно в этом, по мнению О.С. Иссерс и М.Х. Рахимбергеновой, лежат главные отличия «чужих» от «других». «Другие» в основном характеризуются наличием интереса со стороны «своих», выражением толерантности и принятия, «чужим» наоборот

свойственна отрицательная характеристика со стороны «своих», отторжение группы [Иссерс; Рахимбергенова, 2007]. Несмотря на то, что в основном отношение к «чужим» характеризуется как отрицательное, анализ высказываний, имеющих референцию к иммигрантам в британском обществе, позволяет говорить о двух разнонаправленных тенденциях. Первая тенденция заключается в портретировании иммигранта в негативном ключе, который основывается на описании таких эмоциональных элементов как страх, неприязнь, опасность. Вторая тенденция заключается в более толерантном описании иммигрантов журналистами, которые стараются не прибегать к негативным эмоциональным и этическим оценкам [Титов, 2003].

1. Конструирование образа иммигранта происходит посредством коммуникативных стратегий, которые направлены на достижение коммуникативных целей участников общения. Такие стратегии охватывают весь процесс формирования и построения дискурса. В рамках коммуникативных исследований стратегия определяется как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев, 2002: 18]. Также стратегия понимается как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2008: 53]. Под дискурсивной стратегией мы понимаем концептуальное видение участником дискурса своего дискурсивного поведения, основанное на осознании путей оптимального достижения цели в условиях социальной интеракции и способов их выражения в конкретных языковых средствах [Димова, 2004: 7]. Реализация стратегии предполагает пошаговое осуществление различных тактик, которые рассматриваются в качестве «совокупности практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [Клюев, 2002: 19].

Обратимся к стратегиям формирования образа иммигранта в британском медиадискурсе. Стратегия идентификации чужеродности ориентирована на разграничение «своих» и «чужих». Характеризуется данная стратегия, во-первых, идентификацией факторов, определяющих чужеродность имми-

грантов, во-вторых, противопоставлением «своих» (жителей Великобритании) и «чужих» (иммигрантов). Соответственно, тактиками, с помощью которых реализуется стратегия идентификации чужеродности являются тактика негативного позиционирования иммигрантов и тактика дистанцирования от иммигрантов.

Тактика негативного позиционирования иммигрантов реализуется через негативное описание поведения, уклада жизни иммигрантов, таким образом дистанцируя данный слой населения от британского населения, отмечая чужеродность иммигрантов и их отрицательное влияние на уклад жизни местного населения Великобритании. Обратимся к примеру:

“The charges against that latter group are various: poaching jobs from British-born citizens, depressing wages, failing to observe cultural norms and generally upsetting people with conspicuous otherness” (Siddique, 2020).

В данном контексте чужеродность иммигрантов конструируется через перечисление составляющих поведения иммигрантов, которые отрицательно сказываются на условиях жизни британцев, о чем говорит частое использование оценочных лексем с негативной семантикой (*depressing, upsetting*).

Тактика дистанцирования от иммигрантов реализуется через отрицательное описание условий жизни иммигрантов во время пандемии Covid-19. Чужеродность в данном варианте выражается в том, что в отличие от британского населения Великобритании иммигрантам не обеспечивают безопасные условия существования во время пандемии. Основными средствами реализации данной тактики являются номинативные словосочетания и глагольные конструкции, указывающие на неблагоприятные условия жизни иммигрантов и их невозможность воспользоваться услугами, доступными для британцев:

“Survey uncovers evidence of exploitative employment and unsafe living conditions” (Siddique, 2020);

“Illegal migrants are not eligible for mainstream benefits” (Siddique, 2020);

“... precarious employment or on visas that prohibit access to benefits”
(The Guardian Editorial, 2020);

“we are unable to take up employment, rent an accommodation or apply for any benefits, and we certainly cannot open a UK bank account” (The Independent, 2020).

Данные примеры демонстрируют актуализацию чужеродности по отношению к иммигрантам во время пандемии Covid-2019. Самыми частыми номинациями, отражающими неблагоприятные условия жизни иммигрантов, стали такие словосочетания как *exploitative employment* и *unsafe living conditions*.

Одним из приемов реализации тактики дистанцирования от иммигрантов также является сравнение позиций иммигрантов и британского населения через констатацию неравенства положения данных слоев населения. Реализуется данная тактика, во-первых, через противительные конструкции, которые помогают отразить неравенство «своих» и «чужих», акцентируя при этом внимание на ущемленном положении иммигрантов как представителей другой культуры:

“... people from ethnic minorities to be at greater risk of testing positive for and dying from coronavirus than the white British population” (Siddique, 2020);

“Respondents were paid £6.01 per hour on average, compared with the independently set living wage of £9.30” (The Guardian Editorial, 2020);

Тактика дистанцирования от иммигрантов также реализуется через использование личных и притяжательных местоимений, указывающих на границу между «своими» и «чужими», и позволяющих провести идентификацию с определенной группой:

*“Without the assistance of these hardworking foreign nationals, **our** NHS would be in dire straits”* (Taylor, 2021);

*“... migrants **like us** are left very vulnerable in increasingly desperate circumstances”* (The Independent, 2020).

Данные примеры иллюстрируют, как использование личных местоимений позволяет провести границу между сферами «мы» и «они».

Наконец, тактика дистанцирования от иммигрантов реализуется через указание на их невключенность в практики социальной поддержки. В основном тактика дистанцирования в данном варианте реализуется через использование местоимений *one* и *none*:

*“Out of the 78 respondents, 59 of whom were undocumented, 13 had experienced coronavirus symptoms but **only one** had sought medical care...”* (Siddique, 2020);

*“Nine out of 10 survey respondents were care and domestic workers, and **none** did work that could be carried out from their own home”* (The Independent, 2020).

Отметим также, что стратегия идентификации чужеродности реализуется в британском медиадискурсе экстралингвистически. Рассмотрим пример:

Рис. 1. (Bulman, 2020)

В данном случае чужеродность иммигрантов отражена посредством использования изображения стены из колючей проволоки, расположенной вокруг центра размещения иммигрантов. Поскольку стена ассоциируется с разделением и дистанцированием, данное изображение достаточно ярко иллюстрирует пропасть между «своими» и «чужими».

Таким образом, стратегия идентификации чужеродности представлена тактикой негативного позиционирования иммигрантов, реализующейся через описание культурных и социальных отличий иммигрантов от британского населения, и тактикой дистанцирования от иммигрантов, в рамках которой происходит противопоставление своих и чужих.

Тенденция фокусирования внимания на чужеродности и инаковости иммигрантов сосуществует в период пандемии со стремлением продемонстрировать сплочённость общества перед угрозой коронавируса. В британском медиадискурсе в период пандемии Covid-19 распространена стратегия манифестации интегрированности иммигрантов в общество, которая ориентирована на то, чтобы подчеркнуть сближение представителей британского общества и иммигрантов. Данная стратегия осуществляется посредством тактики сближения, которая заключается в стремлении показать иммигрантов как ответственных людей, у которых есть семьи и обязательства. В рамках данной тактики используются лексические единицы с семантикой семьи, жизни и будущего, а также модальность, указывающая на долг:

“...have to go out and work to provide for my family” (Siddique, 2020);

“...to improve the lives and futures of their families. It is not a crime to hope for a better life” (Siddique, 2020);

“...visa for eligible professionals and their families...” (Taylor, 2021).

Поскольку в приведённых примерах внимание читателя фокусируется на теме «стремление к благополучию семьи», они подтверждают, что иммигранты прилагают свои усилия для обеспечения своих семей и создания им благоприятных условий жизни. Выражается это на лингвистическом уровне через такие существительные как *family, life, hope, future*, а также через актуализацию темы «долг перед семьёй» (*have to go out and work*).

Семья считается одной из ключевых ценностей в британском обществе, такое поведение иммигрантов указывает на наличие у них общих целей и жизненных ценностей с гражданами Великобритании, что делает тактику сближения, используемую в медиадискурсе достаточно эффективной. Сле-

дующая тактика, реализующая стратегию манифестации интегрированности иммигрантов в общество – тактика позитивного позиционирования, которая нацелена на демонстрацию роли иммигрантов в поддержании экономики Великобритании и в борьбе с коронавирусом, а также на выражение благодарности им. Она реализуется через использование лексических единиц с семантикой вклада, помощи и самоотверженности:

*“Their only wish is to **contribute** their skills to British society...”* (Siddique, 2020);

*“...the **heroic contribution** and **sacrifices** made by immigrants”* (The Guardian Editorial, 2020);

*“...many migrant healthcare professionals **were putting their lives on the line** caring for Covid patients”* (Taylor, 2021);

*“...immigrants who **help** keep the country afloat...”* (The Guardian Editorial, 2020).

В приведённых примерах эксплицируется значительная роль иммигрантов в борьбе с вызовами и угрозами. Приводится положительная оценка вклада иммигрантов в борьбу с коронавирусом и в поддержание британского общества в этой непростой ситуации. Данная оценка выражается через глаголы и глагольные конструкции с семантикой вклада и риска (*contribute, put their lives on the line*), а также существительные с семантикой вклада, помощи и жертвенности (*help, contribution, sacrifices*).

В условиях пандемии Covid-19 британское общество обрело новые цели и ценности – объединение усилий для борьбы с опасной болезнью, поддержка и помощь людям, которые по каким-то причинам не в состоянии позаботиться о себе самостоятельно. Так, поведение представителей этнических меньшинств в тяжёлых условиях соответствует нормам и ценностям, принятым в британском социуме, что также сближает иммигрантов с остальными членами общества.

Тактика позитивного позиционирования также осуществляется при помощи экстралингвистических средств, которые ориентированы на выражение благодарности.

В качестве примера рассмотрим фотографию граффити, изображающую девушку в хиджабе, которая является сотрудницей Национальной службы здравоохранения, с подписью *Thank you*.

Рис.2. (The Guardian Editorial, 2020)

Таким образом, дискурсивная стратегия манифестации интегрированности иммигрантов в общество репрезентируется при помощи тактики сближения и тактики позитивного позиционирования иммигрантов, которые позволяют минимизировать враждебный настрой по отношению к иммигрантам и приравнять их к британскому обществу.

В результате проведенного исследования были выделены две стратегии, реализуемые в британском медиадискурсе периода пандемии Covid-19: стратегия идентификации чужеродности и стратегия манифестации интегрированности иммигрантов в общество. Стратегия идентификации чужеродности реализуется через тактики негативного позиционирования и дистанцирования иммигрантов, а стратегия манифестации интегрированности иммигрантов в общество – через тактики сближения и позитивного позиционирования иммигрантов. Стремление дистанцироваться от иммигрантов, эксплицитировать их культурную чужеродность сосуществует в современном британском медиадискурсе с практиками создания положительного образа представителей национальных меньшинств. Данные разнонаправленные тенденции

находят отражение в реализации дискурсивных стратегий. В итоге образ иммигранта в британском медиадискурсе во время пандемии Covid-19 удовлетворяет всем чертам образа «чужого», однако характеризуется при этом некоторой положительной оценочностью. Условия пандемии и тяжёлые последствия, которые она повлекла для экономики страны и жизни людей в целом, приводят к сплочению общества, отбрасывая этнически и культурно обусловленные различия членов этого общества. Результаты настоящей работы подтверждают тот факт, что трудные исторические моменты способствуют сближению и объединению представителей различных лингвокультурных общностей. Дальнейшие перспективы работы заключаются в расширении рамок исследования за пределы британского медиадискурса для того, чтобы сравнить образы иммигранта, конструируемые в период пандемии Covid-19 в различных лингвокультурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Детинко Ю.И., Куликова Л.В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография / Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 168 с.
2. Димова Г.В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.05. Иркутск, 2004. 343 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Вестн. Моск. ун-та. Сер 10. Журналистика № 2, 2006. С. 20–33.
4. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ. автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.05. М., 2005. 24 с.
5. Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) / Политическая лингвистика 3(23), 2007. С. 90–96.

6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Кишина Е.В. Смысловая модель категории “свое - чужое” на уровне политического дискурса / Вестник Томского государственного университета №1(5), 2009. С. 47–52.
9. Клушина Н.И. Современный медиадискурс и его коммуникативно-стилистические особенности / Мир русского слова № 2, 2010. С. 25–29.
10. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Учеб. пособие для университетов и вузов. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
11. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: Монография. Красноярск: РИО КГПУ. 2004. 196 с.
12. Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) / “Социологические исследования” №11 [Электронный ресурс]. 2003. URL: <https://clck.ru/UqYT6> (дата обращения 16.05.21).
13. Bulman M. Coronavirus: Asylum seekers and detainees unable to get tests despite confirmed cases in living facilities / Independent [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://goo-gl.ru/UjxGs> (дата обращения 16.05.21).
14. Bulman M. Coronavirus: Doctors call for suspension of NHS charging regulations as vulnerable groups ‘effectively denied’ healthcare / Independent [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://goo-gl.ru/RvNCf> (дата обращения 16.05.21).
15. Bulman M. Hundreds of thousands of migrants ‘much less likely’ to get vaccine due to hostile environment fears, MPs warn / Independent [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://goo-gl.ru/Euiqp> (дата обращения 16.05.21).
16. Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28. P. 474–494.

17. Independent Editorial. This is what it feels like to be a destitute asylum seeker in a pandemic / Independent [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://goo-gl.ru/NObYA> (дата обращения 16.05.21).

18. Siddique H. Covid-19 worsening plight of UK migrants, report finds / TheGuardian.com [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://clck.ru/UeLfP> (дата обращения 16.05.21).

19. Taylor D. Migrant healthcare workers on Covid frontline angry about deportation risk / TheGuardian.com [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://clck.ru/UeMSm> (дата обращения 16.05.21).

20. The Guardian Editorial. The Guardian view on immigration and Covid-19: old myths are exposed / TheGuardian.com [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://clck.ru/NDpXa> (дата обращения 16.05.21).

РЕЧЕВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВ С СОМАТИЗМОМ «РУКИ» В ТЕКСТАХ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 19 ВЕКА (ЗНАКИ-СИНОНИМЫ)

Аннотация: В статье представлен анализ выражений, обозначающих жесты рук в произведениях русских классиков 19 века: М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и А.П. Чехова. Обращается внимание на синонимию невербальных знаков и их речевое воплощение.

Ключевые слова: жест, невербальный знак, невербальное поведение, знаки-синонимы.

Annotation: The article analyzes the expressions denoting hand gestures in the texts of Russian classics of the 19th century: M.Yu. Lermontov, N.V. Gogol, I.S. Turgenev, and A.P. Chekhov. Attention is drawn to the synonymy of non-verbal signs and their speech embodiment.

Keywords: gesture, non-verbal sign, non-verbal behaviour, synonymic signs.

В настоящее время, невербальная коммуникация исследуется представителями разных наук: «лингвистами, социологами, психологами и специалистами в области невербальной семиотики, комплексной науки, одной из задач которой является как раз выявление и описание природы и механизмов невербальной знаковой коммуникации [Крейдлин: 2006, 290].

Невербальная коммуникация – это «обмен и интерпретация людьми невербальных сообщений, закодированных и передаваемых особым образом, а именно: посредством выразительных движений тела; звукового оформления речи; определённым образом организованной микросреды, окружающей человека; использования материальных предметов, имеющих символическое значение. От вербальных сообщений невербальные отличает большая многозначность, ситуативность, синтетичность, спонтанность» [Куницына: 2001, 82].

♦ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.А. Кудрявцева

В последнее время активно исследуются невербальные знаки в художественных текстах. По мнению М.А. Маякиной «описание невербальной коммуникации в художественном тексте непосредственно связано с коммуникативным процессом. <...> Трансляция переживаний и эмоций персонажей осуществляется не только вербально, но и при помощи средств невербальной коммуникации, причём авторы художественных произведений нередко дают даже более убедительное описание эмоциональной жизни человека, чем это делают психологи» [Маякина: 2011, 249].

О.В. Дунаева, анализируя знаки, выражающие состояние персонажей художественного произведения, обращает внимание на жесты-синонимы, то есть разные знаки, которые имеют сходное или тождественное значение, и жесты-омонимы – знаки, одинаково выражаемые, но выражающие различные смыслы.

В качестве примера жестовой синонимии исследовательница называет знаки: «пощипывать усы» и «забарабанить пальцами по стеклу», которые выражают нервозность. Жестовую омонимию О.В. Дунаева иллюстрирует кинемой «покачивать головой» в значениях «утвердительное покачивание» и «отрицательное покачивание» [Дунаева, 2010, 32].

Речевому воплощению невербального поведения в литературе также посвящена работа Т.А. Чеботниковой «Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы». По её мнению, благодаря авторским ремаркам, замечаниям, мы можем увидеть несоответствие вербального и невербального поведения героев [Чеботникова: 2011, 7].

Психолингвист И.Н. Горелов в своей статье «О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения», иллюстрируя свои умозаключения, приводит отрывок из произведения Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Учёный обращает внимание на то, как Ф.М. Достоевский описывает невербальное поведение, для него «важно <...> показать, что и в художественно-литературном тексте мы можем найти и верно <...> интерпретировать невербальные средства коммуникации» [Горелов: 2003, 14].

Некоторые исследователи прослеживают определённую преемственность в использовании некоторых жестов авторами русской литературы. Д.В. Постнова изучает «преемственность» жестового поведения персонажей русских писателей: жестов, употребляемых персонажами в аналогичных ситуациях. Например, можно посмотреть на проблему маленького человека «с точки зрения организации системы жестов» [Постнова: 2008, 141].

Д.В. Постнова полагает, что повторение жеста «спустить с лестницы» по отношению к маленькому человеку является преемственным: сначала его использует А.С. Пушкин в «Станционном смотрителе», в момент, когда Вырин в очередной раз пытается увидеть Дуню, лакей «сильною рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу». Далее, Ф.М. Достоевский переосмысляет этот жест в «Бедных людях»: Деушкин решает вступить за честь Вареньки и отправляется к оскорбившему её офицеру, где его также «с лестницы и сбросили, то есть оно не то чтобы совсем сбросили, а только так вытолкали» [Постнова: 2008, 141].

По мнению Г. П. Козубовской и Д. Сабадаш, «жесты, обнаруживая свою архетипичность, формируют подтекст произведения» [Козубовская, Сабадаш: 2005, 244]. Это суждение подтверждает теорию Д.В. Постновой о «перехождении» и «преемственности» жестов в текстах разных авторов.

Таким образом, мы видим, что жестовое поведение в пространстве художественного текста активно изучается.

Рассмотрим жесты и их речевое воплощение в текстах писателей XIX века. Материалом исследования послужили произведения: М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и А.П. Чехова.

Среди знаков, представляющих движения рук, мы отмечаем знаки-синонимы.

1. Жесты, выражающие эмоциональное состояние

1.1. Недовольство, нервозность

Состояние недовольства представлено следующими невербальными знаками-синонимами:

Махать руками

«Приходит Феона и, фыркая, **резко махая руками**, расстилает около стола коврик» (А. П. Чехов. Мыслитель).

Поднимать руки вверх

По словам героя произведения «Переполох», Николая Сергеевича, мы видим, что он чем-то недоволен, раздосадован, следовательно, жест «поднимать руки вверх» выражает именно это его эмоциональное состояние.

«Он был красен. Его передергивало... Не замечая гувернантки, он прошел мимо нее и, **поднимая вверх руки**, воскликнул: – О, как это ужасно! Как бестактно! Как глупо, дико! Мерзко!» (А. П. Чехов. Переполох)

Тыкать рукой

Герой «тычет рукой», желая выказать недовольство тем, что к его словам когда-то не прислушались, хотя он, по его мнению, оказался прав.

«Сам же, в случае так называемой печальной необходимости, резких и порывистых движений избегает и голоса возвышать не любит, но более **тычет рукою прямо**, спокойно приговаривая: «Ведь я тебя просил, любезный мой», или: «Что с тобою, друг мой, опомнись», – причем только слегка стискивает зубы и кривит рот» (И. С. Тургенев. Бурмистр).

Нервозность выражается невербальным знаком «**теребить руками**».

«— Морочите вы меня, — сказал он, **теребя дрожащими руками свою бородку**» [А. П. Чехов. Дипломат (1884–1885)].

1.2. Растерянность

Растерянность выражает кинема **замахать рукой**. Главный герой произведения И.С. Тургенева «Фауст», Павел Александрович, возвращается в своё имение. Ключница, завидев его, машет рукой, хотя хотела заплакать, она в растерянности от неожиданного возвращения Павла.

«Добрая моя Васильевна, ключница <...> увидав меня, она даже вскрикнуть не могла и не заплакала, а только заохала и раскашлялась, села в изнеможении на стул и **замахала рукою**» (И. С. Тургенев. Фауст: рассказ в девяти письмах).

В этом же значении встречается жест *перебирать руками*:

*«Она перед тем просидела дня три в уголку, скорчившись и прижавшись к стенке, как раненая лисица, — и хоть бы слово кому промолвила, всё только глазами поводила да задумывалась, да подрыгивала бровями, да слегка зубы скалила, да **руками перебирала**, словно куталась»* (И. С. Тургенев. Конец Чертопханова).

1.3. Испуг

Испуг выражается следующими кинемами: *всплеснуть руками, провести рукой по* (лбу, лицу, губам), *махать руками и тыкать руками*.

*«И действительно, как только отец скрылся за дверью, я сразу позабыл, что я ученик пятого класса, и принялся так прыгать козлом и выдавать такие коленца, что старая нянька, Акулиня Степановна, только **всплеснула руками** и в испуге проговорила...»* (Ал. П. Чехов. В гостях у бабушки и дедушки).

Синонимический ряд *провести рукой по* представлен следующими кинемами: *проведа рукой по лбу; рукой по лицу провела; дрожащей рукой провёл себя по губам*.

В русской культуре есть плохая примета – заяц, перебегающий дорогу. Герой махнул рукой, как бы желая отмахнуться от нежелательного явления и провёл по лбу, что обычно делают в состоянии страха, испуга. Вторая кинема в данном примере – *провести рукой по лбу* – отображает страх.

«– Ну, кажись, благополучно доехал... Ай!

Шилохвостов вдруг побледнел и вскочил как ужаленный.

– Заяц! Заяц! – закричал он. – Заяц дорогу перебежал! Аа... черт по-дери, чтоб его разорвало!

*Шилохвостов махнул рукой и опустил голову. Он помолчал немного, подумал и, **переведа рукой по бледному, вспотевшему лбу**, прошептал:*

– Не судьба, знать, мне две тысячи четыреста получать... Ворочай назад, Митька! Не судьба!» (А. П. Чехов. Не судьба!)

Ещё один пример, репрезентирующий воплощение того же невербального знака в схожем контексте:

*«Вот, слава богу, успокоилась; пот выступил, словно опомнилась; кругом поглядела, улыбнулась, **рукой по лицу провела...**»* (И. С. Тургенев. Уездный лекарь).

Синоним предыдущим кинемам – знак *провести рукой по губам* – тоже выражает страх перед чем-либо, в данном контексте – перед предстоящим разговором.

*«Войдя в кабинет, Дездемонов остановился у двери и **дрожащей рукой провел себя по губам:** ну, как начать?»* (А. П. Чехов. Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало).

Об испуге могут также сигнализировать знаки *тыкать руками* и *махать руками*.

*«– Должно, внутри загорелось! – Честью просит, а сам **руками тычет. Не махайте руками!** Вы хоть и господин начальник, а вы не имеете никакого полного права рукам волю давать!»* (А. П. Чехов. Брожение умов)

1.4. Отчаяние

Хватать себя за голову

Этот жест в проанализированном материале встретился один раз:

В приведенном ниже примере учитель не может добиться от ученика верного ответа, не знает, как донести до него правильную мысль, отчего он и впадает в отчаяние и бежит, хватаясь за голову:

*«Когда Никитину приходилось оспаривать то, что казалось ему рутинной, узостью или чем-нибудь вроде этого, то обыкновенно он вскакивал с места, **хватал себя обеими руками за голову** и начинал со стоном бегать из угла в угол»* (А. П. Чехов. Учитель словесности).

Проявление того же эмоционального состояния репрезентирует жест *ломать руки*:

*«– Друг мой, это ужасно, – проговорила она, **ломая руки** и, по обыкновению, пристально всматриваясь в его лицо»* (А. П. Чехов. Моя жизнь).

Прижать руку к груди

В проанализированном материале встретился один пример употребления этого знака в указанном значении.

Трактовать значение кинемы мы можем благодаря мимике героя, который делает «страдальческое лицо», что указывает на то, что он прижимает руки к сердцу не от счастья, а от горя, отчаяния.

*«Сделав страдальческое лицо и **прижав руку к сердцу**, он опять начал объяснять Щукиной, но голос его оборвался...»* (А. П. Чехов. Беззащитное существо).

1.5. Изумление

Всплеснуть руками

Обычным значением этого знака является изумление. Об этом свидетельствуют и примеры из художественных текстов.

«Кухарка Аксинья, увидев меня, всплеснула руками и почему-то заплакала» (А. П. Чехов. Моя жизнь).

*«Он **всплеснул руками** и продолжал, обращаясь к Оленьке...»* (А. П. Чехов. Душечка).

*«– Ты не понимаешь?! – шепчет отец Григорий, в изумлении делая шаг назад и **всплескивая руками**»* (А. П. Чехов. Панихида).

Этот жест представлен разными речевыми репрезентантами (всплеснул, всплескивая).

2. Знаки, репрезентирующие ментальное состояние

В числе ментальных состояний можно назвать раздумье и надменность (желание показать себя, свой чин, социальный статус).

2.1. Раздумье

Раздумье выражается следующими невербальными знаками: *заложить руки в карманы; подпирать руками голову; уронить руки на колени.*

В следующем примере мы видим, что герой о чём-то размышляет, что подтверждают и другие невербальные проявления, такие как рассеянность и молчание, следовательно, герой погружён в себя, в свои мысли:

*«Глухой тоже сидел в лавке или, без шапки, **заложив руки в карманы**, ходил по улице и рассеянно поглядывал то на избы, то вверх на небо»* (А. П. Чехов. В овраге).

О том, что кинема *подпереть голову руками* выражает задумчивость, свидетельствуют, как и во многих других случаях, средства контекста.

*«Один, на вид лет двадцати трех, высокого роста, черномазый, с острым и немного кривым носом, высоким лбом и сдержанною улыбкой на широких губах, лежал на спине и задумчиво глядел вдаль, слегка прищурив свои небольшие серые глазки; другой лежал на груди, **подперев обеими руками** кудрявую белокурую голову, и тоже глядел куда-то вдаль»* (И. С. Тургенев. Накануне).

Жест *уронить руки на колени* иллюстрируется следующим примером:

*«Она сидела в двадцати шагах от меня, задумчиво потупив голову и **уронив обе руки на колени**; на одной из них, до половины раскрытой, лежал густой пучок полевых цветов и при каждом ее дыханье тихо скользил на клетчатую юбку»* (И. С. Тургенев. Свидание).

2.2. Надменность

Это значение выражается следующими невербальными знаками: *заложить руки назад*; *заложить руку в кафтан*; *заложить руку в карман*. Знаки очень похожи между собой, основным является действие «убрать руки куда-то», что сопровождается горделивой осанкой, откидыванием головы назад и важной походкой:

*«Отец Савва, **заложив руки назад** и, видимо, ломаясь перед старухой-кухаркой, что у него такой взрослый и галантный сын, ходил около стола и старался в угоду гостю настроить себя на «ученый» лад»* (А. П. Чехов. Святая простота).

То же значение имеет следующий знак с семантическим центром *заложить*:

«Подхватил полтавец, заложивши руку в гороховый кафтан свой и прошедши важным шагом по комнате: “ничего не будет!”» (Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки)

«Заложив одну руку в карман и щелкая пальцами другой, слегка откинув назад голову, он шел солидно, вразвалку и с таким видом, как будто был очень доволен и собой, и обедом, и пищеварением, и природой...» (А. П. Чехов. Именины).

Помимо синонимичных значений мы обнаружили различные варианты одного о того же знака, а именно *складывать руки за спиной*. Этот знак характеризует этикетное поведение слуги. Например, в комедии И.С. Тургенева «Нахлебник» лакей, входя к господам доложить о чём-то, становится, заложив руки за спину, как полагается по этикету стоять лакею:

«Пётр уходит. Спустя мгновение входит Егор, останавливается у дверей и складывает руки за спину» (И. С. Тургенев. Нахлебник).

Ещё один пример подтверждает это:

«Сучок продолжал стоять на месте, повеся голову и сложив, по старой привычке, руки за спиной» (И. С. Тургенев. Льгов).

Важны слова *по привычке*. Выше в тексте мы находим, что Сучок был похож на отставного дворового, а, значит, мог быть и лакеем, так как, будучи отставным, складывает руки за спиной по привычке.

Анализ показал, что больше всего синонимов среди жестов, обозначающих эмоциональное состояние. Так, эмоциональное состояние выражено кинемами *махать руками; поднимать руки вверх; тыкать рукой; теревить руками; перебирать руками; хватать себя за голову; ломать руки; прижать руки к груди; всплеснуть руками*. Итого – 9 знаков. Несколько реже в языке писателей XIX века встречаются невербальные знаки, репрезентирующие ментальное состояние: *заложить руки в карманы; подпирать голову руками; уронить руки на колени; заложить руки назад; заложить руку в кафтан; заложить руку в карман*. Итого – 6 знаков.

Один и тот же знак нередко представлен несколькими речевыми вариантами, например: *складывает руки за спину – сложив <...> руки за спиной*. Таким образом, мы видим, что для выражения одного знака могут использоваться вариативные номинации.

Исследование показало, что наряду с жестами, имеющими традиционное, принятое в русской культуре значение, в языке писателей XIX века встречаются описания жестов, реализующих определенное значение только в авторском контексте. Например, жест «всплеснуть руками» обычно является маркером удивления, но в авторском контексте приобретает иной смысл и выражает состояние испуга, страха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов И. Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 13–18.
2. Дунаева О. В. О кинетическом поведении чеховских персонажей // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филология. История. 2010. № 57. С. 31–34.
3. Козубовская Г.П., Сабадаш Д. «Попрыгунья» А.П. Чехова и поэтика жеста. Нереализованный миф о Пигмалионе и Галатее // Культура и текст. 2005. Т. 3. С. 232–245.
4. Коноваленко М. Ю., Коноваленко В. А. Теория коммуникации: учебник для бакалавров. М.: Юрайт. 2012. 416 с.
5. Крейдлин Г.Е., С.А. Григорьева., Н.В. Григорьев. Словарь языка русских жестов. М.: РФИ, 1995. 151 с.
6. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное издание, 2002. 580 с.
7. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
8. Маякина М. А. Фразеологические единицы, описывающие невербальное поведение человека, как компонент развития языковой и общекуль-

турной компетенций // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. - № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 248–250.

9. Постнова Д. В. Жест как ключевой элемент литературной традиции (на примере произведений А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова) // Вестн. Вятского гос. гуманитар. ун-та. Киров, 2008. № 4 (2). С. 140–143.

10. Чеботникова Т. А. Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы: монография. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011а. – 300 с.

СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕДРАССУДКИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВ НОСИТЕЛЕЙ ЧУЖИХ ЛИНГВОКУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ Г. КРАСНОЯРСКА)

Аннотация: В настоящем исследовании реализуется задача выявить, в отношении представителей каких национальных культур существуют наиболее устойчивые предрассудки и негативные стереотипы у жителей г. Красноярск.

Ключевые слова: стереотипы, предрассудки, образ.

Abstract: The paper analyzes the most stable prejudices and negative stereotypes pointed out by the Krasnoyarsk citizens toward national cultures.

Keywords: stereotypes, prejudice, image.

Введение. Актуальность исследования обусловлена интересом к тому, какие стереотипы и предрассудки репрезентируются информантами в контексте межкультурного взаимодействия. Гипотеза – информанты при описании чужих культур и опыта взаимодействия с представителями этих культур ретранслируют существующие стереотипы и предрассудки. Целью данной работы является выявление стереотипов и предрассудков, репрезентируемых информантами в отношении носителей чужих культур.

Теоретическая база. Формирование образа носителя культуры осуществляется в русле стереотипов, к которым человек апеллирует в условиях межкультурного взаимодействия. Стереотипы определяются в рамках социокультурных норм и ценностей, которые обуславливают стратегию коммуникации, однако отклонение от них идентифицируется как проявление девиации и чужеродности [Безуглова, 2013: 16]. Стереотип – это «некоторое представление фрагмента окружающей действительности, зафиксированная ментальная картинка как результат отражения в сознании личности типового фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Н.Г. Бурмакина.

мира» [Красных, 2001: 178]. Стереотипизация рассматривается в качестве процесса формирования упрощенного знания, установки, несущей как положительную, так и отрицательную нагрузку [Там же, с. 180]. Расхождения культурных норм лежит в основе формирования культурной дистанции. Г. Триандис отмечает «культурная дистанция детерминируется не только языковыми особенностями, но и социальными, религиозными и мировоззренческими» [Triandis, 2000: 18]. Культурные различия и дистанция представляют собой условие для конструирования стереотипов и предрассудков. Стереотип в рамках межкультурной коммуникации осуществляет следующие функции: 1) передача относительно достоверной информации, 2) ориентация (создание упрощенной матрицы мира) и 3) регулирование (разграничение «своего» и «чужого») [Rösch, 2002: 58–59].

Отличным от понятия «стереотип» является «предрассудок», который определяется Г. Олпортом как антипатия, формируемая на основе ошибочного и устойчивого обобщения [Allport, 1958; цит. по: Попков, 2002: 187]. Выделяются 6 видов предрассудков [Попков 2002: 189–190]:

1. Яркие необоснованные предрассудки – открытое проявление враждебности в отношении чужой группы.
2. Символические предрассудки – наличие негативных чувств в отношении чужой группы, воспринимаемой как угроза.
3. Токенизм – наличие подавляемых индивидом негативных чувств в отношении чужой группы.
4. Предрассудки «длинной руки» – позитивное отношение к чужой группе в ограниченном контексте.
5. Фактические пристрастия и антипатии – проявление действительно негативного отношения в ситуации проявления чужеродности.
6. «Знакомое и незнакомое» – предпочтение взаимодействия с членами собственной группы с целью избегания стрессовой ситуации.

Стереотипы и предрассудки выражают оценку и определяют степень чужеродности. Оценочные установки формируются на фоне культурной дистанции и могут являться предпосылками для межкультурного конфликта.

Методология. В рамках настоящего исследования применяется метод анкетирования. Информантами выступили 27 жителей г. Красноярск русской национальности в возрасте от 17 до 37 лет, в гендерном соотношении 26 женщин и 1 мужчина.

В результате анкетирования информантами были упомянуты в общей сложности десять культур, в отношении представителей которых были сформулированы стереотипные высказывания.

Во внимание принимались только суждения, высказанные несколькими информантами. Результаты представлены ниже.

1. Жители Китая: высокая громкость, интерференция в личное пространство, неряшливость, чистоплотность, трудолюбие.

2. Представители японской культуры: индифферентность к чужим, вмешательство в личное пространство, трудолюбие, вежливость.

4. Немцы: трудолюбие, пунктуальность, точность.

5. Жители Испании: экспрессивность, низкая социальная организация.

7. Представители народов Кавказа: необразованность, агрессивность.

8. Носители исламских культур: угроза для современных ценностей (радикальный ислам); повышенная ритуализация.

9. Жители Северной Кореи: деспотизм, тоталитаризм; иерархическое почтение.

10. Эскимосы: короткая межличностная и социальная дистанция.

Итоги. Стереотипы и предрассудки в рамках коммуникации носителей отличных друг от друга культур несут оценочный характер и классифицируются как положительно-нейтрально, так и отрицательно окрашенные. Весь спектр стереотипов и предрассудков формируется на основе некоторого опыта взаимодействия или же наблюдения. В связи с этим актуализируется важность развития межкультурной компетентности, образующейся на базе

опыта взаимодействия и специализированной подготовки в аспекте межкультурного взаимодействия.

Настоящее исследование показывает, что стереотипы и предрассудки отличаются своей дисперсностью. Имеющиеся у информантов установки репрезентируют не только отрицательное, но, в том числе, положительно-нейтральное отношение к тем или иным культурным ценностям, традициям и нормам. Описание своего опыта взаимодействия и характеристика приводимых ситуаций позволяют идентифицировать модальность, на основе которой обозначаются установки как на конфронтацию, так и на кооперацию в рамках межкультурного взаимодействия. Кроме того, специализированная подготовка и владение иностранным языком способствуют формированию межкультурной компетентности и чуткости, и, с другой стороны, снижают риски эскалации межкультурных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безуглова Н.П. Ценностная основа межкультурной коммуникации // Culture and civilization. 2013. № 3 (4). С. 14–24.
2. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 284 с.
3. Попков В.Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации // Социально-антропологические исследования. 2002. № 3. С. 178–191.
4. Rösch O. Mit Stereotypen leben? Wie Deutsche und Russen sich heute sehen // Interkulturelle Kommunikation in Geschäftsbeziehungen zwischen Russen und Deutschen / Beiträge aus Wissenschaft und Praxis zum 2. Wildauer Workshop «Interkulturelle Kommunikation». Berlin: News and Meida, 2002. S. 51–64.
5. Triandis H.C. Culture and Conflict // International Journal of Psychology. 2000. V. 35 (2). P. 145–152.

КОРРЕКТИРУЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ «ЛИЦА» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация: В статье анализируются основные тактики корректирующей коммуникативной стратегии, применяемой известными китайскими деятелями для восстановления репутации, утраченной в ходе виртуальной коммуникации в китайском медиапространстве. Основное внимание уделяется анализу эффективности тактик и реакций пользователей. Исследование проводится на материале постов и сопутствующих им-комментариев в китайских социальных сетях.

Ключевые слова: прагматическая стратегия, коммуникативная тактика, лицо-угрожающий акт, потеря лица, восстановление лица, медиадискурс.

Abstract: The paper refers to the main tactics of a corrective facework strategy used by famous Chinese figures to restore the face lost in the course of virtual communication in the Chinese media space. The main attention is paid to the analysis of the effectiveness the tactics provide and the users' reaction. The research is carried out on the posts and accompanying comments in Chinese social networks.

Keywords: pragmatic strategy, communicative tactics, face-threatening act, face-loss, face restoration, media discourse.

Лицо представляет важную для китайской культуры концепцию, которая проникла во все аспекты жизни. Содействие в «приобретении лица» (给面子) широко распространено, и коммуникатор склонен ожидать взаимности от получателя. Необходимость поддержания репутации в китайском обществе способствовала формированию сложного и многогранного понятия «лица», которое можно потерять (丢面子), спасти (保全面子), подарить (给面子) и т.д. Феномен лица выступает объектом научных исследований в работах Г.А. Баженова, П. Брауна, И. Гофмана, С. Левинсона, И.Г. Нагибиной, С. Тинг-Туми, Д. Хо. Таким образом, философско-социальный регулятор

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.В. Чистова.

«лицо» является культурной особенностью китайского социума и базовым концептом китайского языка.

В процессе общения люди всегда преследуют цели, для достижения которых необходимо использовать особые приемы, называемые коммуникативными стратегиями. Согласно И. Гофману, стратегии восстановления лица можно разделить на превентивные и восстановительные [Гофман, 1955]. Превентивные стратегии помогают предотвратить потерю лица или свести к минимуму негативные последствия до их возникновения. Корректирующие стратегии направлены на снижение репутационного ущерба после потери «лица». Исследователями выделяется пять тактик в рамках корректирующей стратегии: отрицание обвинения, снятие с себя ответственности, уменьшение обвинения, корректирующие действия и признание вины (смирение) [Овруцкий, 2016].

Основной целью тактики отрицания обвинения является частичное или полное оспаривание обвинения путем приведения логического обоснования. Тактика снятия с себя ответственности реализуется путем опровержения порочащих мнений или признания недостатка знаний и контроля действий. Тактика уменьшения обвинения в основном используется для создания позитивного представления обвиняемого или смягчения ответственности за совершенные действия, которые повлекли за собой потерю лица. Зачастую говорящий не отрицает своей вины, а пытается лишь оправдать свои действия или напомнить всем о предыдущих заслугах. Согласно Вильяму Бенуа, корректирующие действия включают в себя тактику «ослабления силы утверждения, восстановление положения дел до свершения нежелательного действия и/или обещание улучшить своё поведение и внести изменения, чтобы предотвратить повторение нежелательного события» [Бенуа, 1997]. Тактика признания вины реализуется путем признания совершенной ошибки, ее подтверждения и объяснения, что сопровождается оправданием и чувством ответственности за сложившуюся ситуацию. Данная тактика, как правило,

проявляется в форме извинения, при котором обвиняемый просит снять с него вину.

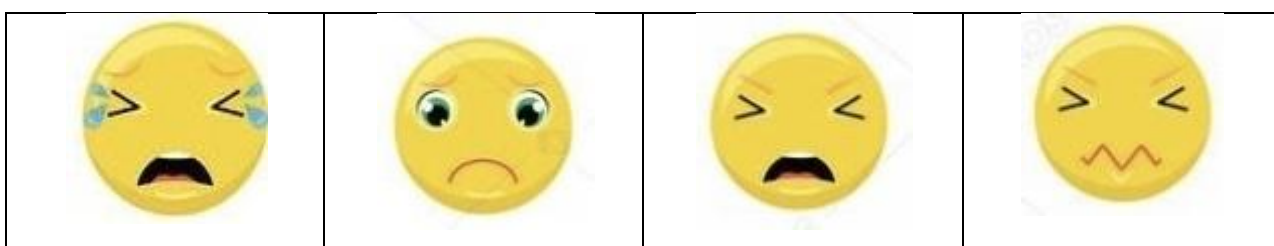
Коммуникативные стратегии и тактики необходимы для демонстрации сожаления или спасения репутации при возникновении кризисной ситуации или скандала. Использование тактик корректирующей коммуникативной стратегии подразумевает создание и распространение текстов, направленных на снижение репутационного ущерба, и предполагает формирование позитивного имиджа посредством отрицания обвинения, уменьшения обвинения или признания вины. Таким образом, целью данной статьи является определение эффективности реализации корректирующих стратегий восстановления лица в китайском медиадискурсе.

Поскольку современная медиакommunikация в основном осуществляется в интернет-пространстве, источником материала для исследования корректирующих тактик и результатов их применения послужили социальные сети, а именно статьи из информационного агентства «新华网» (Синьхуа), микроблоги в социальной сети «微博» (Weibo), статьи и интервью на веб-сайте «知乎» (Zhihu) и интернет-энциклопедии «百度百科» (Байду). Основными лингвистическими методами выступают метод контекстного анализа и анализ полимодального текста.

Метод контекстного анализа заключается в поиске тех фрагментов, которые в качестве контекста помогают пояснить значение слова [Арнольд, 1991]. Контекстный анализ подразумевает сбор фактического материала. В данном исследовании были изучены текстовые высказывания в количестве 13 постов в социальных сетях и обращений на телевидении и 30 комментариев пользователей сети Интернет под постами. В ходе анализа текстового материала были определены наиболее частотные компоненты высказываний и типичные лексические и синтаксические контексты. Так, например, тактика признания вины в большинстве случаев реализуется сочетанием наречия, выполняющего усилительную функцию, и прилагательного или глагола (при

реализации тактики извинения): 我深深地表示歉意 (Я глубоко сожалею); 我深感羞愧 (Мне невероятно стыдно); 我诚恳道歉 (Я искренне прошу прощения).

Анализ полимодального текста предполагает исследование не только содержания текста сообщения, но и его экстралингвистических характеристик [Некрасова, 2016]. Комментарии пользователей сети Интернет представляют собой текстовое сообщение, сопровождающееся графическими символами – Емоji. Например, часто встречаются эмодиконы, выражающие сожаление, сочувствие и грусть:

В некоторых случаях комментаторы ограничиваются использованием эмодиконов без текстового сообщения. Именно невербальный компонент, являясь отражением субъективного понимания и объяснения мира человеком, задает ракурс прочтения сообщения [Бабина, 2013]. Целью метода является анализ сообщения с учетом функциональной роли невербального компонента в составе целого [Там же]. Наличие невербального компонента позволяет усилить эмоциональность сообщения и повысить уровень эффективности передачи информации. Именно сочетание письменного текста с изобразительным материалом способствует более ясному выражению реакции пользователей [Чистова, 2020]. Например, в представленных ниже комментариях были использованы одинаковые символы Емоji, но в первом сообщении наличие вербального компонента позволило автору ясно и точно выразить свое мнение:

ze-armor

我相信你，我会一直陪着你 😞

(«Я верю тебе и всегда буду с тобой»). В данном случае Емоji подчеркивает сожаление комментатора в ответ на применение китайским спортсменом Сунь Яном тактики уменьшения обвинения.

Использование графического элемента без вербального компонента может привести к возникновению двусмысленности. В данном примере неясно, выражает ли комментатор сочувствие автору поста или испытывает чувство разочарования и обиды в ответ на признание.

Помимо Емоji, пунктуация также способствует более эффективной передаче чувств и мыслей коммуникантов в Интернет-среде. Пользователи часто прибегают к использованию сочетания нескольких знаков препинания «!!!», «???» для выражения сильной радости или, наоборот, разочарования, негодования и злости. Например, «加油!!!!» («Удачи!!!!»), «你这种女人别装了!!!!» («Не притворяйся такой!!!!»), «评论里全是好评, 你觉得好笑吗???» («В комментариях все отзывы такие хорошие, вы что смеетесь???»).

В современном медиапространстве Китая наряду с коммуникацией типа «один адресант – массовый получатель» также осуществляется коммуникация типа «диалог адресантов – массовый получатель». Иногда подобные медиadiaлоги могут быть растянуты во времени, например, при осуществлении коммуникации между автором новостного сообщения, его объектом и нетизенами (от англ. netizen). В подобных ситуациях коммуникация часто носит конфликтный характер, так как новостные сообщения способны нанести вред лицу человека, о котором идёт речь.

Рассмотрев некоторые особенности применения стратегий восстановления репутации, мы пришли к выводу, что чаще других используются корректирующие действия (33%), тактика уменьшения обвинения (27%) и так-

тика признания вины (20%), реже – отрицание обвинения (13%) и тактика снятия ответственности (7%) (Рис.1).

Рис. 1. Частота употребления корректирующих стратегий

Рассмотрим эффективность применения тактик корректирующей стратегии на примере реакции пользователей Интернета.

В 2018 году после публикации поста китайским спортсменом Сунь Яном, обвиненным в употреблении допинга, в котором была применена тактика отрицания обвинения, часть пользователей поддержала автора поста: «嗑药更不可能» («Невозможно поверить, что он принимал допинг»), «我们相信你!» («Мы верим тебе!»), «杨哥你是清白的!» («Брат Ян невиновен!»). Однако некоторые комментаторы выразили недоверие: «孙杨程序不合规就被判 8 年。这就是国际组织的公正公平» («Сунь Ян приговорен к 8 годам за нарушение правил. Это и есть справедливость международных организаций»).

Пост Сунь Яна с применением тактики уменьшения обвинения в социальной сети 微博 (Weibo) вызвал широкий резонанс у китайской публики и получил около 6000 отзывов и комментариев. Реакцию пользователей можно назвать противоречивой, так как некоторые продолжали поддерживать спортсмена: «真相永远不会被谎言掩盖» («Правда никогда не будет покрыта ложью»), но большая часть комментариев имела отрицательный характер: «从人情，从道理的角度，我是觉得：孙杨有点心虚了» («С рациональной

точки зрения, я считаю, что совесть Сунь Яна не совсем чиста»), «孙杨的狂妄, 不是一天两天了» («Наглость Сунь Яна – это не дело одного или двух дней»).

Высказывание с использованием тактики снятия ответственности подверглось критике со стороны большинства комментаторов: «我对孙杨粉转黑, 源自这件事情» («Я перестал быть поклонником Сунь Яна после этой ситуации»).

В ответ на использование тактики корректирующих действий, многие комментаторы выразили поддержку и сочувствие, а также отметили, что расстроены санкциями, направленными в адрес Сунь Яна, автора поста: «我们给你发私信是为了给你鼓励, 给你动力» («Мы пишем Вам, чтобы поддержать и мотивировать Вас»), «我们一直都在» («Мы всегда здесь»), «加油!!!!» («Удачи!!!!»). Однако при использовании этой же тактики другим лицом, китайской актрисой Фань Бинбин, которую обвинили в отклонении от уплаты налогов, реакция оказалась более противоречивая: «没见过你这么烂的» («Никогда не видел тебя такой испорченной»), «加油冰冰, 我们一直在» («Удачи, Фань Бинбин, мы здесь»).

Реакция публики на признание вины оказалась наиболее однозначной, практически 70% комментаторов отозвались на данную тактику резко негативно. Пользователи сети Интернет не приняли извинения, и количество критики в адрес автора заметно увеличилось по сравнению с его предыдущим постом, где Фань Бинбин была применена тактика отрицания вины: «你这种女人别装了» («Не притворяйся такой»), «评论里全是好评, 你觉得好笑吗???» («В комментариях все отзывы такие хорошие, вы что смеетесь???»), «如果不是被发现会觉得痛苦忏悔吗» («А если бы это не обнаружили, ты бы смогла покаяться?»), «几个亿? 你良心不会痛? 不会做故噩梦?» («Сотни миллионов? Тебя совесть не мучает? А кошмары по ночам?»).

Исходя из описанных выше примеров реакции пользователей сети Интернет на применение тактик корректирующей коммуникативной стратегии, тактика отрицания обвинения применялась лишь в 13% анализируемых ситуаций, но оказалось наиболее успешной в контексте восстановления лица.

При проведении анализа нами была выведена универсальная схема взаимодействия элементов коммуникативного процесса восстановления репутации (Рис.2).

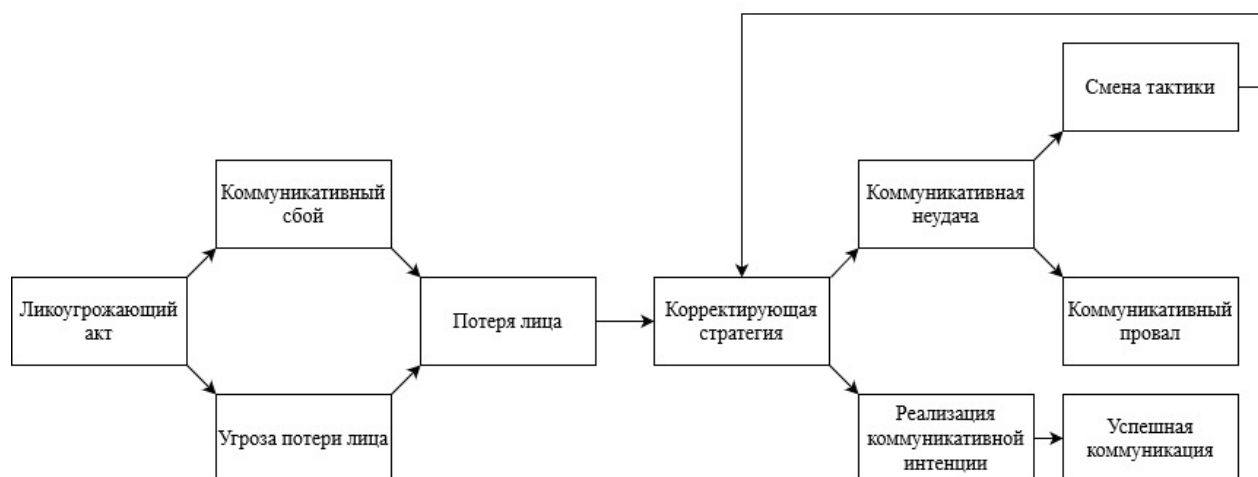

Рис. 2. Универсальная схема взаимодействия элементов коммуникативного процесса восстановления репутации

На этой схеме показан полный процесс использования тактик корректирующей стратегии, направленных на сохранение лица посредством смягчения воздействия ликоугрожающего акта. Коммуникативный сбой, возникающий в результате появления речевого акта, вызывающего угрозу позитивной репутации, может привести к потере лица одним из коммуникантов. В таком случае для выравнивания коммуникации применяется корректирующая стратегия. В случае успешной реализации коммуникативного намерения ситуация стабилизируется, что приводит к продолжению коммуникации. Если тактика корректирующей стратегии не была реализована или была реализована неуспешно, то коммуникативная неудача приводит к коммуникативному провалу. В других случаях коммуникант меняет корректирующую

тактику с целью повторной попытки выравнивания коммуникации и снижения коммуникативного вреда.

Таким образом, используемые разными индивидами стратегии восстановления репутации приводят к разным результатам, а эффективность их использования зависит от ситуации применения и количества ранее совершаемых нарушений. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что используемые разными лицами тактики признания вины, снятия ответственности и уменьшения обвинения чаще всего не способствуют восстановлению имиджа, а, наоборот, вызывают у публики негативные эмоции. Наиболее успешной для реабилитации репутации оказалась тактика отрицания обвинения, в случаях ее применения большинство пользователей верят в невиновность обвиняемого и встают на его защиту. Эффективность использования корректирующих действий зависит от ситуации их применения. Использование этой тактики в случае мелкого нарушения способствует коммуникативному выравниванию. Однако если нарушение более серьезное, ни тактика признания вины, ни корректирующие действия не способны восстановить репутацию человека.

Учитывая особую важность поддержания лица, его потеря часто несет за собой серьезные последствия, которые невозможно урегулировать с помощью корректирующих стратегий, поэтому важное место в китайской лингвокультуре занимает превентивная стратегия, которая в отличие от корректирующей направлена на предотвращение потери лица. Она ориентирована на то, чтобы ни при каких обстоятельствах не создавать об индивиде неблагоприятного впечатления и не допускать потери лица. На основании полученных данных, можно предположить, что при дальнейшем изучении, учитывая важность феномена лица в китайском обществе, существует большая вероятность выявления широкого разнообразия не только тактик корректирующей, но и превентивной стратегии поддержания лица, что является перспективой нашего дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Benoit W. Image repair discourse and crisis communication // Public Relations Review. 1997.176 p.
2. Goffman E. On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction// Psychiatry: Journal of Interpersonal Relations. 1955.18:3.P. 5–47.
3. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. М., 1991. С. 33–56.
4. Бабина Л.В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Грамота. Филологический науки. Теория и практика. № 2 (20). 2013. С. 28–33.
5. Некрасова Е.Д. Когнитивная обработка языковых стимулов в условиях бимодального аудиовизуального восприятия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19.Кемерово, 2016. 240 с.
6. Овруцкий А.В. Репутация. Репутационный дискурс. Репутационный ущерб [Электронный ресурс] // Психолог. С. 10–18. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19631 (дата обращения: 07.02.21).
7. Чистова Е.В. Теоретический статус межъязыковой локализации как особого вида переводческой деятельности // Культура и текст. 2020. № 3 (42). С. 161–175.

ОККАЗИОНАЛИЗМ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В ПОЭЗИИ КРИСПИ

Аннотация: в статье рассматривается окказионализм как художественный прием в поэзии. Материалом для исследования послужили окказиональные слова в стихотворениях поэта-постмодерниста Криспи, опубликованных на сайте «Стихи.ру» и датированных 2020 годом.

Ключевые слова: окказионализм, окказионализм как художественный прием, функции окказионализма.

Abstract: This article considers the occasionalism as an artistic method that performs a number of functions. The material for the research covers the occasional words in the poems by Crispy, a postmodernist poet, published on the "stikhi.ru" site and dated 2020.

Keywords: occasionalism, occasionalism as an artistic method, functions of occasionalism.

Дефиниция термина «окказионализм» впервые была представлена в статье Н. И. Фельдман «Окказиональные слова и лексикография» в 1957 году. С этого момента до настоящего времени появилось большое количество определений рассматриваемого понятия. Исходя из дефиниций Н. И. Фельдман, Д. Э. Розенталя и Л. Л. Касаткина [Фельдман, 1957: 64; Розенталь, Теленкова, 1976, Электронный ресурс; Касаткин, Клобуков, Лекант, 2010: 44], представим собственное толкование данного термина. Окказионализм – это лексическое новообразование, которое носит индивидуальный характер, употребляется только в пределах данного контекста и выступает как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры.

В данной статье мы рассмотрим окказиональное слово как художественный прием на примере творчества поэта-постмодерниста Криспи (<https://stikhi.ru/avtor/hadigen>), который публикует свои стихотворения на сайте «Стихи.ру». Нами было изучено 80 стихотворных произведений поэта, в ко-

* Научный руководитель – канд. филол наук, доцент Т.Н. Журавель.

торых мы выделили 50 окказиональных единиц. Среди найденных окказионализмов мы выдвинули 13 наиболее экспрессивных новообразований, для которых характерна такая черта, как прецедентность, то есть отсылочность. Криспи, внедряя данные окказиональные слова в свои произведения, как бы отсылает читателя к какому-либо литературному памятнику, историческому событию, кинематографии, историческому лицу и т.д.

Факт того, что окказионализм может являться художественным приемом, впервые высказал А. Ю. Астафьев в работе «Художественные функции окказионализмов: на материале поэм В. В. Маяковского» [Астафьев, 2007: 13].

В представленном исследовании автор пишет: «Слово в художественном произведении становится носителем поэтического смысла; оно обретает способность вызывать эстетические эмоции, т.е. разного рода переживания, которые в той или иной мере проступают как проявление разных форм позитивной или негативной экспрессии. <...> В зоны художественного изображения втягиваются слова и выражения, которых нет в разных сферах речевого общения, поэтому такие средства речевой экспрессии относят к новообразованиям» [Астафьев, 2007: 10].

Далее Астафьев отмечает, что специфика окказионализмов заключается в том, что они являются единицами высокого уровня художественной выразительности и экспрессивности. Это делает их средством создания яркого и необычного художественного образа. Такой образ передает специфическое авторское видение окружающего мира. Он связывается с особенностями идиостиля поэта. Окказионализмы в поэтических произведениях единичны. Они предназначены для того, чтобы быть носителями поэтической семантики и таким образом раскрывать образное полотно художественного произведения [Астафьев, 2007: 13].

«Выделяются художественные приёмы, передаваемые окказионализмами: оценочность, контрастивность <...> Оценочность проступает в виде иронического (*чиновность, цыплёнки*) или сатирического (*смолодел, рыхоте-*

лье) представления изображаемого. Контрастивность представлена корпусом слов в виде блоков: противопоставление окказиональному слову канонического (в контексте): *гололедь – теплота*, окказиональных слов (в контексте): *божище – божик*, окказиональному слову подразумеваемого (мотивирующего): *словопад – водопад*» [Астафьев, 2007: 13].

Приведем выявленные Ю.Н. Шаталовой функции окказиональных слов:

- 1) номинативно – компрессивную (экономия языковых средств);
- 2) номинативно – субститутивную (человек не может вспомнить номинацию слова и придумывает лексему, похожую по функции на ту, которую это понятие выполняет);
- 3) экспрессивно-оценочную (субъективное мнение говорящего, чаще всего негативное);
- 4) экспрессивно-эмоциональную (мысли и чувства говорящего);
- 5) функцию создания комического эффекта (говорящий хочет насмешить слушающих);
- 6) собственно творческую функцию (желание говорящего выделиться, показать, что он может придумывать слова) [Шаталова, 2008: 26-27].

Используя данные исследования в ходе анализа окказионализмов, мы пришли к выводу, что окказионализм действительно может выступать как художественный прием, который выполняет несколько функций, выделенных нами на основе творчества Криспи. Это, во-первых, функция носителя поэтической семантики, сущности художественного произведения. Во-вторых, экспрессивная функция (подразделяющаяся на оценочную и эмоциональную). В-третьих, номинативно-компрессивная функция. В-четвертых, функция создания комического эффекта. В-пятых, выделенная нами на основе творчества Криспи прецедентная функция, которая заключается в отсылке читателя к определенному источнику. Зачастую представленные функции встречаются в новообразовании не в единственном виде, а переплетаются друг с другом.

Например, в окказионализме *крастикрабсный* соединяются функция носителя поэтической семантики, номинативно-компрессивная и отсылочная функции. Функция носителя поэтической семантики заключается в тех ассоциациях, которые связаны у автора с данным словом, то есть это то, какие признаки автор приписывает предмету, получившему название *крастикрабсный*. Например, если «Красти Крабс» – это кафе, то признаки могут быть следующими: «вкусный», «ароматный», «любимый» и т.д. То есть это те признаки, которые ассоциируются у нас с пищей. Номинативно-компрессивная функция заключается в экономии языковых средств. Вместо того, чтобы произносить «свойственный блюдам в кафе “Красти Крабс”», можно сказать короче: *крастикрабсный*. Прецедентная функция заключается в отсылочности данного окказионализма, так как он отсылает читателя к уже упомянутому мультфильму.

Следующий окказионализм – *вишнёвосадность* из стихотворения «День и ночь едва не утраченной вишнёвосадности...». В данном слове прослеживается отсылка к пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». В это новообразование автор вкладывает, на наш взгляд, значение перемены от старого к новому. Данное значение понятно из идеи пьесы Чехова. Мы можем сформулировать следующую дефиницию рассматриваемого окказионализма: «явление действительности, получившее свое название от идейного содержания пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», а именно это перемены от старого к новому». Таким образом, Криспи удалось выразить в одном слове целую гамму значений и заменить одним словом несколько предложений. Среди функций в представленном окказионализме можно выделить функцию носителя поэтической семантики, которая подтверждается выдвинутым определением; номинативно-компрессивную функцию, так как автор называет одним словом целое явление; прецедентную функцию, которая заключается в отсылке читателя к пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». Получается, что окказионализм «вишневосадность» выступает в произведении Криспи как художественный прием, выполняющий целую гамму функций. При анализе

других окказиональных слов из данной статьи мы не будем давать подробное объяснение для каждой функции, поскольку их сущность, которую мы разбирали выше, не меняется.

В этом же стихотворении фигурирует окказионализм *медведенка*. Можно рассмотреть данное новообразование с двух сторон. Чтобы сделать это, необходимо обратиться к контексту: *«Там маша с медведенкой уж сидят // за пирожками с чаем на пенёчке // живут да говорят о лошадях»*. Во-первых, ассоциации приводят нас к русской народной сказке «Маша и Медведь», во-вторых, к пьесе А. П. Чехова «Чайка», где героями были Маша и Медведенко. Вторая точка зрения кажется нам более убедительной, так как если персонажи народной сказки еще могут сидеть на «пенечке», то «о лошадях» они едва ли стали бы говорить. Это же подтверждает то, что все стихотворение «день и ночь едва не утраченной вишневосадности...» пронизано отсылками к различным пьесам А. П. Чехова («Три сестры», «Дядя Ваня»). Окказионализм образован суффиксальным способом при помощи суффикса *-енк-*, который имеет значение уменьшения. Если же окказионализм образован от фамилии Медведенко, то можно предположить, что в данном случае автор решил применить метод языковой игры, поскольку данная фамилия не склоняется. Хотя и при таком исходе окказионализм *медведенка* приобретает значение уменьшительности. Итак, представленное окказиональное слово выступает в роли художественного приема, который выполняет следующие функции: функцию носителя поэтической семантики; экспрессивно-оценочную функцию, так как в данное новообразование Криспи вкладывает оценку, связанную с семантикой слова, в том числе уменьшительное значение и иронию; прецедентную функцию, которая заключается в отсылке читателя к пьесам А.П.Чехова.

Перейдем к следующему лексическому новообразованию: *ихтиандрический*. Дело в том, что в романе А. Р. Беляева «Человек-амфибия» героем является Ихтиандр – человек, который способен жить под водой. Из этого делаем вывод, что представленное новообразование приобретает значение

«свойственное Ихтиандру». В данном слове можно выделить функцию носителя поэтической семантики, так как оно раскрывает сущность стихотворения (данный окказионализм вынесен в заглавие стихотворения); номинативно-компрессивную или иначе функцию экономии языковых средств, так как Криспи заменяет несколько слов одним; прецедентную функцию, потому что окказионализм содержит отсылку к вышеупомянутому произведению А. Р. Беляева.

Очень необычно в плане прецедентности новообразование *оболденный* и однокоренное с ним *оболдевать*. Чтобы разобраться с данными окказионализмами, обратимся к контексту стихотворения: *«Осень время оболдевать // потихоньку или помногу // что лежать покидай кровать // на природу столби дорогу // пусть не в болдино всё равно // сколько можно бетон железо // бесполезно смотреть кино // только мысли пролезом лезут»*. Из контекста видим, что автор отсылает читателя к одному из периодов творчества А. С. Пушкина, который носит название болдинской осени. На данный период приходится расцвет творчества А. С. Пушкина, поэтому, по нашему предположению, окказионализмы *оболденное* и *оболдевать* приобретают значение «продуктивный» и «действовать». Из этого становится понятно, что и здесь окказионализм выступает в качестве художественного приема, который выполняет ряд функций: функцию носителя поэтической семантики, экспрессивно-эмоциональную (так как данные новообразования пересекаются с жаргонно-просторечным словом «обалдеть», которое имеет прямое значение – «одуревать»), номинативно-компрессивную и прецедентную функции.

Последнее лексическое новообразование, которое мы рассмотрим в данной статье: *мумушный*. Чтобы объяснить смысл данного окказионализма, обратимся к стихотворению Криспи *«Немного мумушное...»*: *одиночество // делишься радостью а её не хотят принять // делишься горем а ему не на что делиться*. Эти строки отсылают нас к рассказу И. С. Тургенева «Муму». Дворник Герасим был одиноким человеком с тяжелой судьбой. Далее у Кри-

спи видим: *«Ждать думать что толку да пусть всё оно канет // в небытие недоступное ни-чьему уму»*. То же наблюдаем по сюжету рассказа И. С. Тургенева: Герасим уходит из города и возвращается в деревню, потому что на барском дворе его ничто уже не держит. Таким образом, Криспи одним словом выражает смысл и настроение целого произведения. Этот факт подтверждает высокую художественную выразительность окказионализмов. Можно дать следующее определение слову *мумуиный*: «схожий по каким-либо признакам с элементами идейного содержания рассказа И. С. Тургенева “Муму”, а именно одинокий, ненужный». Перечислим функции представленного окказионального новообразования: функция носителя поэтической семантики, номинативно-компрессивная и прецедентная функции.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что окказионализм может выступать в роли художественного приема, выполняющего следующие функции: функцию носителя поэтической семантики, функцию создания комического эффекта, экспрессивную, номинативно-компрессивную и прецедентную функции. При этом наибольший интерес представляет последняя функция, так как в изученных нами исследованиях она не упоминалась, а обнаружилась только в процессе анализа окказиональных единиц в поэзии Криспи.

Дальнейшее изучение окказионализма как средства художественной выразительности представляется нам перспективным за счет вовлечения в научный оборот большего количества современных поэтических текстов. Окказиональное слово, являющееся художественным приемом, не только заполняет валентные места в словообразовательной системе русского языка, но и демонстрирует возможности современной русской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев А. Ю. Художественные функции окказионализмов: на материале поэм В. В. Маяковского: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 17 с.
2. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Современный русский язык. Словарь-справочник: пособие для учителей / под. ред. П. А. Леканта. 3-е изд. М.: Просвещение, 2010. 303 с.
3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. [Электронный ресурс]. 1976. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm> (дата обращения: 20.10.20).
4. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. №4. С. 64–73.
5. Шаталова Ю. Н. Функции лексических новообразований в повседневной разговорной речи // Известия Российского Государственного университета им. А.И. Герцена. 2008. №60. С. 25–31.

КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАМ О ПРИСТРОЙСТВЕ ЖИВОТНЫХ: ТИПОЛОГИЯ И РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: в статье приводится типологическая и речевая характеристика интернет-комментариев к постам о пристроении животных (поиске им хозяев и дома). Рассматриваются комментарии двух типов: неразвернутые, или одноактные (комментарии-пожелания, комментарии-комплименты, комментарии-призывы, комментарии-рогативы и комментарии-реплики), и развернутые. Описаны речевые особенности каждого из типов.

Ключевые слова: интернет-комментарий, жанр поста, речевые особенности.

Abstract: The article provides typological and speech characteristics of Internet comments on posts about animal extensions (their search for owners and homes). Two types of comments are considered: non-deployed, or one-act ones (comments-wishes, comments-compliments, comments-calls, comments-actions, and comments-replicas), and detailed. Speech features of each type are described.

Keywords: Internet comment, post genre, speech features.

Большинство платформ, сайтов, социальных сетей предусматривают функцию комментирования какого-либо исходного сообщения. Е.И. Литневская пишет, что коммуникативные возможности сети Интернет быстро растут и что «практически ко всем материалам информационных и коммуникативных платформ прибавляется опция "комментировать", в результате чего формируется жанр комментария <...>», который можно отнести к коммуникативно-речевому жанру интернет-коммуникации [Литневская, 2016: 237]. В силу распространенности интернет-комментарий все чаще становится объектом лингвистических исследований. Его изучению посвящены работы таких ученых, как Е.И. Литневская, Т.В. Шмелева, Л.Ю. Щипицина, Е.Ч. Дахалаева, И.Р. Танабаева, С.В. Иванова, В.М. Зубарева и других.

В генристике интернет-комментарий выделяется как самостоятельный жанр, обладающий специфическими стилистико-языковыми, медийными и

* Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Г.А. Копнина.

прагматическими параметрами; в жанроведении же его рассматривают как субжанр интернет-коммуникации, структурно-семантический план которого показывает привязанность комментария к основному тексту высказывания. Интернет-комментарий считают целесообразным рассматривать «...в составе макротекстового образования, включающего как исходный (комментируемый) текст, так и другие комментарии читателей» [Щипицина, 2015: 531]. Достаточно хорошо в научной литературе описаны следующие признаки интернет-комментария: 1) гипертекстуальность (комментарии дополняются гиперссылками, которые «могут интегрироваться автором и в основной текст комментария» [Щипицина, 2015: 529]; 2) формальная организованность (комментирующий выполняет цепочку определенных действий: он должен зарегистрироваться (на сайте или блоге), затем продумать и написать свой комментарий, последним действием является отправка на веб-ресурс своего сообщения) [Танабаева, 2017: 209]); 3) эксплицированность автора комментария; 4) направленность комментария на «множество персональных и институциональных пользователей» [Щипицина, 2015: 531], его основной целью является направление внимания адресатов «...на новые актуальные факты, выходящие на первый план общественной жизни, их оценивание, предоставление и обсуждение информации, выражение личного отношения, получение информации в ответ» [Танабаева, 2017: 208]; 5) композиционная структура: комментарий всегда состоит из имени пользователя (его никнейм), фото или картинки (т. е. аватара – графическое представление пользователя, созданное им самим), времени отправления комментария и непосредственно самого содержания комментария [Мельник, 2014: 115]; 6) разнообразие используемой лексики [Там же].

Интернет-комментарий позволяет кратко и лаконично выразить субъективное мнение адресанта или вступить в разговор с пользователями сети. В настоящее время создается множество волонтерских групп и сообществ, где пользователи сети оставляют различные комментарии, которые, насколько нам известно, ещё не становились предметом специального исследования.

Таким образом, широкая распространенность комментария в сети Интернет и наличие лакун в его исследовании обуславливают **актуальность** нашей работы.

Цель статьи – описать типы и речевые особенности интернет-комментариев к постам о пристроении животных (поиске им дома, хозяев).

Материалом исследования послужили интернет-комментарии к постам о пристроении животных следующих волонтерских сообществ:

- «ПовоДок» (<https://www.instagram.com/povodog/>),
- «Белый клык» (<https://www.instagram.com/bkhelp/>),
- «Друг» (https://www.instagram.com/amp_zoocentr_drug/),
- «Ржевка» (https://www.instagram.com/_rgevka_priut_/),
- Animal_help_sert (https://www.instagram.com/animal_help_sert/),
- «Верность» (<https://www.instagram.com/vernost67/>),
- «Южный» (<https://www.instagram.com/cat.dog.ug2/>),
- «Домашний» (<https://www.instagram.com/vyberimenya/>),
- «Новый дом» (<https://www.instagram.com/newdomcat/>),
- Приют для собак «Бескудниково»
(<https://www.instagram.com/priutbeskudnikovo/>),
- Приют «Некрасовка»
(https://www.instagram.com/sobaki_priuta_nekrasovka/),
- «СуперСобака» (<https://www.instagram.com/super.sobaka/>).

Нами было проанализировано 732 комментария, опубликованных с 18 июня 2019 года, с использованием описательно-аналитического **метода**, включающего наблюдение, интерпретацию, классификацию и метод контекстуального анализа.

Теоретическую базу исследования составили работы в области лингвистической прагматики Е.И. Литневской, Т.В. Шмелевой, Л.Ю. Щипициной, Е.Ч. Дахалаевой, И.Р. Танабаевой, С.В. Ивановой, Н.И. Формановской и т.д. Центральным в лингвопрагматике является понятие речевого акта. Под речевым актом понимается «высказывание, порожда-

емое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального (как правило, адресованного) действия с помощью такого инструмента, как язык/речь» [Формановская: 2002: 111].

Анализ собранного материала показывает, что комментарии к постам о пристроении животных могут быть подразделены на два типа: неразвернутые, или одноактные, и развернутые. Наиболее частотными в нашем материале являются комментарии неразвернутого типа: они составляют 90% от общего количества комментариев.

Одноактные комментарии представлены комментариями-пожеланиями, комментариями-комплиментами, комментариями-призывами, комментариями-рогативами и комментариями-репликами. Рассмотрим каждую из разновидностей интернет-комментариев неразвернутого типа.

1. Комментарии-пожелания

Н.И. Формановская определяет пожелание как «наименование этикетной ситуации общения, когда говорящий хочет, чтобы будущие обстоятельства и дела складывались для адресата благоприятно» [Формановская, 2002: 48]. Для комментариев-пожеланий характерны:

- речевые конструкции с модальным глаголом *желать/пожелать*: **Желаю** любящего хозяина для Тоши (smetannicova.ekaterina, 7.03. 2020); **Желаю** счастья тебе и любящую семью (lenapavluchenkova, 8.03.2020);

- речевые конструкции типа *пусть/пускай* + глагол: **Пусть** тебе поскорее повезет, девочка (ksenechka_vasilenko, 13.02.2020); <...> **пускай** малыш найдет быстрее своего родителя (svetlanagaleckaya, 4.11.2019);

- конструкции *дай Бог* + глагол/дополнение: **Дай Бог** найти семью девочке! (kolodeeva.oksana, 24.03.2020), **Дай Бог** самых лучших родителей (kotolotik, 24.03. 2020).

Встречаются комментарии с формой прилагательное + Р. п. существительного (атрибутивные словосочетания): **Мальчику** самых **лучших мам и пап**, он такой шикарный (lorena37, 21.02.2020). **Скорейшего обретения** лю-

блещущей и ответственной **семьи** (ksuha170_ol, 13.09.2020), а также конструкции с императивом (речевой акт первой степени косвенности): **Будь счастлива, девочка сладкая!** (vesta05.06, 13.09.2020); **Найдись** скорее добрая душа (svetalandish804, 24.11. 2019).

Для комментариев-пожеланий также характерен прием персонификации животного с использованием слов *родители, девочка, малыш*: *Самых любящих родителей **малышам*** (svetlana_k_48, 25.06.2019); *маленькая **девочка**, дай Бог любящих родителей* (leolya250577, 2.02.2020) - и «личное» обращение к нему: *пусть повезет **тебе** найти любящий дом!!!* (svetlana.pepelyaeva, 13.02.2020); *счастья **тебе**, малышка!!!* (sarah69_13, 13.02.2020).

2. Комментарии-комплименты

Е.М. Вольф рассматривает комплимент как «особый вид иллокутивных актов, где действуют специфические именно для них иллокутивные силы, целью которых является вызвать у собеседника определенный перлокутивный эффект – эмоциональную реакцию» [Вольф, 1985: 166]. Комментарии-комплименты к постам о прикорме животных показывают бескорыстное намерение авторов выразить восхищение, отметить достоинства того или иного животного, что может повлиять на ответную реакцию других пользователей. В ходе исследования выяснили, что комплименты в комментариях к постам о прикорме животных оформляются с помощью:

■эмотивных прилагательных: *очень **славная** девочка!* (ludamyrom135, 20.09.20); *щенки **чудесные*** (everyshalalaeverywowowo, 12.02.20); *очень **милый и трогательный** песик! Желаю ему лучших родителей!* (drMariag, 10.02.2020);

■эмотивных существительных: ***чудо** сладкое* (svetalandish804, 11.06,2019), ***милота*** (tania_stc, 25.06.2019), ***лапсечка*** (vera_hand_made, 27.11.2019);

■эмотивных вокативов: ***красотка!*** (myata_shop.nf, 21.06.2019), ***классный!*** (sveta.pavlova, 5.03.2020), ***красавец***” (laraboro_7.03.2020);

■ слов-интенсификаторов: *ну какой сладкий* (larikovaolya, 12.03.2020); *супер красавец* (svetalandish804, 25.06. 2020), *очень хороша* (marinarina3, 13.09.2019);

■ междометных слов: *о, какие глазки!* (maria32888, 11.06.2019), *“ну что за рыжее чудо* (black.cat.63, 18.12.2019); *эх, какой прелестный!* (_transparency_, 4.11.2019).

В комментариях-комплиментах широко используются слова с разговорными суффиксами *-ыш*, *-ик*, *-еньк*, *-ечк/очк*, *-ик*: *малышка славная* (tsarevna_nastasya, 29.08.2019), *очаровашка* (inessa_mos01, 29.08.2019), *милашка* (anastasiawolf28, 26.02.2020), *какая хорошенькая милашка* (lena_fedchina, 3.12.2019), *сладенький* (vera.mam64, 26.12.2019), *лапатулечка* (shchetinina7481, 26.12.2019), *какие лапочки* (lisitsa.viktoria, 15.09.2020), *красавчик* (olusik03, 1.07.2019). Для усиления эмоционального воздействия авторы комментариев используют также гиперболизацию: *красота неземная* (itakina8081, 21.06.2019), *самая необыкновенная собака станет для вас единственной и особенной* (johanga_, 27.08.2019), *в жизни не видела такой окрас у собаки* (aleksandra_dizain, 27.12.2019); сравнения: *а глазки, как самоцветы* (elkaelka35117, 29.11.2019), *второй, как волчонок* (tyt_tam_05, 12.01.2020).

3. Комментарии-призывы

А.Н. Баранов, рассматривая призыв как особый речевой акт, дает ему следующее определение: «Призыв – это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой действительности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы <...>» [Баранов, 2007: 420]. Авторы комментариев к постам о пристроении животных зачастую стремятся сделать так, чтобы как можно большее количество людей увидело сообщение о том или ином животном и обратило внимание на его

историю или проблему. Поэтому самыми распространенными маркерами комментариев-призывов являются:

■ 2 лицо единственное число или множественное число повелительного склонения (*заберите Герду!* (ludamyrom135, 20. 04. 20); *хозяин, найдись* (86aaa.2, 16.12.19)),

■ обращения *люди, люди добрые, родители, семья* (*Люди добрые! Найдитесь! Пожалуйста!* (dashapol_34, 6.04.2020); *Люди, кто рядом, приютите малыша!* (slavnova_nina, 10.01. 2020), *Семья, заведи к себе Арчика* (fokina8303, 14.12.19); *Родители, заберите мальчишку скорее* (juliastrelnik76, 20. 09. 2019)),

■ эллиптические восклицательные предложения (*РЕПОСТ!!!!РЕПОСТ!!!!РЕПОСТ!* (lorenan37, 26.02.2020); *Репост котенку!* (nat1701, 5.02.2020)).

4. Комментарии-рогативы

Рогативы – это вопросы [Формановская, 2002: 117]. Предполагаемые хозяева часто задают вопросы кураторам приютов. Как правило, это вопросы открытого типа, которые предполагают развернутый ответ от автора поста. Например: *Что у нее с ушками?* (purru_way_home, 26.12.2019); *А кто из них девочки?* (x3.15x, 5.03. 2020) или *А где мама щенка?* (sergy_1996, 2.02.2020).

5. Комментарии-реплики «не по делу»

Авторы зачастую оставляют спонтанные отклики. Они связаны с основной информацией, находящейся в посте, но читаются как фрагментарные, отдельные выражения. Например: *Аватарка ожила* (birmasfriends, 10.03.2020) или *Моего кота тоже Кузя зовут* (alina_mork66, 5.02.2020).

Среди комментариев к постам о пристройстве животных находим также **комментарии развернутого типа**, включающие не один речевой акт, а несколько. В нашем материале представлено несколько групп развернутых комментариев: комментарии-экспрессивы, комментарии-воспоминания, комментарии-мнения, комментарии-желания, комментарии-выражение бла-

годарности, комментарии-сообщения, комментарии-экспозитивы, комментарии-обещания. Рассмотрим самые частотные комментарии.

Комментарии-экспрессивы

Такие комментарии выражают ментальное (психическое) состояние адресанта. В комментариях-экспрессивах встречаем эмоционально-оценочную лексику: ***Капец**...Просто даже не знаешь, что сказать, когда такой пост видишь* (lenka_bogatova, 3.12.2019); ***Безумно трогательно**. Не знаю, сможет ли помочь репост, но сделаем* (loginova_elena, 1.11.2019) или ***Страшно** представить, как она это все переживет. Жалко разлучать, где одна там и две. У меня две собаки и никаких напрягов* (iluliia_iarmak, 6. 03. 2020). Для комментариев-экспрессивов характерны также:

– риторическое обращение, например: ***Боже!** Как же много бездомных животных, как же их жалко* (marina300583, 13.02.2020) или ***Божечки!** Почему я живу в Петербурге? Я бы забрала всех* (anastasiakorshun, 4.04.2020);

– прерванно-продолженные конструкции, выражающие эмоции: *Жаль так ее... Одна из многих...диких...с нулевыми шансами* (ksuvahrusheva, 26.12.2019) или *Моя собака не воспринимает других собак, не знаю почему...мне так всех жалко...они такие лапы* (khomiachina4, 18.12.2019).

– большое количество восклицаний: *Как же хотелось бы, чтобы у этой собачули была скрашена старость, хоть кто-то бы уделил ей немного внимания!!!!!! Она же стала такой из-за Человека, который сильно обижал!!!!!!* (lorenan37, 26.12.2019) или *Я когда читаю про собачек тут, прям не могу!!! Всех бы забрала, ну или хотя бы одну, но не могу к СОЖАЛЕНИЮ!!!* (khomiachina4, 18. 12. 2019).

Комментарии-желания

В комментариях этого типа выражается желание или намерение адресанта что-либо сделать. Находим два типа комментариев-желаний:

– констатирующие наличие желания: ***Хочу забрать его!** Не могу уже смотреть на эти глаза разнесчастные* (allcrystal__, 16.01.2020) или ***Я гото-***

ва ее посещать по воскресеньям. Павлу набирала, жду обратной связи (holalolola2019, 2.02.2020).

– условные (частица бы+ глагол в форме прошедшего времени): *Я нахожусь в Питере, я бы его забрала. Живу за городом в своем частном доме (izimnitskaya, 5.03.2020) или С удовольствием бы взяла! Но ребенок совсем маленький, боюсь... (anasteisha_p22, 16.01.2020).*

Комментарии-воспоминания

Это комментарии, в которых люди делятся своей историей посещения приюта для животных, рассказывают, как они провели время с ними, о своих эмоциях и чувствах: удивлении, восхищении и др. В комментариях такого типа широко используются эмотивы. Например: *Я помню это семейство еще малышами, они все такие славные <...> (solnyshktatiana, 13.02. 2020), <...> захотелось сразу это чудо сладкое погладить (svetaselina_71, 19. 01. 2020).*

Комментарии-истории из жизни взятого животного (личные истории)

Личная история человека способна вызвать доверие у других пользователей. В том случае, если у предполагаемого хозяина возникают сомнения, стоит ли приютить то или иное животное, подобное сообщение (личная история) может убедить человека сделать выбор в пользу животного. Личностный характер таких комментариев подчеркивается личными местоимениями первого лица я, мы: *У меня на фото моя собака из приюта! Мы с мужем увидели ее в соц. сетях и поехали за ней на другой конец Московской области <...> (alla.dom_sobake, 16. 01. 2020); у меня теперь тоже живут два метиса <...> и это самые красивые псы! И вторых таких ни у кого не будет (irinkakozlova, 10.02. 2020).* Появление неологизмов в комментариях обуславливается стилем интернет-коммуникации: *собака-дрожака (avtovolonter_rgevka, 13.07. 2019); мы приютили такого же собакена <...> (chopan181, 17. 03. 2020).*

Комментариям свойственна особая пунктуация для передачи пауз и акцентировки в предложении. Например, *Знаете, он так чувствует челове-*

ка, все понимает... когда приехали первый раз гулять с ним, то я очень волновалась... видимо Гоша почувствовал мое волнение <...> ...и всю прогулку шел рядом (markina9247, 15.04. 2020) или <...>Мы узнали об этом в приюте... Трудно после такого подобных... называть человеком. А отговорки (аллергия, занят, переезд и пр.) не работают! Просто вы из числа этих... предателей (kolosovaim, 4.04. 2020).

Комментарии-мнения

Авторы комментариев к постам о пристроении животных оставляют разные мнения по тому или иному вопросу. В нашем исследовании мы обратили внимание на негативные комментарии авторов.

На описание жестокого обращения с животными многие пользователи оставляют гневные комментарии, в которых выражают свое мнение по отношению к бывшим владельцам. Нередко мнение выражается с помощью средств речевой агрессии, что проявляется в использовании эпитетов с негативной окраской по отношению к субъекту (*как же меня раздражают эти тупые дачники!* (irinkakozlova, 17.01.2020)), негативно-оценочных наименования, оценивающие личность (*И сколько таких УРОДОВ НЕДОДЕЛАННЫХ по всему миру!!!* (svetochka_isaeva, 5.09. 2019)), приемов бестиализации (*Просто зачем тогда собаку брать? это не люди, это свиньи какие-то* (alice.alaska, 28.02.2020)).

Комментарии, выражающие благодарность

В комментариях встречаем прямое выражение благодарности. *Спасибо* является наиболее нейтральным средством ее выражения. Например: *Спасибо за профессионализм и неподдельную теплоту и искренность! Я всегда восхищалась такими людьми* (valentina.partina, 16.02. 2020) или *Вы большие молодца, что занимаетесь и содержите животных! Многие люди очень жестоки к животным и не понимают, что это не игрушки, что нельзя просто взять и оставить живое существо на произвол судьбы. Спасибо вам, что занимаетесь ими!* (kififiw, 23. 11. 2019). Как правило, адресанты коммента-

риев благодарят кураторов за терпение, ежедневную безвозмездную работу и теплое отношение к животным.

Комментарии разного типа к постам о пристроистве животных обла-
дают разной частотностью (см. диаграмму №1, №2).

Нами было проанализировано 732 комментария, из которых 659 отно-
сятся к одноактным комментариям (90%), 73 к комментариям развернутого
типа (10%).

Из **одноактных комментариев**, проанализированными нами, наибольшей частотностью обладают комментарии-комплименты (53%). Ав-
торы комментариев часто подчеркивают индивидуальные особенности того
или иного животного, выражают положительные эмоции по отношению к
ним. Комментарии-пожелания составляют 24%. Они делятся на два типа:
пожелания абстрактного и конкретного блага. Среди пожеланий абстрактно-
го блага самыми частотными пожеланиями являются: пожелания удачи (4%)
и счастья (2%), реже желают здоровье (1%), быстрого пристройства (0,5%) и
очень редко любви (0,2%). Из пожеланий конкретного блага самыми частот-
ными являются: пожелания обрести любящую семью (5%); пожелания обре-
сти дом (4%); пожелания найти лучших хозяев (3%), пожелание найти роди-
телей (2%); пожелания найти маму и папу (2%). Редко используются пожела-
ния найти друга/человека (0,2%) и пожелание найти добрые руки (0,2%).
Комментарии-призывы из общего количества одноактных комментариев со-
ставляют 12%. Авторы таких комментариев привлекают внимание других
пользователей. Вероятность, что животное попадет в добрые руки быстрее,
увеличивается. Комментарии-рогативы составляют 7%. Авторы коммента-
риев часто задают вопросы о здоровье животного, его отношении к детям, о
сделанных прививках и многом другом. Ответы кураторов позволяют чело-
веку быстрее принять решение в пользу того или иного животного.
Наименьший процент составляют комментарии-реплики— 4%. Наличие таких
комментариев говорит о том, что их авторы спонтанно реагируют на пост о
животном. Комментарии-реплики зачастую содержат незначительную ин-

формацию, например, о том, на кого похоже животное или как оно сфотографировано (см. диаграмму №1).

Диаграмма №1

Частотность одноактных комментариев разного типа к постам о при-
стройстве животных (в % от их общего количества)

Среди комментариев **развернутого типа** самыми частотными являются комментарии-экспрессивы (32%). Они выражают психологическое состояние автора на историю жизни животного, описанную в посте. Кураторы часто не скрывают подробности того, как животное оказалось в приюте, что вызывает эмоциональную обратную связь от читателей. Комментарии-воспоминания составляют 16%. В таких комментариях авторы делятся своими историями из жизни (зачастую это истории о домашних питомцах или животных из приюта). 15% от общего количества составляют комментарии-мнения, где авторы делятся мнениями по разным вопросам. Комментарии-желания из общего количества комментариев развернутого типа составляют 11%. Авторы этих комментариев принимают какое-либо решение, связанное с животным, которому посвящен пост. Часто именно в комментариях кураторов оповещают, что готовы забрать животное. 8% составляют комментарии, выражающие благодарность. В таких комментариях кураторов благодарят за проделанную работу. Одинаковое количество процентов составляют комментарии-сообщения и комментарии-экспозитивы (по 7%). В таких комментариях авторы оставляют новую актуальную информацию по теме поста, а также выражают согласие/несогласие с тем, что сказано в посте о при-

стройстве животного. Комментарии-обещания составляют 3% от общего количества комментариев этого типа. Авторы таких комментариев обещают в будущем забрать то или иное животное. Наименьший процент (1%) составляют комментарии-реквизитивы. В таких комментариях авторы о чем-то просят кураторов приюта (см. диаграмму №2).

Диаграмма №2

Частотность развернутых комментариев разного типа к постам о при-
стройстве животных (в % от их общего количества)

Анализ собранного материала позволяет сделать следующий **вывод**: наиболее частотными комментариями к постам о пристройстве животных являются комментарии неразвернутого типа: комментарии-комплименты, комментарии-пожелания, комментарии-призывы, комментарии-рогативы, комментарии-реплики. Авторы таких комментариев не могут относиться равнодушно к написанным постам о бездомных животных, поэтому призывают других пользователей к действию, оставляют комплименты, вопросы и разные пожелания. **Перспективу** дальнейших исследований видим в изучении

коммуникативных неудач авторов постов о природе животных и комментариев к ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта-Наука, 2007. 593 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Шк. “Яз.рус.культуры”, 1998. 763 с.
4. Дахалаева Е.Ч. Интернет-комментарий и интернет-отзыв: параметры жанрового разграничения [Электронный ресурс]// Современные проблемы науки и образования. №6. 2014. С. 132–144. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=16222> (дата обращения: 07. 10. 2019).
5. Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста// Словарь и культура русской речи/ под ред. Н. Ю. Шведовой, В. Г. Костомарова. М.: Индрик, 2001. С. 131–148.
6. Литневская Е. И. О лингвосомиотических и социокультурных особенностях некоторых жанров интернет-коммуникации // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 235-248.
7. Мельник М. В. Комментарий как жанр интернет-коммуникации [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://docplayer.ru/58444547-Kommentariy-kak-zhanr-internet-kommunikacii.html> (дата обращения: 8.12.2019).
8. Танабаева И. Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении [Электронный источник]// Молодой ученый. 2017. № 51. С. 207–210. URL: <https://moluch.ru/archive/185/47375/> (дата обращения: 7.12.2019).
9. Формановская. Н. И. Речевое обещание: коммуникативно- прагматический подход. М.: Русская язык, 2002. 214 с.
10. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров. Саратов: Изд-во Колледж, 1997. С. 81-90.
11. Щипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария [Электронный источник]// Вестник Башкирск. Ун-та. 2015. № 2. С.528–532. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyy-status-setevogo-kommentariya> (дата обращения: 14.02.2020).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ В ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация: в статье рассматривается взаимодействие вербального и невербального аспектов коммуникации в испанской лингвокультуре.

Ключевые слова: вербальная и невербальная коммуникация, жест.

Abstract: The article considers the interaction of verbal and non-verbal aspects of communication in the Spanish culture.

Keywords: verbal and non-verbal communication, gesture.

Невербальная составляющая коммуникации носит в значительной степени культурно обусловленный характер. Изучение невербальной семиотики на материале различных лингвокультур позволит более эффективно взаимодействовать в ситуациях межкультурного взаимодействия.

В настоящей работе мы ставим перед собой цель изучить формы осуществления взаимодействия вербальных и невербальных аспектов коммуникативного поведения представителей испанской лингвокультуры. Для этого мы используем программу лингвистического нотирования ELAN 6.0, которая позволяет разметить тот или иной видеофрагмент, отметив на нем необходимые для анализа компоненты. Так, мы использовали в качестве эмпирического материала видеозаписи интервью с испанскими актерами, на которых разметили жесты коммуникантов и соответствующие им высказывания. Далее было проанализировано взаимодействие этих двух аспектов коммуникации.

Под вербальной коммуникацией понимается словесное взаимодействие индивидов, осуществляемое с помощью знаковых систем, прежде всего, естественного языка [Ретюнских и др., 2016: 199]. Под невербальной

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Н.Г. Бурмакина.

коммуникацией понимается «система знаков и символов, которые используют для передачи информации, которая имеет достаточно четкий круг значений и является своеобразной знаковой системой» [там же]. Невербальная коммуникация является самой древней формой общения людей и, по мнению ученых, передает более двух третей всей информации в процессе общения [Конецкая, 1997: 4]. Мехрабиан А.К. установил, что передача информации происходит за счет вербальных средств лишь на 7%, звуковые средства передают 38% информации (тон, голос, интонация), в то время как 55% информации передается невербальными средствами [Мехрабиан, 1972]. Согласно Д. МакНэйлу, в большинстве культур 90% речи сопровождается жестами [МакНэйл, 1992].

В невербальной коммуникации выделяют три функции: социальную (контактоустанавливающую); эмотивную, связанную с эмоциями адресанта; волютативную (выражение воли адресанта); апеллятивную (воздействие на адресата); фатическую (установление и поддержание контакта с адресатом); дейктическую (указание на местоположение человека и объекта); жестовое изображение физических действий человека; риторическую (художественные невербальные средства) [Горелов, Седов, 1998]. Как вербальные, так и невербальные средства выполняют базовые функции коммуникации – информационную, прагматическую и экспрессивную [Конецкая, 1997]. Информационную функцию выполняют сообщения о ком-либо или о чем-либо, об их свойствах, действиях и местоположении; прагматическими являются частные функции – установление контакта и получение обратной связи, самопрезентация, побудительная и регулирующая функции [Конецкая, 1997]. Существует мнение, что невербальные компоненты коммуникации не осознаются говорящим, однако всегда считываются слушающим, благодаря чему могут выполнять в коммуникативном акте любую функцию, присущую вербальной составляющей [Колшанский, 1974; Крейдлин, 2001; Накашидзе, 1981].

Невербальные элементы коммуникации как форма выражения эмоций делятся на универсальные (присущие всем культурам) и национально специ-

фические [Багдасарова, 2006]. В настоящее время общепризнана универсальность мимического сопровождения базисных эмоций (гнев, грусть, страх, радость, отвращение, удивление), хотя и допускаются некоторые межкультурные вариации (там же). Наибольший интерес в связи со своей культурной вариативностью представляют жесты. Среди жестов выделяют произвольные телодвижения – те, которые индивид использует в процессе коммуникации непреднамеренно, и жесты-символы – конвенциональные телодвижения, имеющие конкретное значение. Так, соединенные в кольцо большой и указательный палец представляют собой жест «окей», выражающий в большинстве англоязычных стран одобрение, согласие, или сообщающий собеседнику о том, что все в порядке [Кнарр, 2013]. В данной статье мы рассматриваем произвольные жесты.

Взаимодействие вербального и невербального компонентов было описано Крейдлином Г.Е., который, однако, работал на материале лекций, проведенных на русском языке. Так, ученый выделяет во взаимодействии этих двух компонентов жестовые ударения; дейктические, пространственные, временные и идеографические маркеры и другие аспекты, что свидетельствует о наличии паттернов и тенденций во взаимодействии вербального и невербального компонентов [Крейдлин, 2008]. Согласно результатам его исследования, жесты могут усиливать коммуникативное воздействие вербального компонента, символически изображать действия и объекты внешнего мира, идентифицировать собеседника; жесты помогают описывать происходящее, ориентироваться в пространстве нарратива [там же].

Используя программу лингвистического нотирования Elan 6.0, мы проанализировали три видеоролика, общая длительность которых составила 59 минут 20 секунд. Видеоролики представляют собой интервью с известными личностями, проводимые в рамках испанской шоу-программы La Resistencia. В ходе исследования были зафиксированы и проанализированы жесты Альбы Флорес (испанская актриса, возраст – 34 года), Хавьер Гутьеррес (испанский актер, возраст – 50 лет) и Пабло Риверо (испанский актер, возраст –

40 лет). В каждом фрагменте были зафиксированы и размечены два компонента – жесты героя и словесные высказывания, сопутствующие им. Следует отметить, что точное количество и границы жестов определить не удалось. Несмотря на то, что программа позволяет отметить временной промежуток, который занимает воспроизведение жеста, представляется трудным отметить границы между двумя жестами, переходящими друг в друга. В таких случаях два нераздельных жеста отмечены на слое программы как один временной промежуток.

Общее время жестикулирования трех видеофрагментов составило приблизительно 48 минут 30 секунд, что составляет 81% времени. В этих фрагментах были выделены наиболее частотные жесты (воспроизведенные не менее пяти раз каждым участником) и проанализированы сопровождающие их высказывания.

Наиболее распространенной оказалась группа **указательных жестов**. Указательный жест пальцем или раскрытой ладонью соответствует репликам, в которых говорящий подтверждает достоверность высказываний собеседника, или утвердительным высказываниям, в которых выражается согласие с собеседником.

Пример 1: *no no mi abuelo sí claro.*

Пример 2: *sí sí yo fui salí en esa obra.*

Еще один тип высказываний, сопровождаемых указательным жестом, представляет собой указание на законченность фрагмента речи или рассказываемой истории. Трижды в анализируемом корпусе встречалось следующее высказывание, сопровождаемое указательным жестом.

Пример 3: *pues ya está.*

Также указательный жест используется при упоминании в речи собеседника или обращении к нему.

Пример 4: *sí sí eres su favorito.*

Еще одним распространенным жестом стало **разведение рук в стороны**. Было отмечено, что данный жест воспроизводится также в редуцирован-

ном варианте с меньшей амплитудой – разведение в стороны больших пальцев рук, когда те сложены в «замок». Наиболее частотный тип высказываний, употребляемых одновременно с использованием этого жеста, представляет собой манифестацию невозможности дать точный ответ на поставленный собеседником вопрос.

Пример 5: *yo que sé tío.*

Данный пример демонстрирует эксплицитное заявление о том, что говорящий не владеет запрашиваемой собеседником информацией. Однако, говорящий может использовать разведение рук для заполнения вербальной «пустоты», чтобы выиграть время и сформулировать ответ на вопрос; таким образом, уклонение от ответа, сопровождаемое разведением рук, в подобных случаях является временным.

Пример 6: *bueno de obras hay así como (4 s).*

Разведение рук или больших пальцев в стороны может сопровождать нераспространенный утвердительный или отрицательный ответ на вопрос собеседника.

Пример 7: *bueno sí.*

Пример 8: *pero no.*

Также данный жест указывает на открытость собеседнику:

Пример 9: *os animo que vengáis.*

Данный пример демонстрирует, как говорящий приглашает собеседника и зрителей на премьеру постановки, в которой будет участвовать. Жест разведения ладоней в данном случае является метафоричным – открытость позиции тела говорящего указывает на открытость его по отношению к собеседнику.

Ответы на вопросы интервьюеров включали нарративы, в ходе чего в качестве жестового сопровождения производилось **поступательное круговое движение двумя руками**. Данный жест чаще всего сопутствует однородным членам, выраженным глаголами, или последовательности простых предложений.

Пример 10: *pues mi padre **intentó** durante mucho tiempo ser Gonzales pero la sociedad le **impuso** Flores.*

Почесывание головы, руки или шеи связано с уходом от ответа и характеризуется отсутствием вербального сопровождения в течение нескольких секунд.

Пример 11: *pero hmm qué tipo de relación entre vosotros (7 s) a ver.*

Поднятие руки вверх и назад сопровождает высказывания, содержащие глаголы в законченном прошедшем времени и темпоральные маркеры прошлого. С помощью такого жеста говорящий акцентирует внимание на том, что действие было совершено в прошлом.

Пример 12: *mi abuelo murió hace mucho tiempo.*

Подобный жест – **поднятие руки вверх и вперед** – связывается с референцией к будущему. При воспроизведении данного жеста говорящий использует глаголы в форме будущего времени и другие способы выражения будущего.

Пример 13: *pero hombre ya lo veremos en la próxima.*

При упоминании физических объектов могут использоваться **жесты, имитирующие форму объектов**.

Пример 14: *sí sí un tambor chamáno.*

При произнесении данной фразы говорящий показывает руками форму барабана, чтобы упростить понимание собеседником понятия «шаманский бубен» (tambor chamáno).

Смежная по функциям группа жестов – **жесты, имитирующие физические действия**.

Пример 15: *у уо quería hacer bomb om* (имитирует удары по барабану).

Исследование показало, что указательный жест частотно сопровождает высказывания в форме утверждения, а также указания на законченность высказывания, упоминание собеседника или обращение к нему. Разведение рук в стороны происходит одновременно с манифестацией невозможности дать незамедлительный ответ, односложный положительный или отрица-

тельный ответ на вопрос собеседника, манифестацию открытости собеседнику. Поступательное круговое движение двумя руками многократно сопровождает последовательное изложение событий, почесывание головы или другой части тела – уход от ответа. Использование лексем с лексическим или грамматическим значением будущего сопровождается в исследованном корпусе поднятием руки вверх и направлением ее вперед, в то время как лексемы со значением прошлого сопровождаются поднятием руки вверх и отклонением ее назад. При отсылке к физическим объектам частотно используются жесты, имитирующие их форму; также с помощью жестов представители испанской лингвокультуры имитируют движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарова Н.А. Невербальные формы выражения эмоций в контексте разных культур: универсальное и национальное // Материалы межвузовского семинара по лингвострановедению. Москва: МГИМО-Университет, 2006. С. 1–3.
2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. 256 с.
3. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М.: Наука, 1974. 81 с.
4. Конецкая В.П. Социология коммуникаций: учебник / В.П. Конецкая. М.: МУБиУ, 1997. 198 с.
5. Крейдлин Г.Е. Кинесика. Словарь языка русских жестов. М.: Вена: Языки русской культуры, венский славистический альманах, 2001. С. 167 – 248.
6. Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге. Жестовые ударения // Труды международной конференции «Диалог 2006: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Москва: изд-во РГГУ, 2006. С.290 – 296.
7. Ретюнских М.Е., Холодов О.М., Устинов И.Ю., Караванов А.А. Речь как средства вербальной коммуникации. Средства невербальной ком-

муникации // Сборник научных статей V Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. ВГИФК: 2016. С.197 – 202.

8. Knapp Mark L., Hall Judith A., Horgan Terrence G. Nonverbal communication in human interaction. Cengage Learning, 2013. 528 p.

9. McNeil D. Hand and mind: what gestures reveal about thought. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 423 p.

10. Mehrabian A. K. Nonverbal communication. Cambridge: University Press, 1972. 226 p.

ЕДИНСТВО И ОТЛИЧИЯ ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ ГОРНЫХ СИСТЕМ

Аннотация: Статья посвящена лингвистическому анализу оронимов на территории современной России. Выявлена и произведена систематизация оронимов, получивших имя в балтской языковой среде. Названия горных систем имеют этимологию, родственную таким понятиям, как скала, камни, хребты, ущелья. Предложенная статья дает возможность уточнить археологические и исторические аспекты жизни древних людей в регионе. Проведенный анализ оронимов в очередной раз указывает, что на территории современной России наиболее древним слоем являются топонимы балтской языковой среды.

Ключевые слова: оронимы, этимология, Алтай, Урал, Памир, Кавказ, Саяны, Хибин, балты.

Abstracts: The article provides the linguistic analysis of the oronyms in the territory of modern Russia. The oronyms given their nominations in the Baltic language environment were identified and systematized. The names of mountain systems have their etymology related to such concepts as rocks, stones, ridges, gorges. This article makes it possible to clarify the archaeological and historical aspects of the ancient people's life in the region. The analysis of the oronyms once again indicates that the most ancient layer in the territory of modern Russia is the toponyms of the Baltic language environment.

Keywords: oronyms, etymology, Altai, Himalayas, Urals, Pamir, Caucasus, Sayans, Khibiny, Baltic.

Как известно, гидронимы являются наиболее устойчивыми топонимами во времени, лучше всего позволяя установить зоны расселения народов в древности [Гимбутас, 2004: 32]. Не менее статичными во временном отношении могут считаться и оронимы. Рельеф местности оставался постоянным, независимым от жизнедеятельности древнего человека. Поэтому можно предполагать, что названия гор, горных систем, как и названия рек, имеют некоторое постоянство и подвергались лишь огласовке в языках новых поселенцев, мигрантов.

Рассмотрим наиболее крупные горные системы, имеющие отношение к территории России – горы Алтайские, Кавказские, Уральские, Саянские и Хибинские, а также Гималаи и Памир. Как ранее было установлено, гидронимы Сибири, Урала, Алтая, севера Руси имеют балтскую этимологию [Фед-

ченко, 2020a; Федченко, 2020b]. В данном контексте попытаемся определить и происхождение упомянутых оронимов.

Ороним **Алтай** имеет несколько гипотез происхождения. Некоторые пытаются объяснить монгольским народным термином *алтай* (горная страна с альпийскими лугами), но, скорее, это понятие вторично к более древнему названию [Поспелов, 2008: 31]. Другие исследователи считают, что в основе лежит монгольское, тюркское слово *алтан* (золото) с местоименным формантом *-тай*, т. е. полностью - Алтантай (золотоносный), приводя как кальку китайское название Цзиньшань (Золотые горы) [Никонов, 1966: 21; Поспелов 2008: 31]. Хотя на фоне соседних топонимов *алма-тау* или *алтын-таг* [Никонов 1966: 21; Поспелов 2008: 31], предложенная словообразовательная модель вызывает сомнения, что и подтверждает вывод Э. М. Мурзаева – «не убедительно» [Молчанова 1979: 130]. Не состоятельна и версия из двух слов *ал+тай* (высокая гора), поскольку аналогичные слова не встречаются в тюркских, монгольских языках [Молчанова, 1979: 130]. Ученый-исследователь Алтая В. В. Радлов предполагает, что топоним является производным от сочетания (опять-таки, не встречающихся в древних языках слов) Ал-тайга (огромный горный лес) [Никонов, 2008: 21].

При таких обстоятельствах разумнее рассмотреть возможность более древнего названия Алтай, когда золото еще не являлось «дьявольским металлом». Мои исследования гидронимов Сибири и Урала показали, что наиболее древним пластом в данном регионе является балтская языковая среда [Федченко, 2020b]. В таком случае, в этом направлении и стоит искать этимологию оронима Алтай.

Прежде, нужно определиться с тем объектом, который является предметом нашего исследования. Гора – это резко выступающая возвышенность, особенность горных систем – наличие ряда хребтов, скалистых гор. Поэтому перед тем, как выяснять этимологию оронимов, необходимо определиться со значением терминов *хребет* и *скала*, что упускают из вида многие исследователи-лингвисты.

Хребѣт: др.-русск. хрьбѣтъ, ст.-слав. хрьбѣтъ [Фасмер, 1986-1987: т. 4, 274-275]. О. Н. Трубачев рассматривает *xribъ*, *xrъbъ* в связи со *skrebtī*, восходящим к значению «бугор, острое, холм, скрести» [ЭССЯ: т. 2, 96, 107-108], родственно литовскому *skriebti* – царапать, скрести, (вы)резать [LKZ].

Скала – «глыба камня»; др.-русск. скала, родственно лит. *skėlti* «раскалывать», *skĩlti* «трескаться» [Фасмер, 1986-1987: т. 3, 630]. Производным от *skėlti* является глагол *skaldyti* (колоть, дробить) [Smoczynski, 2007: 558-559]. Следующая ступень – глагол *iltyti* со значением *skaldyti* [LKZ], который подводит нас к слову *ĩltis* – клык, бивень (большой остроконечный выступ) [LKZ], В. Н. Топоров предполагает сближение с атрибутом дракона [Топоров, 1975-1990: т. 2, 44-45]. Здесь интересна деталь: на фоне других скал в северной части Алтайских гор имеется гряда острых скал – Зубы Дракона (возможно, именно с этого направления и шла миграция индоевропейцев на Алтай?). В плане огласовки мы наблюдаем разную степень вокализма *il-/el-/al-* [Топоров, 1975-1990: т. 2, 42]. Таким образом, ороним Алтай получил свое название от наличия характерных скал, выделяющихся на фоне остального горного пейзажа, собственно, то, что и отмечал древний человек в первую очередь.

Столь же многочисленны и разнообразны версии о происхождении оронима **Урал** (Уральские горы). Античные авторы именовали эту горную систему, как Рифейские горы (*ripa* – «берег», т. е. «на краю земли»), Гиперборейские горы («самые северные») [Поспелов, 2008: 432]. Средневековые русские авторы величали эти горы, как Пояс, Большой Камень, Каменный пояс [Матвеев, 1987: 6]. Современное название, как считают исследователи, пошло от хребта Оралтова (Аралтова) гора (Уралтау), распространившегося на всю систему [Никонов, 1966: 437; Поспелов, 2008: 432]. Первоначально была предложена связь топонима с мансийским словом *ур* (гора) – *ур ала* (вершина горы). Однако, как замечает А. К. Матвеев, сами манси называют Урал как Нёр (Камень) [Матвеев, 1987: 6], кроме того, приведенное значение не может быть определяющим для географического понятия «гора», по-

сколько относится к одной из его частей – вершине. Также бессмысленностью отличается и версия, связывающая топоним с формой повелительного наклонения единственного числа тюркского глагола *уралмак* (опоясывать, окружать), т. е. Уралтау – опоясывающаяся, окружающаяся гора [Кокшенова, 1971: 75] (как гора себя опоясывает? чем она себя окружает? как гора это делает?). При том, что данная словообразовательная модель «не вполне соответствует фактам тюркской лексики и грамматики» [Матвеев, 1987: 7]. Мало соответствует значению оронима и вариант тюркского *арал* (остров, островок леса в степи, возвышенность) [Поспелов, 2008: 432] (в окрестностях Уралтау трудно найти степные пейзажи).

Как резонно отмечает А. К. Матвеев, «о топониме Урал написано множество работ, однако вопрос до конца так и не решен» [Матвеев, 1987: 6]. Решение же проблемы можно найти в балтской языковой среде, на которую указывают гидронимы Урала [Федченко, 2020b]. В таком случае ороним может иметь два компонента *ур+ал*. Первый элемент представлен словом *võras* (*vorà, vóra*) – длинный ряд нанизанных предметов, ожерелье, последовательные выступы на поверхности [LKZ]. В основе лежит глагол *verti* (нанизывать, прокалывать и т. д.) с вокализмом **uer-*, в том числе, имея рефлекс *ur-/vir-* [Smoczynski, 2007: 740-741].

Вторым компонентом является *uola, uõlas* (с диалектным *olas*) – большая каменная глыба, каменная гора, скала [Smoczynski, 2007: 704; LKZ]. Традиционно данное слово связывают с глаголом *velti* (ерошить, точить, спутывать и т. д.) [Derksen, 2015, 481; Smoczynski, 2007: 732-733]. Здесь еще отметим параллель с названием **Гималаи**. Одним из главных значений понятия *uola* является термин *gabalas* (часть, скол, ком [LKZ]), который, в свою очередь, определяет и значение существительного ***gumulas*** (рефлекс **gim- / *gum-*) – глыба, снежная вершина, ряд (свитый пучок) [Smoczynski, 2007: 210-211; LKZ]. Можно утверждать, что *gumulas* и лежит в основе названия Гималаи, т. е. определяет ороним, как «ряд переплетенных глыб со снежны-

ми вершинами» (не здесь ли скрываются истоки *himālayaḥ* «обитель снегов»?).

Возвращаясь к Уралу, имеем его значение – нанизанные в ряд огромные каменные глыбы. Отсюда и первоначальное русское Орал-/Арал-, и дальнейший переход в местной языковой среде длинного звука О- в У-.

Двухкомпонентным является и ороним **Памир**. Как отмечает Е. М. Пospelов, название не имеет общепринятой этимологии [Пospelов, 2008: 321]. Предлагаются варианты "крыша мира", "подножие смерти", "Нога птицы", "подножие Митры (бога Солнца) [Никонов, 1966: 320], что далеко от характеристики географического объекта горной системы. Поэтому можно предложить этимологию, определяющую понятие рассматриваемого объекта. Происхождение оронима можно связать с *ra-mūryūti* (строить из камня) и, соответственно, *mūras* (стена из камня) [LKZ]. При этом, первичен индоевропейский корень *mei-*, от которого имеем, например, также древне-латинское *moiros* (стена) [Покорный, 1959: 709]. Таким образом, Памир – это не что иное, как сложенная, мощная каменная стена. Аналогичное значение оронима можно увидеть и в названии следующего названия горной системы.

Примитивный подход демонстрируют исследователи, объясняя происхождения оронима **Саяны** от этнонима *сойоны* (сойоты, саяны) [Пospelов, 2008: 371]. Название племени обычно определяется его местом проживания, поэтому получается глупость, когда этноним *сойоты* возводят к горам Саяны [Фасмер, 1986-1987: т. 3, 708], т. е. Саяны – от сойотов, а сойоты – от Саян. Другие исследователи предлагают монгольское слово *саган* («белый») [Никонов, 1966: 372], впрочем, не объясняя к чему данный термин прилагается (к горам, к реке, к лесу или еще к чему-либо?). Поэтому с позиции древнего человека более содержательным и характерным для гор может выступать этимология от *śīna* (от глагола *sieti* – вязать, компоновать, соединять, переплетать) со значением «стена <из камней, каменная>, ограда, возвышенность (холм, сопка)» [Smoczynski, 2007: 547; LKZ]. Мы вновь наблюдаем семантику скомпонованных каменных возвышенностей.

Достаточно прозрачную балтскую этимологию имеет ороним **Хибины**. Исследователи предлагают в основу то ли финское *хибен* (небольшой холм), то ли саамское *хибен* (холм) [Никонов, м. 454; Пospелов: 448]. Однако, саамское название Хибинских гор – Умптек. Сомнение в финском соответствии высказывает М. Фасмер, при этом, упоминая череповецкое диалектное слово *хибина* (складка, морщина) [Фасмер, 1986-1987: т. 4, 235]. Этимология данных терминов может восходить к понятию *skibinà* в широком значении «раскол (ущелье), осколок, скала, кусок известняка, камень и т. п.» [LKZ], т. е. Хибины – скалы с ущельями.

Мое предположение, что балтская языковая среда простиралась вплоть Причерноморья, отмечая балтские параллели, например, в гидронимии Фракии [Федченко, 2019], позволяет в данном контексте рассмотреть и ороним **Кавказ**. Впервые топоним упоминается древнегреческими авторами в V в. до н. э., как *Kaukasos*; в древнерусских источниках встречаем название Кавкасийские горы [Пospелов, 2008: 75]. Как видим, корень *Kaukas-/Кавкас-*, что делает необоснованными версии, связанные с готским *hauhs* «высокий», литовскими *kaiŭkas* «шишка» и *kaukarà* «холм» [Фасмер, 1986-1987: т. 2, 153-154]; фонетические трудности испытывает вариант из иранского *Croukasis* «льдиcтоблистающий» [Никонов, 1966: 166]; хромает смысловая нагрузка в гипотезе про Чаячья (καύαξ – чайка) гора (*κάσος η) (птицы – это не статичный объект – гора) [Ююкин, 2014: 898]. Безусловно, нужно отталкиваться от индоевропейского корня *kauk-* «высота, высокий» [Откупщиков, 1988: 160]. Тогда словообразовательная модель может быть выражена, как *kùkišas* – хохол, чуб, вихор [LKZ]. В данном случае, в основе лежит глагол *kùkti* (гнутьcя, сгибаться), связанный с корнем *kauk-* и *kauk-ar-(-ur-)* [Топоров, 1975-1990: т. 4, 296-297; Smoczyński, 2007: 321]. Очевидно, что ороним имеет значение «выделяющийся выступ, торчащий чуб», что может указывать на движение индоевропейцев на Кавказ с севера, когда они с равнины, низины видели горы, которые и ассоциировались с торчащими чубами на <бритой> голове.

Изучение оронимов наглядно показало, что их значения взаимосвязаны и систематизированы. Мы видим семантическое родство изученных названий с понятием гора, скала, выступ.

Этимология изученных оронимов указывает, что они имеют балтское происхождение, которое с течением времени подвергалось огласовке новых поселенцев. Таким образом, в очередной раз можно утверждать, что на территории современной России самыми древними были племена, говорившие на балтском языке. Более детальные исследования древних диалектных форм, словообразовательных моделей позволит выявить миграционные потоки групп населения и временные периоды их появления в том или ином регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004, 223 с.
2. Конкашпаев Г. К. По поводу названия «Урал». Вопросы топониматики. 1971. Вып. 5. С. 75.
3. Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топоним. слов. / А. К. Матвеев. 2-е изд., перераб. и доп. Свердловск, 1987. 208 с.
4. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. 395 с.
5. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
6. Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л., 1988. 265 с.
7. Поспелов Е. М. Географические названия Московской области: топонимический словарь. М.: АСТ, 2008, 600 с.
8. Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. М.: Издательство "Наука", 1975–1990. Т. 1–5.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. Фасмер. М.: "Прогресс", 1986-1987, в 4 томах.

10. Федченко О. Д. *Балтская гидронимия Русского Севера*. European Researcher. Series A, 2020 а, 11(1): 20-30.
11. Федченко О. Д. Балтская гидронимия Сибири и Урала. Постулат. 2020 б. №6. URL: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/3230>
12. Федченко О. Д. Балтские параллели в гидронимии Фракии. Культура и время перемен. 2019, № 3 (26). URL: timekguki.esrae.ru/42-464.
13. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1987–2012. Томов 37.
14. Ююкин М. А. О происхождении названия Кавказ. Индоевропейское языкознание и классическая филология - XVI (чтения памяти И. М. Тронского). СПб, 2012. С. 893-899
15. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden-Boston, 2015. 684 p.
16. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. URL: LKZ.lt/
17. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern & München, 1959. 1183 p.
18. Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas). Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007. 823 p.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ РОССИЙСКИХ МУЛЬТФИЛЬМОВ ДЛЯ КИТАЙСКОГО ЗРИТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТСЕРИАЛА «СМЕШАРИКИ»)

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию приемов адаптации имен собственных при переводе на китайский язык на материале популярного российского мультсериала «Смешарики». На примере локализации имен персонажей в статье анализируется эффективность переводческих трансформаций, релевантных для адаптации под китайские традиции составления имен собственных.

Ключевые слова: адаптация; имя собственное; транскреация; калька; транскрибирование; переводческая трансформация.

Abstract: This article is devoted to the study of methods applied to proper names adaptation when translated into Chinese on the basis of the popular Russian animated series "Smeshariki". Using the example of localization of the characters' names, the article analyzes the effectiveness of translation transformations that are relevant for adaptation to the Chinese traditions of composing proper names.

Keywords: adaptation; proper name; transcreation; calque; transcription; translation transformation.

В последние десятилетия наблюдается упрочнение дружественных отношений между Россией и Китаем. В связи с этим нельзя отрицать наличие культурной преемственности между двумя странами. Русская культура различными путями проникает в повседневную жизнь китайцев. Одним из наиболее успешных и актуальных является правильный перенос культурологических особенностей, среди которых повышенного внимания заслуживают случаи наименования культурных реалий и имена собственные, встречающиеся в мультипликационной продукции, а также способы их перевода. Данная тема находится на пересечении двух практических аспектов переводоведения: перевод имен собственных и перевод культурных реалий. Специфика предмета состоит в том, что одна и та же лексическая единица может переводить-

* Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.В. Чистова.

ся по-разному в зависимости от того, трактуется она как имя собственное или как культурная реалья [Кокунова, 2013: 36].

«Имя собственное – это всегда реалья. В речи оно называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, единственные в своем роде и неповторимые. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта» [Виноградов, 2001: 150]. В лингвокультурной парадигме оно воспринимается как феномен языковой картины мира. Говоря о культурном переносе значения имен с русского языка на китайский и наоборот, стоит отметить, что в китайском личном имени, в отличие от русского, может содержаться название любого предмета или явления. Вопрос о значении личного имени и его функционировании становится особенно актуальным, когда осуществляется перевод с одного языка на другой или акт межкультурной коммуникации, так как личное имя играет важную роль как в русской, так и в китайской картине мира [Ван, 2019: 113].

Анализируя особенности перевода имен собственных в мультсериалах, стоит принять во внимание тот факт, что реципиентами такого перевода являются дети, а значит стоит учесть две важные тенденции. С одной стороны, перевод должен быть адаптированным под возраст зрителя, иначе детям будет сложно воспринимать информацию. С другой же, детям важнее не то, что персонажи говорят, а то, что происходит на экране и как это происходит, следовательно они не будут уделять много внимания самому переводу и им можно пренебречь [Матюхин, 2019: 65].

При переводе любого зарубежного кино или сериала перед переводчиками в первую очередь встает вопрос о переводе его названия с языка оригинала на язык перевода, причем осуществлено это должно быть таким образом, чтобы в названии были сохранены как семантический, так и культурологический аспекты, поскольку имя собственное, коим является название мультсериала и имена персонажей, – одно из важнейших составляющих национальной картины мира. Оно способствует стереотипизации и оценке дей-

ствительности в народном сознании и приобщению к национальной культуре и традициям. В современной лингвистике придаётся особое значение выявлению релевантных и эффективных способов перевода имен собственных. Поскольку большинство из них образованы преимущественно из имен нарицательных и выполняют номинативную функцию, основными способами их перевода выступают транскрипция и транслитерация. В некоторых случаях используется смысловой перевод, то есть раскрывается внутренняя форма имени собственного. Данный способ перевода позволяет сохранить национальный временной колорит оригинала [Глаголев, Киловатая, 2018: 68].

Рассмотрим приемы и способы адаптации имен собственных для китайского зрителя на примере популярного российского мультсериала «Смешарики». Сам процесс перевода и адаптации данного мультфильма к особенностям Китая протекал отнюдь не быстро и со значительными потерями контента, поскольку изначально мультфильм не был интернационализован, т. е. в нем не были максимально удалены национально-лингвокультурные особенности.

В мультфильме представлены основные узнаваемые архетипы русского человека, искромётный юмор, богатая жанровая палитра (от комедийных и детективных до любовных и философских сюжетов) и современная музыка российских композиторов и исполнителей. Все это способствовало всеобщему признанию данного аудиовизуального произведения: в России «Смешариков» смотрят не только дети, но и взрослые [Чистова, 2020: 168]. В Китае мультфильм существует уже с 2010 года, и с 2011 года транслируется в эфире на центральном китайском телевидении (CCTV). На сегодняшний день его аудитория в Китае превышает российскую, и основная ее доля приходится на детей. Сам мультсериал помимо Китая выходит еще в 60 странах, переведен на 15 других языков, а ежедневная аудитория – 50 млн человек.

Анализируя название мультсериала «Смешарики» на русском языке, мы четко видим, что данная номинация является слиянием двух языковых единиц, которые по отдельности являются сочетанием слов, связанных меж-

ду собой подчинительной связью – «смешные + шарики». Поскольку китайский язык состоит из иероглифов, подобное слияние словосочетания в единую языковую единицу в нем невозможно, но возможен перевод словосочетания «смешные шарики» в виде экспликации к слову «смешарики». Экспликация, или описательный перевод – это «лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, <...> дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на языке перевода» [Комиссаров, 1990: 185].

Для перевода прилагательного «смешной» было выбрано китайское слово 开心 (кайсин) – это одно слово из двух иероглифов, оно означает «счастливый», дословно «имеющий открытое сердце». В китайском электронном словаре данное слово трактуется как «心情愉快舒畅» (пребывать в хорошем настроении и расположении духа). Интересен тот факт, что иероглифы 开心 по отдельности обозначают «открытый» и «сердце», поэтому в логотипе иероглиф 心 (сердце) заменили на изображение сердца (см. Рис. 1). Прилагательное смешной при дословном переводе с русского языка на китайский переводится как 可笑的 «вызывающий смех» и имеет отрицательную коннотацию: «дурацкий», «смехотворный». По данной причине, видимо, было принято решение прибегнуть к лингвокультурной адаптации данного слова, то есть заменить «смешной» на «счастливый». Слово «шарик(и)» было переведено с как 球 (цю), что является эквивалентным вариантом, к нему не применялась никакая лингвокультурная адаптация, хотя стоит отметить, что в название на языке оригинала изначально был заложен смысл того, что главными действующими лицами мультсериала являются веселые животные шарообразной формы, напоминающие Колобка, персонажа всеми известной русской народной сказки.

Рис. 1. Логотип мультфильма «Смешарики» на китайском языке

В Китае «Смешарики» поменяли не только название; имена главных героев также подверглись существенным трансформациям. Переводчикам приходится постоянно творчески переосмысливать оригинал в процессе перевода, так как целью перевода аудиовизуального произведения является обеспечение комфортного просмотра и формирование положительного опыта у представителей целевой аудитории. Таким образом, переводчику необходимо предоставить определенную степень свободы при работе с текстом оригинала, чтобы сделать аудиовизуальное произведение максимально доступным для восприятия. Таким инструментом выступает стратегия транскреации [Маленова, 2016: 233]. Следовательно, при работе со «Смешариками» была выбрана стратегия транскреации как «воссоздание нового контента, адаптированного под локального реципиента с целью успешной локализации» мультсериала [Чистова, 2019: 965]. Так как «Смешарики» ориентированы для определенной целевой аудитории – дети в возрасте от 4 до 8 лет, то новое имя должно быть полным и адекватным, чтобы у них не возникло проблем при просмотре. При создании имен во внимание также принимается тот факт, что имя должно соответствовать по своей длине оригиналу, чтобы не создавать проблем при дубляже мультсериала.

Анализируя оригинальные имена персонажей, мы видим, что в некоторых из них имеется семантическая связь с названиями тех видов животных,

представителями которых они являются. Так рассматривая имя Лосяш, мы понимаем, что оно состоит из двух морфем, первая – это корень -лос-, который является корнем слова «лось», т. е. животного, которым данный персонаж является, а вторая – это словообразовательный суффикс -яш-. Создатели мультсериала, подбирая имена персонажам, ориентируются на возрастную группу, для которой он предназначен. Для русского зрителя привычным являются имена, указывающие на принадлежность персонажа к тому или иному классу животного мира. Данная тенденция прослеживалась еще в русских народных сказках и советских мультфильмах, например, Муха Цокотуха из одноименного рассказа, Заяц и Волк из «Ну, погоди!» и т. п.

Отношение китайцев к персоналиям формируется через передачу их имен собственных при переводе. Таким образом именно от первичного ознакомительного восприятия образа персонажа, переданного в выборе иероглифов для составления имени, будет зависеть его оценочное восприятие китайскими зрителями, а также отношение к нему.

В Китае имена собственные структурно состоят из двух частей: фамилии рода и личного имени, то есть из 2–3 иероглифов. Анализируя китайскую адаптацию имен персонажей в мультсериале, мы видим, что имена были подобраны согласно данной традиции. Опираясь на вышеописанную нами стратегию, переводчиками был выбран прием создания неологизмов, т. е. при адаптации мультсериала создавались новые имена собственные по причине отсутствия словарного соответствия в переводимом языке, а также с целью выделить ту или иную персоналию. В данном случае мы имеем дело с именами, которые были подобраны исходя из значения исходной единицы и из характеристик персонажей.

Мы можем выделить два способа образования переводных имен. Первый способ представляет собой использование в качестве фамилии иероглифа, указывающего на принадлежность персонажа к тому или иному животному, так в имени Крош – 兔小跳 (Тусяотяо), морфема 兔 (Ту) переводится как «кролик», а в имени Ежик – 猬小弟 (Вэйсяоди), 猬 (Вэй) как «еж». При

этом для составления имени использовались иероглифы, описывающие личные характеристики персонажа: кролику дали имя 小跳 (Сяотяо) – маленький прыгун, потому что он ребенок, который постоянно прыгает, а ежику имя 小弟 (Сяоди) – младший братец, так как он самый младший среди других персонажей.

Особого внимания в данной категории заслуживают имена таких персонажей как Кар-Карыч – 大嘴叔 (Дацзуйшу) и Ньюша – 朱小美 (Чжусяомэй). В имени 大嘴叔 (Дацзуйшу) мы не наблюдаем иероглифа 乌 (У) – ворон, вместо него используется 叔 (Шу) – дядя. Более того он располагается не в начале имени, то есть это не фамилия персонажа, а в конце, тем самым обращая наше внимание на его возраст, так как данный персонаж является самым пожилым, следовательно по отношению к более молодым персонажам и юному зрителю он является дядей. Связано это также и с тем, что при адаптации имени Кар-Карыч была принята во внимание морфема -ыч-, которая в русском языке является словообразовательной единицей, образующей имена существительные со значением лица, которое имеет родственное отношение к тому, кто назван мотивирующим именем существительным, и в русской культуре большинство имен с данной морфемой даются мужчинам в возрасте. Иероглифы 大嘴 (Дацзуй) являются его именем – Большой рот. Они не только описывают Кар-Карыча как персонажа, который постоянно рассказывает истории из своей молодости и профессионально исполняет оперные произведения, но и указывает на то, что в китайской картине мира ворона имеет коннотацию птицы с большим ртом (клювом).

Ньюша после адаптации стала известна в Китае как 朱小美 (Чжусяомэй) – Алая маленькая красавица. В ее имени отсутствует иероглиф, отвечающий за принадлежность персонажа к животному. В имени используется иероглиф 朱 (Чжу) – алый, который является омонимом к иероглифу 猪 (Чжу) – свинья. Переводчики при адаптации приняли во внимание тот факт, что хотя в китайской культуре свинья является символом богатства и домашнего очага,

данное животное имеет негативную коннотацию глупого и грязного животного, подтверждением чему служит устоявшееся в китайском языке сочетание 猪脏 (джуцзан) – «грязный как свинья».

Второй категорией имен являются имена, которые описывают не личные характеристики персонажей, а их профессии. Составлены они подобным образом, сначала ставится иероглиф-фамилия (родовая морфема) персонажа, указывающая на его принадлежность к тому или иному животному, а затем имя, подобранное в соответствии с ремеслом персонажа. Так в имени Бараш – 羊诗弟 (Яншиди), 羊 (Ян) обозначает барана, а 诗弟 (Шиди) маленького поэта, так как Бараш занимается сочинительством стихов. В имени Лосяш – 鹿教授 (Луцзяошоу) присутствует фонетическая имитация русского произношения Лосяша, то есть был использован прием «думающей транскрипции», сущность которой заключается в переводе лексической единицы таким образом, чтобы ее перевод соответствовал и исходному звучанию имени, и его значению [Чистова, 2014]. В данном имени 鹿 (Лу) переводится как олень (驼鹿 – лось), а 教授 (Цзяошоу) как профессор, потому что ремесло Лосяша связано с научной деятельностью.

В данной категории тоже есть свои исключения. Имя Пин – 平博士 (Пинбоши) частично было переведено при помощи думающей транскрипции, 平 (Пин) является транскрипцией к имени Пин. 博士 (Боши) переводится как «мастер-профессионал». Пин по роду своей деятельности является механиком, то есть мастером на все руки. При адаптации имени Совуньи иероглиф для обозначения совы или птицы также не используется. Имя 巧老师 (Цяолаоши) состоит из двух слов: 老师 (лаоши), что обозначает «учитель», и 巧 (Цяо) – «обладающий высоким мастерством». Род деятельности Совуньи не был связан с образовательной деятельностью, но так как она по возрасту соответствует бабушке, а люди старшего поколения в китайской культуре являются мудрыми учителями для младших, то при адаптации ее преобразовали в учительницу. 巧 (Цяо) в ее имени указывает на то, что она была искус-

ной домохозяйкой, поэтому и делилась своим мастерством с младшими по возрасту персонажами.

Таким образом, проанализировав китайские имена, которые были присвоены персонажам при адаптации, можно сделать вывод о том, что переводчики склонны к полной или частичной замене имен собственных при их переносе с русского языка на китайский. Особенностью данного процесса является принятие во внимание личностных характеристик персонажей, на основе которых далее им присваивались имена. Благодаря удачно выбранным стратегиям лингвокультурной адаптации и транскреации, а также комбинации способа создания неологизма с лексическими и лексико-грамматическими трансформациями, персонажи мультфильма были приняты китайской аудиторией. Доказательством этого является также подписание в 2017 году компанией Riki Group, представляющей «Смешариков», контракта с гонконгской компанией Fun Union о создании совместного предприятия для продвижения «Смешариков», «Малышариков» и «Пин-кода» в Китае и странах Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван И. Личное имя собственное в русских и китайских малых жанрах фольклора: лингвокультурный аспект // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Вып. 2. С.111–119.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. Глаголев Я.Б., Киловатая М.А. Когнитивная интерпретация имени собственного в оригинале и переводе // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. Вып. 2. С. 65–75.
4. Журавлева Я.А. О чем говорят китайские имена // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния. Благовещенск, 2013. С.110–115.

5. Кокунова Ю.В. Перевод культурнозначимых имен собственных в кино // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2013. Вып. 9. С. 35–39.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
7. Маленова Е.Д. Стратегия транскреации в переводе субтитров: проблемы и решения // Научная сессия ГУАП: сборник докладов. 2016. С. 231–236.
8. Матюхин И.Б. Перевод мультсериалов: проблема перевода имен собственных // Вестник науки и образования. 2019. Вып.19 (73). С. 65–67.
9. Топорова А.И. Особенности перевода имен собственных в детских мультсериалах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. 2020. Вып. 21. С. 26–30.
10. Чистова Е.В. Когнитивные техники транскреации брендируемого контента // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 963–967.
11. Чистова Е.В. Теоретический статус межъязыковой локализации как особого вида переводческой деятельности // Культура и текст. Переводоведение. 2020. Вып. 3 (42). С. 161–175.
12. Чистова Е.В. Терминосистемы в условиях глобализации: симметрико-ориентированный подход: на материале брендинг-литературы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 32 с.

ОБРАЗ ЧЕМОДАНА В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА

Аннотация: В статье рассматривается образ чемодана в биографии и творчестве писателя-эмигранта И.А. Бунина. Поэтика вещного раскрывается в нескольких аспектах – как категория предметного мира художественного произведения, символ эмиграции и элемент повседневной культуры. Как показано в работе, в творческом сознании писателя чемодан концентрирует в себе всё, что связано с категорией памяти – индивидуальной, национальной и литературной.

Ключевые слова: Бунин, эмиграция, образ чемодана, поэтика вещного.

Abstract: The article considers the image of a suitcase in the biography and literary career of Ivan Bunin, who was an emigrant writer. Poetics of a thing is revealed in several aspects: as a category of presentive life in fiction writing, a symbol of emigration, and an element of everyday culture. It is shown that in the writer's creative consciousness a suitcase concentrates everything related to memory – individual, national and literary.

Keywords: Bunin, emigration, image of a suitcase, poetics of a thing.

В творчестве И.А. Бунина образ чемодана гораздо сложнее, нежели традиционный символ путешествий или переездов. Писатель обращался к нему на протяжении всей жизни как в личных документах, так и в художественных произведениях.

«За всю жизнь не владел я буквально ничем, кроме чемодана (курсив здесь и далее наш. – В.Г.)» [Бунин, 2007: 176], – заявлял Бунин в письме М. Горькому 20 апреля 1911 года. Так он комментировал рецензию на повесть «Деревня» критика А.В. Амфитеатрова, в которой говорилось о бунинских «ботинках (будто бы “лакированных”», <...> поместьях, мигренях и страхах мужицких бунтов» [Там же: 176]. Писателя обидели такие слова, так как он, исходя из обедневшего дворянского рода, действительно не имел «скрытой сменки городской одежды» [Цит. по: Бунин, 2007: 571]. В романе «Жизнь Арсеньева» описывается материальное положение такой семьи: «Я

* Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Е.Е. Анисимова.

уже знал, что мы стали бедные, что отец много “промотал” в крымскую кампанию, много проиграл, <...> знал, что задонское имение уже “затрещало”, что у нас уже нет его» [Бунин, Т. 5, 1988: 22]. О своем автобиографическом герое Бунин рассказывает следующим образом: «В моей комнате в гостинице было узко, серо, страшно грустно за себя – за *чемоданишко* и несколько книжек, составлявших все мое богатство» [Там же: 184]. Фраза писателя проецировалась на его жизнь в эмиграции. Во-первых, Бунины не брали с собой много вещей, которые не поместились бы в несколько чемоданов, а во-вторых, жизнь вне России прошла под знаком постоянной нищеты, и супруги не владели даже собственным жилищем за границей. З. Шаховская писала об этом в своих воспоминаниях так: «Бедность Буниных была удивительна. При умении и малой доли практичности денег Нобелевской премии должно было хватить им до конца. Но во времена “жирных коров” Бунины не купили ни квартиры, ни виллы. <...> Все письма Бунина в эту эпоху вопиют о бедности и нужде, об обмане издателей, о нерадивых адвокатах... <...> В денежных делах Бунины были беззащитны, а опекуны – легкомысленны или вероломны...» [Цит. по: Лавров, 1989: 233–234].

Бунин был страстным любителем путешествий и утверждал: «Путешествия играли в моей жизни огромную роль» [Бунин, Т. 3, 1988: 594]. Собственно, это и было так: расцвету литературного таланта писателя способствовали поездки в другие города и страны, а В.Н. Муромцева-Бунина отмечала, что «неоднократные путешествия по странам Европы и на Восток широко раздвинули мир перед его взором» [Муромцева-Бунина, 2007: 289]. Так, в конце 1910 года Бунин отправился на Цейлон: «Маршрут мой приблизительно таков: отсюда еду в Порт-Саид, оттуда в Египет, где пробуду больше месяца. К тому времени прибудет следующий пароход Добровольного Флота, на котором поеду в Луксор, Ассуан. Быть может, заеду также в Нубию. Оттуда вернусь в Порт-Саид и направляюсь на остров Цейлон, где пробуду месяц. <...> В пути я буду делать заметки, и путевые впечатления, вероятно, послужат материалом для особого труда» [Бабореко, 1967: 152–153]. Эти за-

метки действительно легли в цикл путевых дневников «Воды многие» (1925–1926 гг.).

Здесь мы видим, как чемодан, общепринятый образ путешествий, отражает у Бунина и другой аспект странствий. Поездка, описанная в «Водах многих», является своеобразным паломничеством, ведь Цейлон, к которому стремится писатель, – это «вход в рай»: «Южный Крест на юге, в большом пространстве почти пустого неба. Смотрел на него и вдруг вспомнил, что у Данте сказано: “Южный Крест освещает преддверие рая”» [Бунин, Т. 4, 1988: 460].

В путешествии происходит его духовное преображение. «Потом решительно пошел в каюту, развязал набитый книгами *чемодан*, который мы с ненавистью таскали всю зиму по отелям в Египте, и торопливо стал отбирать прочитанное и не стоящее чтения. А отобрав, стал бросать за борт и с большим облегчением смотреть, как развернувшаяся на лету книга плашмя падает на волну, качается, мокнет и уносится назад, в океан – навеки» [Там же: 461]. Он задает сам себе экзистенциальные вопросы («За что и зачем?» [Там же: 462]), а смотря на книги, задумывается над вопросом о жизни и смерти: «Разве я, например, могу быть уверен, что увижу Цейлон, возвращусь в Россию? Может быть, завтра, послезавтра сбросят мое тело вот в эти же самые волны...» [Там же: 461].

В реальных бунинских чемоданах периода эмиграции хранились его рукописи и русские книги, что при обысках вызывало явное недовольство со стороны «политической полиции» [Бунин, 1998: 610]. В 1936 году писатель выехал из Парижа с «туристическими целями и для свиданий с немецкими, чешскими и итальянскими издателями и переводчиками» [Там же: 416]; и на обратном пути, в городе Линдау (Германия), он был подвергнут грубому таможенному осмотру, о котором впоследствии рассказал газете «Последние новости»: «*Ровно три часа* (курсив И. Бунина. – В.Г.) осматривали каждую малейшую вещицу в моих чемоданах и в моем портфеле с такой жадностью, точно я был пойманный убийца, и все время осыпали меня кричащими во-

просами, хотя я уже сто раз заявил, что не говорю и почти ничего не понимаю по-немецки. Каждый мой носовой платок, каждый носок был исследован и на ощупь и даже на свет; каждая бумажка, каждое письмо, каждая визитная карточка, каждая страница моих рукописей и книг, находившихся в моем портфеле, – все вызывало крик: – Что это такое? Что здесь написано? Кем? И кто тот, кто это писал? Большевик? Большевик?» [Там же: 417]. Этому письму предшествовал заголовок: «Злоключения И.А. Бунина в Германии. Русского академика, Нобелевского лауреата подвергли на границе неслыханному унижению и издевательствам» [Там же: 610].

Тем не менее, не все обыски были такими жестокими и неудачными. Уезжая из Парижа, Бунин оставил девять чемоданов с архивными бумагами в Тургеневской библиотеке на сохранение; «в этих чемоданах были его дневники, рукописи, корректура книг, большое количество писем к нему выдающихся деятелей» [Лавров, 1989: 336]. «Когда летом сорокового года фашисты вошли в Париж, они <...> много ценных материалов похитили из Тургеневской библиотеки (основанной революционером Г. Лопатиным) и, выполняя план одного из гитлеровских главарей Розенберга, отправили их в Германию. Не тронули лишь то, что им показалось малоценным» [Там же: 336], среди уцелевших были и все чемоданы Бунина. Тогда их перевезли «в чулан на улице Лурмель, где находились русское общежитие и столовая» [Там же: 337], но и туда приехали с обыском немецкие солдаты: «Они <...> распарывали матрасы и подушки, простукивали стены, подымали пол – нет ли тайников? Бумаги, книги вываливались на пол, их топтали сапогами. Борцы за “новую Европу” действовали четко и жестоко. Во дворе клубился столб дыма – жгли литературу на русском языке» [Там же: 337], однако все девять чемоданов с архивом остались в чулане нетронутыми.

Находясь в эмиграции, Бунин создал рассказ «Безумный художник» (1921 г., Париж), в котором чемодан связан с темой хранения памяти и воспоминаний. В нем рассказывалось о том, как в город прибывает художник, одержимый идеей написать картину «Рождение Нового Человека!» [Бунин,

Т. 4, 1988: 201], в которой должен отразиться библейский сюжет рождения Иисуса Христа. Прототипом Мадонны должна была стать умершая жена героя, чьи посмертные фотографии хранятся в чемодане: «Он вытащил большой белый бархатный альбом... <...> В альбоме был большой фотографический снимок. <...> Посредине, на возвышении, покрытом траурным сукном, тянулся длинный гроб, в котором лежала худая женщина с сомкнутыми выпуклыми веками. <...> В возглавии гроба стояли три церковных свещника, у подножия – крохотный гробик с младенцем, похожим на куклу» [Там же: 203]. Чемодан художника, следовательно, хранит не только вещи, но и память.

Ю. Мальцев заметил, что «память – по Бунину – (и ее более загадочная разновидность – прапамять) есть та невещественная, духовная, психологическая и одновременно вещественная, биологическая связь со столь же таинственными духовно-вещественными основами бытия. <...> Память <...> есть некий эквивалент (или прообраз) вечности, бесконечности и всеединства. Она есть особый инстинкт, так сказать, – “инстинкт духовный”» [Мальцев, 1994: 10–11]. В таком случае можно заключить, что вся память о родине, о прежней жизни запечатлется навсегда, так как чемодан, который сохраняет в себе все, что связано с категорией памяти, дает этой памяти вечную жизнь, «спасает от власти времени» [Цит. по: Аверин, 2003: 177]. Мы можем здесь вновь вспомнить вышеописанный случай про девять чемоданов с архивом и сделать вывод о том, что чемодан в данной истории «спас» **материальные** (выделено нами. – *В.Г.*) вещи, находящиеся в нем, – он словно стал буквализацией метафоры: действительно сохранил в себе все и не дал содержанию исчезнуть.

В 1931 году Бунин опубликовал рассказ «История с чемоданом». В это время писатель был уже в процессе работы над «Жизнью Арсеньева» и воплощал в нем свой замысел большого произведения, тема которого – «история души поэта, писателя, – то есть его самого» [Бунин, Т. 4, 1988: 664]. При жизни Бунина рассказ вошел только в Собрание сочинений: в 11 томах

(Берлин: Петрополис, 1934–1936). Герой рассказа, собираясь в Турцию, заметил, что «прежний *чемодан* слишком мал, истрепан» [Бунин, Т. 4, 1988: 613], и решил купить новый. По словам рассказчика, чемодан – «это ближайший, интимнейший друг человека, – по крайней мере, в дороге, – выбор которого требует, значит, немало ума, расчета, опытного и зоркого глаза, способности многое предвидеть, взвесить, а еще и того, конечно, чтобы, выбирая вещь практично, выбрать вместе с тем нечто такое, что не причинило бы ущерба и эстетическим вкусам, пренебрежение к которым может иной раз сделать самую практичную покупку ненавистной» [Там же: 613]. Однако новый чемодан герой купил «вне всяких мудрых правил» [Там же: 613]: попав в дорожное отделение магазина, сразу же кивнул головой на первый попавшийся. Рассказчику он понравился: «Большой, тяжелый, прочный, ладный, с этим удивительным лоском новой великолепной кожи, с зеркально-белыми замками, благородно-пахучий, атласно-скрипящий... <...> Его девственные недра, большой карман темно-красного сафьяна с исподу верхней половины» [Там же: 614], хотя и цена чемодана оказалась высокой, но, как герой заявлял: «Я все время наслаждался чувством своего обогащения, мыслью о том, чем обладаю» [Там же: 614].

Чемодан описан в рассказе как спутник героя, живое существо; местоимение «он» и олицетворения указывают словно не на безличный предмет, а на одушевленное лицо («Он точно мстил кому-то» [Там же: 616], «Он, видимо, сознательно был счастлив всем этим адом» [Там же: 617] и т.д.). И уже сам герой признался: «По полу бешено летающей каюты носится что-то живое! Да, живое, живое!» [Там же: 616]. Чемодан, в начале рассказа названный «другом» [Там же: 613], в финале становится врагом. По мысли Бунина, как только человек начинает постоянно проводить время с чемоданом, то он уже не кажется ему символом захватывающих приключений и путешествий. В контексте эмиграции «сидение на чемоданах» приобретает дополнительные негативные коннотации: эти же самые чемоданы уже становятся нена-

вистными, приносящими боль и являются напоминанием о вынужденном передвижении и бездомности.

Случай с чемоданом может быть прочитан и как аллегория происходящих в стране перемен. Чемодан внешне истрепан, а чему-то старому, уже отслужившему свой срок, нужна замена. Сначала идея смены чемодана кажется резонной и «на редкость удачной» [Там же: 613], а продавцы в магазине выглядят учтивыми людьми, которые даже «кажется, любят (тебя. – *В.Г.*)» [Там же: 613]. Однако позднее тот самый чемодан, который был «безупречным» [Там же: 613], «вдруг ожил и бесовски разыгрался» [Там же: 616]. Потому «надо было немедленно кинуться на этого безумца (на чемодан. – *В.Г.*), подмять под себя» – то есть постараться не дать разрастись ситуации с большей силой.

Итак, образ чемодана имеет широкую палитру смыслов в творческом сознании И.А. Бунина. Во-первых, это образ обедневшего дворянина, имущество которого умещается всего в один чемодан. Во-вторых, в доэмиграционный период – символ путешествий, а поскольку Бунин считал, что «путешествие очень меняет человека» [Муромцева-Бунина, 2007: 361], то, таким образом, чемодан это также символ духовного обновления человека. В-третьих, в период эмиграции чемодан приобретает новые значения: это и знак бездомности, постоянных переездов, своеобразное напоминание о нахождении вне родины. В то же время это и символ хранения памяти; неслучайно этимологически одна из частей слова «чемодан» (перс. *jāmādān*) переводится как «хранилище» (*dān*) [Фасмер, Т. 4, 1987: 332], что можно воспринимать не столько в прямом значении как хранение одежды/вещей, сколько в переносном – как сохранение культурной памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.
2. Бабореко А.К. Бунин. М.: Молодая гвардия, 2009. 464 с.
3. Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / под ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 829 с.
4. Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 1998. 640 с.
5. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1987–1988.
6. Лавров В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции 1920–1953 гг. М.: Молодая гвардия, 1989. 384 с.
7. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1853. Franfurta. M. Moskau: Посев, 1994. 432 с.
8. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007. 512 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

«СВОБОДНОЕ ОБЩЕСТВО» И ГЕРОЙ-БУНТАРЬ В АНТИУТОПИЧЕСКОМ РОМАНЕ Г. ФРАНКЕ «ИГРЕК МИНУС»

Аннотация: Целью данной статьи является исследование особенностей проявления антиутопической традиции в романе Г. Франке «Игрек минус». В ходе работы использовался сравнительно-типологический метод. В статье проанализирована структура Свободного Общества, определена специфика образа главного героя, Бенедикта Эрмана, выявлено новаторство немецкого писателя в развитии и разрешении конфликта между личностью и тоталитарным государством.

Ключевые слова: антиутопия, жанр, Г. Франке, антиутопический роман, Свободное общество, герой-бунтарь.

Abstract: The purpose of this article is to study the features of manifesting the dystopian tradition in the novel by G. Franke "Ypsilon minus". In the course of the work the comparative typological method was used. The article analyzes the structure of the Free Society, defines the specificity of the image of the protagonist, Benedict Erman, and reveals the innovation of the German writer in the development and resolution of the conflict between the individual and the totalitarian state.

Keywords: dystopia, genre, G. Franke, dystopian novel, Free Society, rebel hero.

Жанр антиутопии привлекает внимание многих исследователей. При этом отдельные вопросы, касающиеся определения, классификации видов, жанрообразующих признаков антиутопии, остаются нерешенными.

Предметом научной полемики является жанровая природа антиутопии. В современном литературоведении сформировалось несколько точек зрения:

- антиутопия – это самостоятельный жанр (Б. А. Ланин, Р. С. Черепанова);
- антиутопия – это пародия на утопию;
- антиутопия – это антижанр по отношению к утопии (Г. Морсон);
- антиутопия – единица такого метажанра, как утопия (метаутопия), в значении «общей художественной структуры для группы текстов, обуслов-

♦ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Т.С. Нипа.

ленной единым предметом изображения» [Воробьева, 2009: 13] (Н. В. Ковтун, А. А. Файзрахманова);

- антиутопия – это наджанровая категория (Ю. В. Тарасенко).

Некоторые исследователи определяют антиутопию как самостоятельный периферийный жанр с пародийной основой (А. В. Кузнецова, Б. А. Ланин, З. И. Плех, Ю. В. Тарасенко).

В представленной статье за основу взято определение С. Г. Шишкиной, рассматривающей антиутопию как самостоятельный литературный жанр, чертами которого являются отрицание возможности реализации утопических идеалов и выяснение соотношения между человеком, цивилизацией и обществом [Шишкина, 2007: 207].

Жанр антиутопии продуктивно развивается в разных национальных литературах. К новейшим антиутопиям относятся произведения Герберта Франке, немецкого писателя, ученого с докторской степенью по теоретической физике. По словам Л. И. Мурзич, «отличительной особенностью фантастической прозы Г. Франке явилось интеллектуальное начало, которое проявилось не только на содержательном уровне, но и в композиции, сюжете и в языке произведений» [Мурзич, 2010: 384]. Г. Франке в своих антиутопиях опирается на серьезную литературную традицию, обращаясь к теме последствий развития технологий и ограничения гражданской и личной свободы человека.

Главный герой романа «Игрек минус», Бен Эрман, работает расследователем, в его обязанности входит проверка людей и распределение их по категориям. Если параметры личного дела не соответствуют норме, человека переводят в категорию «Y-» и его личность подлежит «стиранию», то есть уничтожению. Завязкой конфликта становится неожиданное задание, выполняя которое Бен должен проверить самого себя.

Общественное устройство в романе Г. Франке, как и в других антиутопиях, основано на принципах «стабильности и одинаковости». Чтобы этого достичь, необходимо иметь соответствующий политический аппарат, спо-

собный поддерживать систему в должном состоянии. Следует отметить, что одинаковость не означает равенство всех людей: в большинстве произведений антиутопического характера сохраняется классовое (кастовое) деление, присутствуют «низы» и «элита».

В Свободном Обществе, описанном в романе «Игрек минус», люди подразделяются на категории, обозначенные буквами латинского алфавита. Они могут переходить из одной категории в другую, но это определяется не личным желанием, а четкими вычислениями машины, определяющей до мелочей все характеристики человека.

Государство жестко регламентирует жизнь членов Свободного Общества. Распорядок дня строго определен: «В шесть утра — подъем. Как всегда, толкотня в умывальной. Очереди за посудой для завтрака, за синтетическим молоком, за хлебом с джемом. Потом физические упражнения, психотренинг, занятия. <...> С двенадцати до четырнадцати часов — очередь за обедом и обед. Бену и на этот раз достался не мягкий кусок, а краюшка хлеба из водорослей, такая жесткая, что он даже не пытался от нее откусить. Вместе с картонными тарелками и пластмассовыми ножом, ложкой и вилкой он бросил ее в мусороглотатель»¹. Любое отклонение от распорядка или господствующей нормы поведения фиксируется в личном деле гражданина и впоследствии определяет его социальный статус, принадлежность к той или иной категории.

Помещения, предназначенные для проживания, похожи на казарму: личных квартир нет, есть только общий спальный зал, где каждому отведено по одной личной ячейке размером в четыре квадратных метра. Как и полагается, ячейки выглядят одинаково, но у гражданина есть возможность привнести изменения: «Два небольших шкафа, радио, транслирующее общую для всех программу, кровать. Благодаря заработанным в прошлом месяце допол-

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по: Франке, Г. Игрек минус: сб. науч.-фантаст. произведений. М.: Мир, 1986. 454 с. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/franke_gerbert/igrek_minus.html#0

нительным пунктам он смог купить пестрое одеяло и наволочку, и его постель приятно выделялась своим видом среди других, *серых и единообразных*» (*курсив наш.* – Е. К.).

Унификация затронула не только образ жизни, но и имена членов Свободного Общества: «Джонатан Уман – 63-10796950-17U, / Барбара Тэман – 11-64911430-12T, / Харди Вэман – 14-5566850-19W». Фамилия главного героя романа – Эрман. Таким образом, фамилии состоят из двух частей: обозначения категории, к которой принадлежит человек, и части «ман».

Важно отметить, что во всех документах, которые приводятся в романе, государство позиционируется как заботливое и ответственное: «Вид трудовой деятельности избирается для человека в соответствии с его биологически обусловленным физическим и психическим складом. <...> По этой причине наше *государство все заботы о гражданах взяло на себя* – условие, абсолютно необходимое для обеспечения их свободы и счастья» (*курсив наш.* – Е. К.). Указывается, что за счастье отвечает правительство: чем совершеннее структура государства, тем счастливее и беззаботнее будет население. Мотивы счастья и свободы многократно встречаются не только в документах. Например, во время обязательного психотренинга на людей воздействуют подобием гипноза: каждый гражданин должен произносить определенные фразы, направленные на самовнушение:

- «— Мы веселые и уверенные.
- Один — за всех, все — за одного.
- У нас нет тайн друг от друга.
- Наши мысли свободны и нам никем не навязаны.
- Нам нечего скрывать друг от друга.
- Мы члены Свободного Общества».

В романе О. Хаксли «О дивный новый мир» для тех же целей используется Песнь единения.

Примечательно содержание песенника, предназначенного для распевания на психотренинге:

«Мы счастливые люди!

Мы довольные граждане!

Мы живем в лучшем из миров!

Мы живем в совершенном государстве!

Наше государство — это мы сами.

Наше государство о нас заботится: защищает нас от болезней избавляет нас от нужды, делает нас счастливыми людьми.

Мы принадлежим друг другу.

Мы принадлежим нашему государству».

Государство под маской заботы о людях на самом деле осуществляет полный контроль всех сфер жизни: *«В зоне, отведенной для человеческого обитания, жизнь граждан Свободного Общества охранялась всеми мыслимыми средствами*, физически — мерами безопасности, морально — правилами и предписаниями. *Забота* о физической безопасности членов Общества заходила так далеко, что даже при большом желании нельзя было нанести никому телесного повреждения; <...> Но, самое главное, никаких врагов не было: малейшее поползновение к агрессивным действиям ликвидировалось в зародыше посредством психотренинга и психиатрических превентивных мер до того, как оно могло реализоваться» (*курсив наш* — Е. К.).

Неудивительно, что, несмотря на звучащие во время психотренингов «аффирмации», общество в романе сложно назвать счастливым и свободным. Полная регламентация жизни не только внешней, но и внутренней («изыма-ние из компетенции индивида» чувств и эмоций, опасных для стабильности системы) исключает право выбора. Счастье в большей степени иллюзорно, так как часть «правильных», «легальных» чувств поддерживается медика-ментозно: «Торопливо проглотив таблетку для поднятия чувства собственно-го достоинства, вышел в коридор». Закономерным образом, в недрах тотали-тарного государства нарастает сопротивление, появляются вольнодумцы, ко-торые оценивают происходящее критически: «Теперь вы понимаете: если мы захотим, рухнет вся система, — продолжал Джонатан. — Нужно только быть

заодно. Убедить как можно больше других программистов в том, что им не следует беспрекословно выполнять приказы. Вопрос стоит об их свободе. Сперва нас заставили разработать системы банков данных, затем речь пошла о выборочном распространении информации, — а что это, если не цензура? И теперь ко всему этому надзор: мы друг за другом должны шпионить! И еще компьютеризация города! Разве это не орудие подавления?».

Люди в романе немецкого писателя не испытывают всепоглощающего страха (как, например, у Дж. Оруэлла в «1984»), но присутствует боязнь сделать что-то не так, что повлияет на личное дело: «Как по-твоему, следует поехать? Или это могут расценить как проявление агрессивности?». Г. Франке, конструируя свой художественный мир, как и О. Хаксли, идет по пути контроля эмоций, а не откровенного физического насилия.

Стремление к совершенству затрагивает не только структуру государства, но и личность человека. Над психикой людей проводятся разнообразные эксперименты. На психотренингах осуществляется работа над психологическими недостатками, прививается любовь к государству и, в особенности, пресекается нонконформизм и критическое мышление. Воздействие на эмоции происходит тремя способами: ассоциативно, медикаментозно и хирургически. Для низшей категории и для тех, кто представляет угрозу стабильности общества проводится мероприятие по стиранию личности. Стремление к «совершенству» касается и истории. Она переписывается, исправляется: «Как показывает статистический анализ, в историческое развитие часто вмешиваются случайные флуктуации, направляющие ход событий на пути, где контролировать его становится невозможным. <...> Осознание ошибок в развитии общества неизбежно влечет за собой также принятие мер к их исправлению, <...> Поэтому в Институте исторического планирования создается отдел *исправления истории*. Его задача — изложить факты истории по-новому, таким образом, чтобы события современной истории могли быть поняты как логически вытекающее из этих фактов следствие. <...> *У совершенного государства история тоже должна быть совершенной*» (курсив

наш. – Е. К.). Таким образом, связь с прошлым, «архаическим», разрывается, как и в романе «1984» Дж. Оруэлла, где история ежедневно переписывается сотрудниками Министерства Правды.

Ключевые моменты, связанные со структурой Свободного общества, озвучивает в конце романа Освальдо: «Люди злоупотребляли свободой, вели нездоровый образ жизни, пренебрегали требованиями медицины и психологии, и отрицательные явления постепенно брали надо всем верх. <...> Строительство Свободного Общества потребовало от нас совершенно новых организационных форм. Недопустимо положение, при котором люди могут без разбора спариваться и неограниченно размножаться. Здоровые и во всех отношениях безупречные гены теперь остались у немногих; их потомство и должно заполнить пустоты, возникающие в связи с ограничением рождаемости. Здесь мы прибегаем к методу клонирования: искусственно индуцируется деление яйцеклетки, в результате чего появляются двадцать четыре потомка. <...> на основании обследований ты тоже признан годным для того, чтобы стать объектом клонирования». Влияние антиутопической традиции прослеживается в моменте с клонированием и исчезновением института семьи: как и у О. Хаксли в романе «О дивный новый мир», в произведении Г. Франке «Игрек минус» государство отвечает за потомство. Члены общества в большинстве своем генетические копии друг друга, что подчеркивает единообразие и одинаковость, необходимые для стабильности выстроенной системы: «Разумеется, предметом нашей особой заботы является подрастающее поколение. <...> Нет, теперь мы окружаем каждого всесторонней заботой, не оставляем без внимания ни одну сторону его жизни до возраста двадцати двух лет включительно. <...> И они, не совершая над собой никакого насилия, *ведут себя так, как этого требует наша система*. Угнетения больше нет – ни физического, ни духовного, ни прямого, ни косвенного» (*курсив наш. – Е. К.*).

Государство стремится подчинить все контролю и порядку, устранить любую возможность энтропии и случайности во всех их проявлениях. Это

влечет за собой полную технократизацию общества, призванную помочь в достижении поставленной цели: «В мире, контролируемом человеком, случайности места нет. Исключить самую возможность ее – наша задача. Наш мир должен целиком контролироваться и всесторонне управляться». Тотальный порядок – конечная цель: «Полная автоматизация будет достигнута, когда компьютер получит в форме программ всеобъемлющие директивы, обеспечивающие переход к государству тотального порядка».

Э. Араб-Оглы отмечает, что «грядущее тоталитарное общество, <...> с полным правом можно охарактеризовать как казарменный государственно-монополистический капитализм, доведенный до своего логического завершения». Действительно, все перечисленные ранее характеристики Свободного Общества и государства в романе соответствуют этому определению. Исследователь называет созданный мир технократическим раем для привилегированных и технократическим адом для остальной части населения [Араб-Оглы, 1986: URL: https://royallib.com/read/franke_gerbert/igrek_minus.html#0].

Справедливо наблюдение Е. Ю. Селивановой о новаторстве конфликта в немецкой антиутопии: «<...> схема конфликта едина для классической и новейшей немецкой антиутопии: противостояние личности и окружающей социальной среды в сочетании с кризисом самоопределения главного героя <...>. Однако немецкая антиутопия привносит новое в процесс зарождения внутреннего конфликта: раньше он возникал исключительно на основании психологических особенностей героя (его сомнения, неуверенности), теперь конфликт нередко оказывается инициированным (или в ведении) представителей власти. Зачастую внутренний конфликт осложняется или заменяется межличностным, также вызванным одним из героев («Игрек Минус» Г. В. Франке, <...>)» [Селиванова, 2015: 53]. Действительно, в антиутопии Франке внутренний конфликт выражен не так ярко, как, например, романе Дж. Оруэлла «1984».

Главный герой романа «Игрек минус» – бунтарь, как и полагается согласно антиутопической традиции, но формы выражения «бунтарства» ме-

няются с течением времени. На это влияют сновидения, вызванные таблетками для активации памяти. По ходу повествования очевидна эволюция характера главного героя. Как уже было обозначено, в антиутопии схема конфликта едина – противостояние личности и государства: Уинстон Смит, Дикарь Джон, Гай Монтэг и, наконец, Бенедикт Эрман выступают против государственного режима. Однако развязка конфликта в некоторой степени прорывает с традицией, что во многом детерминировано характером персонажа: его способностью переносить испытания, пытливостью ума и пр. В сравнении с тремя героями англоязычных антиутопий, Бен гораздо умнее и сообразительнее: он с легкостью обходит всевозможные ограничения, находит «лазейки» в системе: «Не все получалось сразу: за прошедшие годы система была явно усовершенствована. *Но ему, как правило, оказывалось не очень трудно применить к новой ситуации.* И если какие-либо коды или символы не срабатывали, он все равно знал, что именно заняло их место: *основные принципы* рекомендуемых записями методов по-прежнему *оставались в силе*» (*курсив наш.* – Е. К.). Способность к аналитическому размышлению, тщательному обдумыванию всех рисков, решимость, настойчивость и уверенность помогли герою обыграть Освальдо и достигнуть поставленной цели. На пути к ней он не раз превышает свои полномочия, лжет, и пользуется положением расследователя и гражданина категории R: «Очень кстати: *теперь он сможет отвечать на вопросы, не обнаруживая своих уязвимых мест. Он уже все хорошо обдумал*» (*курсив наш* – Е. К.).

Способность сохранять хладнокровие позволила Бену довести дело до конца: «Имя: его собственное. <...> Крестик, итоговый результат расположенных в столбик статистических данных. И затем, в более широкой строке, подчеркнутое красной линией обозначение категории: Y- . *Хотя то, что это может случиться, Бену в голову приходило, на мгновение он оцепенел от страха. У него перехватило дыхание. Но он тут же взял себя в руки.* <...> Рано или поздно это должно было произойти. Все к этому шло. Если он и не признавался себе прямо, все равно в глубине души предчувствовал. <...>

Система функционирует, у него есть доступ к решающему блоку, к центру управления, к запоминающим устройствам... <...> Бен был выжат, пусть» (курсив наш. – Е. К.).

Герою не чужда эмпатия, даже несмотря на привитое с детства чувство отвращения к более низким категориям: *«К тому же Бену вообще не нравилось, как поступают со случаями категории «изрек минус». Да, конечно, это выродки, скрытые отщепенцы, и их действительно следует устранить из общества. И однако: можно ли здесь говорить об умысле или вине?»* Не судьба ли это скорее, которая — неважно почему — может постигнуть любого, слишком трагичная для того, чтобы последнего приговора ждать, как ждут решения спортивного судьи, и этому решению радоваться?» (курсив наш. – Е. К.). С течением времени меняется и отношение героя к представительницам противоположного пола. Отвращение сменяется вожделением: «Чувство омерзения, отвращения, которое всегда вызывали у него, возникая в его воображении, такого рода картины, сейчас, к его изумлению, не появилось. Зато появилось и охватило его прямо-таки экстатическое возбуждение, головокружительное раскачивание между ликующей радостью и убийственным смущением, между желанием и страхом». Любовь в романе занимает второстепенное место, в отличие от антиутопий «1984» и «О дивный новый мир». Сюжетная линия с Барбарой лишь дополняет повествование, раскрывая особенности взаимоотношений между представителями разных полов.

Эмоции, которые брало под контроль государство, отношения, которые нарочно очернялись, критическое мышление, выходящее за рамки положенного и очерченного круга понятий, — все это появляется у Бена, как только находится возможность для их возникновения, после послужившего катализатором задания проверить самого себя. Показательна активность и непокорность героя: *«Большинство было обреченными на бездеятельность зрителями. Для Бена именно это было невыносимо — что невозможно дать отпор»* (курсив наш. – Е. К.).

Противопоставляя себя обществу, Эрман тем не менее чувствует единение с ним: «В остальном, когда Бен, задерживая занавески, отгораживал себя от внешнего мира, он испытывал чувство удовлетворенности — своего рода гармонию между собой и обществом, которые диалектически противостоят друг другу, однако на более высоком уровне суть одно целое. <...> В конце концов тревожные мысли стали отступать, и он подумал, что в жизни все-таки есть моменты — вознаграждение за добросовестный труд на благо обществу, — которых у него никто не может отнять». Осознавая свою принадлежность к социуму, герой понимает, что должен попытаться изменить существующий строй, чтобы помочь и себе, и другим людям: «Уже сегодня свобода существует только на бумаге. На самом же деле у нас система, которая нас беззастенчиво угнетает, — хорошо живется только самой верхушке. Если мы надеемся на что-то в будущем, мы не вправе сидеть сложа руки. *Мы должны отодвинуть наши личные интересы на второй план и посвящать себя обществу. Ведь это нужно всем, а, значит, нам тоже*» (курсив наш. — Е. К.). Даже после «психоблока» Бен подсознательно осознает свою исключительность: «В итоге получилось что-то среднее, ничем не примечательное. *Это его несколько огорчило, ибо втайне он, как и многие другие, считал себя все-таки чем-то особенным, а не типичным средним индивидуумом стандартизованного общества. С другой стороны, однако, такой результат успокаивал*» (курсив наш. — Е. К.).

Благодаря аналитическому мышлению герой быстро приходит к выводу, что борьба устаревшими методами не имеет смысла. Она повлечет за собой огромное количество смертей и не принесет плодов: все снова повторится. В этот раз он решает сначала просто обезопасить себя: «Без системы этой, <...>, было абсолютно невозможно обеспечить порядок, снабжение, работу средств информации, связи, транспорта и многого другого, и авария, если бы ее не удалось *ликвидировать сразу, поставила бы под угрозу миллионы человеческих жизней.* <...> *Он не собирался вступать в единоборство с государством, однако в будущем эти записи могли помочь ему разре-*

шить его собственные проблемы и надежнее защитить самого себя» (курсив наш – Е. К.). Пересмотр известных методов борьбы приводит его к следующему выводу: «Теперь он знал: оружие, попавшее ему в руки, он пустит в ход. <...> информация, если ты хочешь изменить мир, — средство куда более эффективное, чем оружие или орудия труда...».

Г. Франке, как и Р. Брэдбери в романе «451 градус по Фаренгейту», оставляет открытый финал с намеком на благоприятный исход. Бен Эрман достиг цели: он сделал первый и самый значительный шаг на пути к уничтожению тоталитарной системы. Остальное зависит уже не от него. Очевидно, что среди прочитавших полученную от героя информацию найдется не один человек, готовый продолжить дело, которое начал Бенедикт: «Я распространил содержимое бумаг через открытую сеть связи и дополнил его некоторыми разъяснениями. <...> В эту минуту существуют уже миллионы копий. <...> И каждого, кто их прочтет, призывают выучить их наизусть и передавать эти знания другим. *Я не рассчитываю на взрослых: их вы превратили в безвольные марионетки. Я рассчитываю на молодых, которым вы оставили свободу учиться, думать и к чему-то стремиться. Не знаю, что будет дальше, но твердо верю: таким, каким был до сих пор, город не останется — люди станут другими. Это все»* (курсив наш. – Е. К.).

Таким образом, Герберт Франке в антиутопии «Игрек минус» во многом следует сложившейся литературной традиции. Анализ общественно-политической структуры государства и образа главного героя показал, что в романе сохраняется определенный набор устойчивых признаков, характерных для жанра антиутопии, но вместе с тем отчетливо проявляются новые элементы, свидетельствующие о развитии жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Араб-Оглы Э. Над чем задумываешься, читая Герберта Франке: (Вместо предисл.) // Франке Г. Игрек минус: сб. науч.-фантаст. произведений. М.: Мир, 1986. С. 5–19.
2. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX - начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 49 с.
3. Кузнецова А.В. Генезис жанров утопии и антиутопии в английской литературе XX века. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. С. 248-264.
4. Ланин Б.А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154–163.
5. Морсон, Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы; сост. В. Чаликова; пер. с англ. В. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 233–251.
6. Мурзич Л.И. Мотивы предостережения в творчестве Герберта Франке // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні: зб. навук. Артыкулаў. Гродна: ГрДУ. [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://www.elib.grsu.by/katalog/151466-309712.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).
7. Плех З.И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века: на материале произведений Е. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2008. 22 с.
8. Селиванова Е.Ю. Антиутопический роман в немецкоязычной литературе конца XX – начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 206 с.
9. Селиванова Е.Ю. Особенности современной немецкой антиутопии // Грани науки: студ. науч. журн. 2015. Т. 3, № 3. С. 52–55.

10. Селиванова Е.Ю. Поэтика сновидений в антиутопическом романе Г. Франке «Игрек минус» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, № 2. С. 216–222.
11. Тарасенко Ю.В. Драма-антиутопия в русской литературе начала XX в. // Вестник Томского государственного университета: Научный журнал. Томск: Изд-во ТГУ, 2008 № 3 С. 26-29.
12. Файзрахманова А.А. Типология жанра литературной утопии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. 2010. № 13 (194). Вып. 43. С. 136–146.
13. Франке, Г. Игрек минус: сб. науч.-фантаст. Произведений. М.: Мир, 1986. 454 с. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/franke_gerbert/igrek_minus.html#0
14. Черепанова Р.С. Утопия и антиутопия: типология и взаимоотношения // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 1: История. 1999. № 1. С. 96–108.
15. Шишкина С. Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник ИГХТУ. 2007. Вып. 5. С. 199–208.

ФОРМУЛЬНЫЙ СЮЖЕТ МОЛОДЕЖНОЙ АНТИУТОПИИ КАК МЕТАФОРА ПРОЦЕССА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПОДРОСТКА

Аннотация: в статье рассматривается поэтика романа-антиутопии для подростков как жанр массовой литературы. Как показано в исследовании, в основе сюжетообразующей формулы жанра лежат психологические модели поведения подростков.

Ключевые слова: подростковая литература, массовая литература, антиутопия, формульность, жанр.

Abstract: The article considers the poetics of the dystopian novel for adolescents as a genre of mass literature. As shown in the study, the genre's plot-forming formula is based on psychological models of teenager's behavior.

Keywords: literature for the youth, popular literature, dystopia, formulaic plot, genre.

Изучение массовой культуры началось еще на рубеже XIX–XX вв. Одними из первых к данному вопросу обратились Г. Тард, который рассматривал изобретение и подражание как основной общественный процесс [Тард, 1995: 158], и З. Фрейд, писавший о том, что «„масса“ <...> приобретает способность оказывать <...> сильное влияние на душевную жизнь человека» и обязывает индивида к душевным изменениям [Фрейд, 2017: 8]. В 30-е гг. XX в. изучением массового сознания занимался испанский философ Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 2016].

Как к самому феномену массовой литературы, так и к его изучению среди ученых до сих пор относятся неоднозначно. Однако исследовать «низовую» литературу начали с её появлением. Например, В.Г. Белинский впервые ввел понятие «беллетристика» в 1840 г., понимая её как «искусство толпы» [Генезис зарубежной массовой литературы и её судьба в России, 2015: 15–21]. К. Чуковский критиковал массовую литературу, но при этом воспринимал её как существующий феномен, который имеет своих почитателей.

* Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Е.Е. Анисимова.

Вопросов массовой литературы касались А.Н. Веселовский, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум. Ю.М. Лотман вводит понятие «массовая литература» в широкий научный оборот [Литовская, 2009]. Среди современных работ, в которых освещены проблемы массовой литературы, нужно выделить исследования И.Л. Савкиной, М.А. Литовской, Б.В. Дубина и Л.Д. Гудкова [Гудков, 1997; Дубин, 2010; Литовская, Савкина, 2017]. Изучением массовой литературы для подростков занимается Е. Лекаревич [Лекаревич, 2016].

Цель настоящей статьи – выявить структурные и семантические особенности подростковой антиутопии. Ключевой тезис работы заключается в том, что для молодёжного романа-антиутопии, как и для других жанров массовой литературы, характерна формульность, а в основе сюжетообразующей модели данного жанра лежит процесс самоидентификации подростка. В настоящей работе данный тезис обосновывается на примере трёх наиболее репрезентативных текстов жанра «романа-антиутопии для подростков»: «Голодные игры» С. Коллинз, «Дивергент» В. Рот и «Бегущий в Лабиринте» Дж. Дэшнера.

Переходный возраст – не самый простой период в жизни человека. Известный психолог, автор книги «Психология искусства», Л.С. Выготский писал о нём так: «Сам по себе это возраст мощного подъема, но вместе с тем возраст нарушенного и неустойчивого равновесия, возраст развития» [Выготский, 2008: 214]. Его ученица, Л.И. Божович, называла кризис подросткового возраста «самым острым и самым длительным по сравнению со всеми возрастными кризисами, знаменующими собой переломные этапы в онтогенетическом формировании личности ребенка» [Божович, 2008: 214]. Это период перехода от детства ко взрослой жизни, во время которого происходит процесс самоидентификации человека, связанный с определением своего места в мире взрослых и сверстников. В связи с этим в подростковых антиутопиях становится чрезвычайно актуальной тема самоидентификации и социа-

лизации подростка, которая проявляется прямо или метафорически во всех рассмотренных текстах.

В подростковом возрасте происходит психическое, физическое и социальное взросление, что не может не сказываться на человеке. В пубертатный период он оказывается в некоем пограничном состоянии между миром детей и миром взрослых: фактически индивид всё ещё является ребёнком, ходит в школу, подчиняется родителям; но в его сознании уже происходят изменения, появляется чувство «взрослости» [Мухина, 2006: 413]. Интересно, что изучаемая категория литературы так и называется – “Young Adult”, т.е. дословно – «молодые взрослые». Д.Б. Эльконин писал об этом следующее: «Социально-моральная взрослость в отношениях со взрослыми и товарищами выражается в наличии у подростка собственных взглядов, оценок, в их защите и отстаивании, в определенности морально-этических представлений, суждений и соответствии им поступков» [Эльконин, 2008: 219].

Подросток начинает стремиться обрести себя как личность и, соответственно, отмежеваться от людей, которые могут оказывать на него влияние. Поэтому естественной представляется смена приоритетов: семейное «Мы» отходит на второй план, но, поскольку ребёнок ещё не готов справляться со своим «Я» самостоятельно, появляется «Мы» сверстников и друзей [Мухина, 2008: 411]. Поэтому в антиутопиях для подростков всегда реализуются функции героев-соратников, которые вместе с протагонистом выступают в качестве движущей силы сюжета. Родители же оказываются не способны решить возникающие перед подростком проблемы и теряют значимость и авторитет. Например, чувство «взрослости» героини «Голодных игр» Китнисс возникает из-за ранней смерти её отца, когда девушке приходится занять его место главы семьи и добытчика. Показательно, что ее мать оказывается на это не способна и просто замыкается в себе. Родители героя «Бегущего в лабиринте» Томаса появляются только в его обрывочных воспоминаниях, из которых ясно, что они безвольно отдали ребёнка представителям «Порока», не пытаясь его защитить и теша себя надеждой, что мальчик спасёт мир. Ро-

дители Трис из «Дивергента» оказываются самыми деятельностными, они участвуют в перестрелках и оба жертвуют жизнью ради спасения дочери, однако тем самым всё-таки лишают её родительской поддержки в будущем и заставляют рассчитывать только на себя.

«Взрослость», которую начинают чувствовать герои, и бездеятельность родителей, подкрепляющая это чувство, порождают ощущение морального превосходства подростков над взрослыми. Изначально первые не могут одержать верх над вторыми (как и подростки в реальном мире некоторое время ещё сохраняют социальное положение детей, прежде чем выйти в реальный мир взрослых). Но в подростковых антиутопиях это зависимое положение подростков меняется по ходу развития сюжета: ребёнок проходит «обряд инициации», меняет свою социальную роль, а в финале одерживает победу над «неправильными» взрослыми. Примечательно, что в этих конфронтационных отношениях родителей и детей, представленных в трилогиях, родители героев не участвуют, они только показывают, что не могут больше решать проблемы детей. Настоящими же антагонистами оказываются представители власти, а отношения «родители–дети» переходят в плоскость «государство–народ».

Д.Б. Эльконин писал о том, что «предоставление ребенку самостоятельности выражает признание его большей взрослости, чем в случаях ограничения его самостоятельности» [Эльконин, 2008: 224]. Анализ этого утверждения лишний раз подтверждает тот факт, что функцию ограничивающих самостоятельность подростка родителей в антиутопиях выполняет государство. С одной стороны, родители героев никак не мешают их самостоятельности, а наоборот, предоставляют подросткам полную свободу своей бездеятельностью. С другой стороны, государство ограничивает свободу граждан, контролируя все сферы их жизни, вводя комендантские часы, отслеживая передвижения людей и запрещая покидать ограниченную территорию государства (или проекта) и выходить во внешний, «реальный», мир. То есть в пространстве отношений «родители–дети» показывается только малая часть от-

ношений подростков с родителями: приобретение чувства «взрослости» и сопутствующее ему осознание мнимости всемогущества родителей, которое в детстве воспринимается как аксиома. В полной же мере конфликт подростков и взрослых реализуется в антиутопиях на уровне отношений народа и государства.

Процесс приобретения чувства «взрослости» во время социализации подростка сопровождается сопоставлением себя не только со взрослыми, но и со сверстниками [Эльконин, 2008: 227]. Отсюда возникает мотив соревновательности в подростковых романах-антиутопиях. Если не создаются рейтинги среди подростков или им не выставляются баллы, то происходит выявление среди них лидеров, преуспевающих в определённом виде деятельности, а следовательно, являющихся более взрослыми в глазах их сверстников. Главные герои всегда обладают лидерскими качествами, они часто оказываются подростками с гипертимными или истероидными психотипическими чертами, иногда это параноические подростки. В процессе «инициации» они доказывают сверстникам свою «взрослость» и способность возглавить повстанцев в борьбе с властью, олицетворяющей опеку родителей, порой деспотическую. Укреплению этой позиции «взрослости» способствует наличие младшего друга или соратника, который зачастую погибает, поскольку ещё не достиг необходимой «взрослости» и оказался не способен вступить в конфронтацию со взрослыми.

Кроме того, в процессе социализации подросток часто выбирает себе «эталон взрослости». Это может быть и его сверстник, но чаще всего, таким эталоном оказывается более взрослый человек [Эльконин, 2008: 227]. Поэтому в подростковых антиутопиях появляется герой-наставник. Взрослые для подростка утрачивают свой авторитет, сверстники же выступают в качестве соперников и не всегда могут являться примером. Идеальным же эталоном становится человек, который не намного старше героя, но при этом более опытен.

Возраст от 15 до 25 лет В.С. Мухина относит к периоду юности и говорит: «Юность – период, когда молодой человек продолжает рефлексировать на свои отношения с семьей в поисках своего места среди близких по крови. Он проходит через обособление и даже отчуждение от всех тех, кого любил, кто был ответствен за него в детстве и отрочестве. Это уже не подростковый негативизм, а часто лояльное, но твердое отстранение родных, стремящихся сохранить прежние непосредственные отношения с вырастающими сыном или дочерью. Хорошо для всех, если в конце своего борения юноша или девушка возвратятся обновленными духовно с любовью и доверием к своим близким» [Мухина, 2008: 235]. Действительно, после прохождения того сложного пути взросления, которое в романах аллегорически преподносится как выживание в суровых условиях, герои приходят к прощению родителей и пониманию их поведения, тем самым подтверждая завершение процесса своего перехода из детства во взрослую жизнь.

Китнисс в конце романа сама меняется с матерью местами: «*У меня работы нет*, и поэтому горе накрывает меня с головой. <...> *Мама почти не появляется – она ест и спит на работе*» (курсив наш. – М.П.) [Коллинз, 2014: 862]. Семью Китнисс здесь тоже можно воспринимать аллегорически. Есть мать, которая сама является взрослой и толкает Китнисс на путь этой «взрослости» своим бездействием. Но есть и Прим, сестра, которая связывает Китнисс счастливыми воспоминаниями с детством. Примечательно, что эта смена ролей с матерью в конце романа происходит после того, когда Прим погибает вместе со множеством других детей в Капитолии. Та нить, которая связывала Китнисс с детством, обрывается, тем самым завершая процесс её взросления. Усиливается эффект тем, что происходит смерть не одного ребёнка, а множества детей, то есть на глазах у главной героини происходит своего рода смерть детства. Китнисс же, пережив это, сама принимает позицию взрослого, а мать теперь не воспринимается ею как бездеятельностная и реабилитируется в глазах героини. На уровне же «государство–народ» тоже происходит некое примирение со «взрослыми». Президент Сноу, конечно, не

обеляется в глазах читателей и главной героини, однако после разговора с Китнисс в оранжевое он начинает вызывать чувство жалости, которое усиливается в момент его казни. Сосредоточением фактов, вызывающих сочувствие к президенту, стал вышедший в мае 2020 года приквел к роману «Баллада о певчих птицах и змеях», где Кориолан Сноу сам показан подростком, а его поступки хоть и не оправдываются, но всё-таки получают логичное объяснение.

В других романах герои тоже проходят путь взросления, завершающийся пониманием позиции родителей или взрослых, которые перестают восприниматься как враги. В «Бегущем в лабиринте» Томас слабо помнит своих родителей, но их функцию выполняет советник Ава Пейдж, которая служит «Пороку». В результате она оказывается спасителем Томаса и в своём окончательном меморандуме оправдывает взрослых и их первоначальные намерения.

В «Дивергенте» конфликт между взрослыми и подростками разрешается на примере Тобиаса, который изначально находится в позиции жёсткой конфронтации с матерью и отцом. Мать бросила его в детстве и оставила с деспотичным отцом, который стал самым большим, «четвёртым», страхом юноши. Здесь два родителя, вступающих также и в противоборство друг с другом, являются двумя сторонами одной медали – родительства. С одной из них, менее жестокой, у Тобиаса происходит примирение: он убеждает мать оставить власть ради сына, и их отношения налаживаются. Другая становится антипримером. Так, Тобиас всё время пытается победить свой страх перед отцом, но в результате он не исчезает, а превращается в страх стать таким же, как отец.

Сюжетообразующая формула романа-антиутопии для подростков – это метафорическое переложение событий, которые переживает среднестатистический подросток, проходя путь взросления, в плоскость антиутопического государства, где власть – это мир взрослых, строгих, всё контролирующих родителей, народ – дети, которые полностью зависят от взрослых, но посте-

ленно начинают пытаться высвободиться из-под их опеки. Ограниченное и полностью контролируемое пространство антиутопического государства, города или лабиринта соотносится с домом подростка, выход из которого строго регламентируется родителями.

Для жанра романа-антиутопии вообще характерны замкнутость географического пространства и внеисторичность времени, которая зачастую реализуется переносом действия в будущее. В романах-антиутопиях для подростков эти характеристики приобретают особую значимость.

Пространство

Пространство в подростковых антиутопиях, как уже отмечалось выше, представляется метафорой дома, из которого подросток всё время стремится вырваться, так как только тогда процесс его взросления может завершиться. Реализация данного сюжета составляет «скелет» подростковой антиутопии и может происходить как метафорически, так и буквально.

Герои всегда оказываются в замкнутом ограниченном пространстве. Причём часто это даже пространство внутри пространства. Например, Китнисс находится в Дистрикте-12, покидать который строго запрещено, любой въезд и выезд регламентируется властью. Однако и за пределами этого Дистрикта героиня оказывается под абсолютным контролем государства, так же замкнутого территориально. Дистрикт Китнисс покидает не по своей воле, чтобы снова оказаться в замкнутом, оснащённом множеством камер пространстве арены. Но на этот раз такое место является ещё и опасным. Примечательно, что на арену Голодных игр подростков отправляют с целью предупреждения возможных восстаний, это показатель того, что будет по всей стране, если кто-то решит свергнуть власть. То есть арена – некий симулятор реальной, «взрослой» жизни, в которой всё не так радужно, как в замкнутом безопасном пространстве дома (который в тексте может изображаться в виде государства) или детской комнаты (В «Голодных играх» она изображена в виде Дистрикта-12 – самого безопасного для героини места).

Пространство «глэйда», в котором оказывается Томас окружено Лабиринтом. Ворота, ведущие в этот Лабиринт, открываются утром и закрываются вечером. Днём «глэйдеры» могут беспрепятственно покидать своё пространство и изучать, что происходит за воротами, но им необходимо вовремя вернуться обратно, так как все опасности, угрожающие подросткам, появляются именно ночью. Здесь, как и в «Голодных играх», ограниченное пространство, в которое помещены подростки, является неким симулятором реальной жизни постольку, поскольку и «глэйд», и Лабиринт полностью контролируются взрослыми и находятся внутри «Порока». Поэтому «глэйд» тоже может быть рассмотрен как детская комната, в которой парням было безопаснее всего, а здание «Порока» — это дом, в котором уже начинаются встречи с «родителями» — работниками лаборатории. А вот выход за пределы этого здания уже представляет собой реальную опасность — встречу с заражёнными «вспышкой» людьми.

В «Дивергенте» на уровне метафоры так же есть три возможных для существования подростка пространства: пространство фракции (сравнимое с комнатой подростка), пространство города (дом) и пространство внешнего мира. Причём первое и второе пространства так же контролируются «взрослыми» во главе с Дэвидом, а протагонисты и опасности, с которыми сталкиваются подростки внутри города, оказываются не такими уж значительными, когда становится известно, что всё это лишь экспериментальный проект внутри большого государства.

А.Е. Личко говорит о наличии у подростков реакции эмансипации, желания освободиться от опеки родителей и отмечает: «Одной из крайних форм проявления реакции эмансипации являются побег из дому и бродяжничество, когда они обусловлены желанием “пожить свободной жизнью”» [Личко, 2008: 258]. Именно такой «побег» является основой формульного сюжета романа-антиутопии для подростков. Герои стремятся покинуть границы подчинённого «взрослым» государства, в котором камеры или «жуки-стукачи», а также стражи порядка или работники лаборатории выступают в

качестве силы, олицетворяющей контроль родителей над детьми. Вне пределов Панема в «Голодных играх» оказывается Дистрикт-13, в «Бегущем в Лабиринте» это всё пространство за пределами «Порока» (значительна фраза, отпечатавшаяся в сознании Терезы: «Порок – это хорошо» – хорошо, так как безопасно, но с позиции подростка это место становится враждебным), в «Дивергенте» – это реальный мир за пределами Чикаго, который оказывается чем-то вроде реалити-шоу. В финале романов подросткам удаётся либо окончательно покинуть это пространство, как это происходит в «Бегущем в Лабиринте», либо изменить существующий в государстве строй так, чтобы занять в нём «позицию взрослого», то есть строго не подчинённого власти человека.

М.В. Осорина пишет: «Дом как символ человеческой личности присутствует как в общекультурной традиции, так и в символике психической жизни отдельного человека. Если кому-то снится, что он бродит по странным помещениям знакомо-незнакомого дома, то при анализе сновидения часто обнаруживается, что это было путешествие по разным внутренним пространствам и закоулкам собственного “Я”» [Осорина, 2008: 33–34]. Так же в романах подростки сначала путешествуют внутри «дома», пытаются обрести себя, завершить процесс самоидентификации, и только после этого они выходят во внешний мир, где уже выступают наравне со «взрослыми». Вообще нахождение героев в Панеме, в «глэйде», в штабе фракции и т.д. – это ещё период их детства, когда большую часть времени они находятся дома, учатся, тренируются и готовятся ко взрослой жизни, иногда совершая вылазки в «страшные места» (Лабиринт, арену «Голодных игр» или город). Это всего лишь тренировка, в которой «страшное место» имитирует полный опасностей реальный мир взрослых [Там же: 87].

Если для ребёнка важно наличие собственного места в доме – своей кровати, своего стула, своей комнаты и т.д., то для подростка уже важно наличие своего места в мире, поэтому герои начинают выходить за пределы «дома» и «страшных мест» [Там же: 35]. Однако в связи с наличием периода

«детства» героев во всех антиутопиях для подростков, стоит подробнее рассмотреть именно пространство детства. Наиболее точно и подробно оно описывается Дж. Дэшнером в «Бегущем в Лабиринте». Это место, в котором находятся только подростки, то есть это их собственный мир, отделённый от мира взрослых, однако функционирующий за счёт взрослых, которые обеспечивают детей едой, одеждой и всеми необходимыми предметами. Пространство «глэйда» напоминает пространство детского штаба. М.В. Осорина отмечает, что дети предподросткового возраста, которые как раз и строят штабы, характеризуются пристрастием к разного рода знакам, шифрам, сигналам и языкам, понятным только членам некоего «тайного общества» детей [Там же: 152]. То есть штаб – это место, которое объединяет детей и при этом отделяет их от взрослых, а тайный язык и шифры – это средство, обеспечивающее этот сепаратизм. Очень ярко это стремление к отделению от взрослых на уровне языка воплощено в сленге «глэйдеров».

Томас, впервые попадая в это пространство, не понимает, что происходит. Большинство слов ему кажется незнакомыми, и он списывает это на потерю части словарного запаса вместе с памятью. Однако дело не в этом, а в том, что он оказывается вне круга «тайного общества» детей, вхождение в который обычно сопровождается неким обрядом посвящения. Хотя «глэйдеры» и посвящают Томаса в тайну своего языка почти сразу, всё-таки полноценной частью их общества он становится после ночи в Лабиринте.

Время

И.С. Кон писал, что «с возрастом заметно ускоряется субъективная скорость течения времени» [Кон, 2008: 334]. Озабоченность будущего своего «Я» усиливается у подростков в связи с их потребностью самоопределения, решения профорientационных вопросов и установлением жизненной цели. В этот период человеческого развития, с одной стороны, время особенно остро ощущается как необратимое, а с другой стороны, появляется нежелание замечать течение времени и ощущение, будто время и вовсе остановилось. В

связи с этим, «страстная жажда нового опыта может перемежаться со страхом перед жизнью» [Там же: 336].

Поэтому очень значимо, что действие в романах-антиутопиях для подростков явно перенесено в будущее, о чём свидетельствует, в основном, уровень научно-технического прогресса и периодически появляющиеся в текстах отсылки к нашему времени. Примечательно и то, что далёкое, пугающее подростка будущее представляется не в самых ярких красках. Это приложимо к ситуации, в которой находится современный подросток. Ещё не определившийся в жизни, он должен делать ряд важных выборов, от которых полностью зависит его дальнейшая судьба, в связи с чем довольно естественно возникновение страха будущего и возможного неверного выбора, последствия которого будет тяжело исправить.

Помимо отношения подростков к будущему, важным является и восприятие ими сумерек и ночи. В.С. Мухина говорит о том, что «сумерки и наступающая ночь не только рождают эмоциональные чувства, но и подтверждают взрослость подростка, который оторвался от детства и теперь уже может себе позволить не идти спать, а быть с друзьями» [Мухина, 2006: 420]. Поэтому важные для героев события, которые шаг за шагом приближают их к взрослению, происходят именно ночью. Например, ночью Томас выживает в Лабиринте и проходит «обряд инициации», самые страшные опасности на арене подстерегают Китнисс ночью, ночью же Трис оказывается среди загипнотизированных солдат-лихачей, и тогда же начинаются военные действия. Хронотоп в романах-антиутопиях для подростков является метафорическим выражением процесса социализации и обретения подростком себя в мире взрослых. Посредством метафоризации пространства и времени и реализуется основной сюжетный каркас всех антиутопий для подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божович Л.И. Подростковый возраст // Дубровина И.В., Прихожан А.М. Возрастная и педагогическая психология: хрестоматия для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2008. С. 214–219.
2. Выготский Л.С. О подростковом кризисе // Дубровина И.В., Прихожан А.М. Возрастная и педагогическая психология: хрестоматия для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2008. С. 210–214.
3. Генезис зарубежной массовой литературы и её судьба в России: сборник научных трудов / М.Р. Ненарокова [и др.]; отв. ред. М.Р. Ненарокова, К.А. Чекалов. М.: ИМЛИ, 2015. 320 с.
4. Гудков Л.Д. Массовая литература как проблема: для кого? // Новое литературное обозрение [Электронный ресурс]. 1997. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1997/3/massovaya-literatura-kak-problema-dlya-kogo.html> (дата обращения: 15.03.2020).
5. Дубин Б.В. Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛО, 2010. 344 с.
6. Коллинз С. Голодные игры. И вспыхнет пламя. Сойка-пересмешница. М.: АСТ, 2014. 894 с.
7. Кон И.С. Психическое развитие и формирование личности // Дубровина И.В., Прихожан А.М. Возрастная и педагогическая психология: хрестоматия для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2008. С. 329–343.
8. Лекаревич Е. Маскульт для подростков: жанр антиутопии // Детские чтения. 2016. Т. 9. № 1. С. 135–151.
9. Литовская М. Массовая литература как часть культуры // Массовая литература сегодня. М.: Флинта: Наука, 2009. С 8–21.

10. Литовская М., Савкина И. Читать нельзя изучать: Книга о массовой литературе для учителей и учеников. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 150 с.
11. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 608 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с франц. А. Гелескул. М.: АСТ, 2016. 200 с.
13. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб: Питер, 2008. 304 с.
14. Тард Г. Законы подражания: фрагменты // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Серия 11. 1995. С. 158–185.
15. Фрейд. З. Психология масс и анализ человеческого Я / пер. с нем. Я. Коган. М.: Издательство «Э», 2017. 96 с.
16. Эльконин Д.Б. Взрослость, её содержание и формы проявления у подростков-пятиклассников // Дубровина И.В., Прихожан А.М. Возрастная и педагогическая психология: хрестоматия для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2008. С. 219–229.

III. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ А.В. ФЕДЧЕНКО

В первом выпуске «S_L» за 2021 год вниманию читателей предлагаются фрагменты интервью, записанные сотрудниками Института филологии и языковой коммуникации в 2020–2021 гг.: профессором О.В. Фельде и доцентом кафедры литературоведения и журналистики В.К. Васильевым от Александра Васильевича Федченко – солиста фольклорного ансамбля «Живая старина». Ансамбль был создан в Красноярске И.Н. Горевым в 1998 году с целью активного изучения и популяризации региональной русской старожильческой ангарской традиции пения и локальной ангарской народной культуры.

В настоящий выпуск вошли тексты-рассуждения А.В. Федченко об особенностях народной песенной традиции; о влиянии традиционной культуры на русского человека. Информант эмоционально рассказывает о значимости сохранения ангарской песни, а также о том, как старожильческая культура повлияла на его мировосприятие.

Публикуемые устные тексты имеют большую значимость для исследования традиционной лингвокультуры Енисейской Сибири и Северного Приангарья, а также для изучения ментальности сибиряков. Они могут служить эмпирическим материалом для проведения лингвокультурологических, психолингвокультурологических, лингвоперсонологических и других исследований.

Устный сибирский текст является одним из главных трансляторов различных культурных кодов, а также ценностных доминант коренных жителей Сибири. Проведение исследований на основе данных текстов имеет не только научную значимость, но и важное социокультурное значение.

Е.С. Смирнов

О песне в жизни русского человека

– Александр Васильевич, как давно вы занимаетесь народным творчеством? [– Собр.]

– Песни передаются из уст в уста, от старшего поколения – младшему. Так оно, наверное, и должно быть, так всегда было. Я бы сказал, это не народное творчество, оно больше подразумевает самодеятельность. А это больше, гораздо шире, гораздо глубже, это корневая традиционная культура. Да, традиция на месте не стояла, песни новые появлялись, но, вообще, если смотреть нашу традиционную культуру, песенную традицию, она с чем была связана, была связана с образом жизни. То есть как чувства, переживания, то есть были песни исторические, военные, походные песни, знаменующие какие-то события, происходящие в стране. Романс, который я сейчас спел это бытовая тематика. То есть как бы любовь, переживания. Я хочу сказать, что песня традиционная, она всегда, еще раз повторяю, связана с каким-то событием, самое главное она что, она – песня подчеркивает строительство и созидание. Вот как люди, как предки наши, благочестивые, не побоюсь этого слова, вот как они жили, то есть, вот как какова жизнь, такова и песня. Песня – это душа народа! Это жизнь народа, это жизнь, перепетая, пересказанная в песне. Вот.

– Современная молодёжь редко поет такие песни. С чем это связано? [– Собр.]

– А с чем это связано... Просто потеряна преемственность, как это не странно. Как это ни странно, первые шаги, скажем так, конкретные, по выжиганию, по вытравливанию из людей традиций, они были ещё предприняты, как мы ещё знаем, ещё в годы советской власти. Кто бы что ни говорил, кто бы какие факты не приводил, но истину её все равно не убьёшь. Всё началось оттуда. Сохранялось всё ещё более-менее, скажем так, до второй мировой войны и ещё маленько. Чуть-чуть былая частичка после второй мировой войны, а потом, понимаете, как попёрла вот эта массовая культура,

понимаете в чём дело? И когда нам ценности, наши традиционные, подменили на что, как ещё сказать. Так как сказать, её ещё можно назвать, на марсианскую культуру. Вот тогда всё это дело уже и пошло. Люди с деревень стали в города переезжать и так далее, но вот тогда это всё пошло. Надо ещё признать тот факт, что почему-то мы все собрали уже всё это дело по крупинкам, это можно сказать не то, что осколки, это призраки осколков. Это ещё с учётом, сколько мы ещё потеряли в те времена, в лихую, сколько мы всего ещё всего потеряли. Вот это всё благодаря людям-энтузиастам, учителям нашим, дорогим. Кто ещё жив, дай бог в здравии, кого уже нет, царствие им небесное, то есть вот взялись они за это дело. И опять же традиция, она начала опять же возрождаться откуда? Городские жители, вот допустим, уезжали из деревень, ну ностальгия, так далее. Ну и, естественно, возникла потребность, то есть как бы тяга к корням, к традиционной культуре, к тому, чем жил народ. А если так говорить – к чему еще тянуться- то, истину где искать, чтоб вот эта духовная подпитка была. Естественно, только в своей корневой традиционной культуре, потому что ничто все остальное – баловство.

Эстрада, про частный шоу бизнес я уже не говорю, вообще молчу. Оттуда почерпнуть нечего. Оно идет только на разврат, на разложение, на что. А песня, именно традиционная песня, она всегда закладывала в человека что? Поведенческие основы, и раз народ пел, он не мог быть плохим. Вот кто-то может сказать, малограмотные и так далее. Вот не так, не так давно о молодости. Нашел я в интернете: фотография школы при Российской империи, при последнем государе – императоре нашем, при Николае II вот написаны числа, а внизу ответ: написано триста шестьдесят пять. И там правильно сказано, что ребяташки молодые, неграмотная Россия, и показан этот пример. А теперь грамотные тёти и дяди посчитайте, как это всё могли сложить ребяташки, чтобы получить. Я сам попробовал, у меня ничего не выходит. Вот вам, пожалуйста, но это про грамотность. Но помимо этих ещё образовательных вещей: школы и так далее. Самый главный вот этот ведь стержень, который у человека закладывался, это естественно, было воспитание в семье.

Народная традиционная культура корневая, опять же ни с чем несравнимая народная философия, вот это, если в наше время даже говорить современным языком, это такой пласт. И вот даже если ещё мы собрали, материала ещё много лежит, еще много неизведанного. А я ещё раз повторюсь, а сколько мы ещё потеряли. И вот она закладывала в человека в первую очередь поведенческие основы. Что было? Традиционная культура, вера православная, как духовная нянька, и соответственно, отсюда, формировался в человеке, что? Правильно. Патриотизм. И эта любовь была тихая, без пафоса, без каких-либо пений дифирамбов. Как у нас сейчас тут в интернете поглядишь, кто-то кому-то чего-то доказывает, ругаются: «Я круче! Нет, я круче! Нет, я лучше. Нет, а вот ты хуже». Да не должно, да не было в традиции такого. И вот мы опять к чему подошли. Если сказать коротко и ясно: «Люби родную землю так, чтоб той любви боялся враг!» А не то, что ты будешь раком на рожон лезть. Ты живёшь: всё тихо, спокойно. Тот посягнул, чтоб переломать все эти ценности, из тебя сделать раба. Соответственно, встал и крепко дал в зубы врагу. А потом уже всё. То есть, понимаете, в чём дело? Здесь система, да. Но её можно ругать сколько угодно. Ну и опять же, чтобы что-то переменить, перевернуть, в хорошем смысле этого слова, каждый должен начинать с себя, именно с себя. Да. А вот именно традиционная культура такие вот ценности, то есть вот этот стержень она в человека закладывала. И песня эта еще была, основывалась на воспитании человека как личности. Были более поздние песни, они, так уже сказать, попроще. Если, допустим, брать старинную песню, распевную – сплошная полигония подголосочная, то там уже все ребяташки, они уже слушали, да, но таких песен они еще петь не могли. Поэтому они с детства, когда ребёнок ещё был в утробе матери, ещё не родился, да, песни эти пела мама, он уже там слышал. Когда ребёнок уже появлялся на свет, вот они и пошли колыбельные, частушки всякие разные, как детский фольклор называется. Потом уже потихонечку, постепенно, когда ребенок набирал силы, созревая, и вот опять же помимо того, что ему опять был детский фольклор. Например: «Ворона дуда, прилети к нам сюда, принеси ты

нам лето теплое. Весну красную, лето тёплое. Нам зима надоела, много хлеба поела». Вот. Вот с этого у ребёнка все и начиналось. Казалось бы. Ну чё тут. А, во-первых, живой звук, живое общение с носителями традиции, зачастую даже может быть не столько родители, потому что родители когда-то в поле работали, что-то делали, а бабушки рядом со стариками росли, представляете какие это были кладези. Какой они прошли путь, носители традиции. И вот с них это всё начиналось. А вот когда уже ребёнок становился старше, тогда уже могло зависеть от его восприятия, протяжная песня. Ага. Старшие поют. А им это уже нравится. И так вот из уст в уста передавалось. Вот он садился, мог уже песню какую-то заиграть, протяжную, ну скажем, не сильно сложную. Ага, а вот тут ты неправильно повернул, сказать, *дёргаешь песню, надо больше тянуть, качать*, как у нас на Ангаре говорили. И так вот оно воспитание проходило: не навязыванием, а так, в форме игры, силком ничего не получалось. Хотя рассказывают в экспедициях, приходили родители, говорили: «Становись! И всё!». Прямо учили даже петь и всё уже. Оба родителя становились. С одной стороны, это может показаться, что навязывают, а потом, проходя время, эти же старики рассказывают: «Мы благодарны, что нам это родители дело передали, что нам посчастливилось, что песни от них взять, перенять и сохранить». То есть я ещё раз говорю, что в формировании человека как личности песенная традиция она жива, она наиважнейшую роль играла.

Записано Фельде О.В. и Васильевым В.К. в 2020 г. в г. Красноярске
от Федченко Александра Васильевича 1981 г.р.

О песне в собственной жизни

– Александр, а когда в вашей жизни песня появилась? Когда Вы поняли, что не можете без этого жить? [– Собир.].

– Я без этого уже жить не смог вот с самого детства, с пяти лет как на гармошке начал играть, в четыре года заинтересовался. Стал пробовать, в пять лет уже стал наигрывать, а уже дальше – больше. И вот так вот.

– И всегда было только народное направление – фольклор? [– Собир.].

– Нет, не фольклор. Ну как фольклор, песни звучали, ну вот более поздние в народе – «Старый клён», «Солнечный город», ну вот такая вот романсовая тематика, «Шумел камыш». Не такой ангарский вариант, а простой.

– Ангарский вариант интереснее. [– Собир.].

– Конечно, конечно, это даже не оспаривается. Вот я ещё раз *повторюся*, к традиционной культуре, уже конкретно в корне, вот где в девяносто седьмом году подошёл, в студенческие годы. До этого тоже, в школе, когда учился и в Тасеево тоже приезжал, то на день молодежи, то еще когда-то тоже выступали, и с *маманей* и с сестрой тоже помню как-то пели всё. Вот конкретно к этому делу я с девяносто седьмого года подошёл.

– А мама тоже поёт? [– Собир.].

– Мама, да, мама тоже поёт. Давненько уже не пела, тяжело, а так поёт. Раньше-то она у меня ещё нет-нет, так она у меня в принципе и сейчас если надо будет, спляшет. Молодая плясала хорошо, молодая ещё бы и вприпрыжку ещё бы плясала. *Маманя у меня как бы такая человек*, что сама по себе духом не падает, сама по себе она просто такая духом - крепкая. 62 ей сейчас, маме, 63 идёт. Ну вот так потихоньку-помаленьку и вот до нынешнего дня <...>.

– Для кого-то это <петь> как увлечение что ли, хобби, свободное время проведение. Я даже дома, бывает, сидишь, чё-то делаешь там... ремеслиничаешь там, я же ещё с кожей работаю. Сейчас приеду, мне надо два заказа уздечка оголовья две штуки сшить. С поводьями, вместе со всем. Естествен-

но, как бы *ни задарма*, потому что труд-то свой тоже надо оценивать. И *чѐ-то* сидишь делаешь, всё. И обязательно какую-то песню играешь, даже просто про себя или потихоньку вполголоса. Сам не поёшь. Опять же когда сидишь *слушаешь* всё равно восприятие оно же другое... так как в полузагробной жизни что ли. Даже вот, когда идёт запись... даже не носители традиции, а второстепенные исполнители, которые занимаются традиционной культурой корневой. Вот, тоже сидишь, когда вместе с ними, подпеваешь, тоже, как бы... песня она шибко крепкую силу духа даёт. И самое главное – на человека традиционная песня, корневая с культурой связанная на человека помогает оставаться – вот это самое главное. Среди вот этого всего, извиняюсь за выражение, всей этой кучи дерьма, среди которой живёшь. *Ежели* ты, как говорится, не захочешь идти на заклятие, никто не заставит, даже под страхом смертной казни.

Записано Фельде О.В. в 2020 г. в г. Енисейске
от Федченко Александра Васильевича 1981 г.р.

Об ангарской культуре и песне

– Вот как Вы вошли в ангарскую культуру? [– Собираю].

– В экспедиции на Ангаре, конкретно, я был один раз. Вот, потом, когда я пришёл в коллектив, вот сейчас я участник фольклорного ансамбля «Живая старина». Стали слушать как бы запись, не так, конечно, как в живую, но восприятие другое. И вот стал толчѐк, когда мы стали петь ангарские песни, один из первых моих наставников, учителей, был Игорь Николаевич Горев. Мы с ним вместе учились в студенческие годы. Потом он создал ансамбль, и в 2003 году меня пригласили, и по ныне являюсь участником этого ансамбля. Здесь у нас в Красноярске очень много раз на ангарских встречах были. Посчастливилось нам пообщаться с такими замечательными людьми

как Екатерина Яковлевна, баба Катя, мы ее еще называли, 15-го года рождения. Всю старинку, которую поём в коллективе, она нам очень много дала, мне даже с ней попеть посчастливилось. В 60-годы с Ангары уехала, все традиции помнит хорошо, отчётливо. Вот уже здесь в городе была, болеть стала и тем не менее говорила: «Сашка, вот меня даже сейчас привези на остров ... Я сейчас тебе всё расскажу, покажу, как деревня наша стояла, что где и как». Какая память у людей была крепкая. Вот так с того момента, с 2003 года ангарской песней я стал знакомиться уже так плотно. Стал петь и понял, что это наше, родное, наше сибирское, махровое. Есть, конечно, традиция у новопоселенцев, две волны их было. По столыпинской реформе, это вторая волна, а первая волна, когда крепостное право отменяли, их переселяли. Ну а третья волна, это самая роковая, когда в годы советской власти ссылали, репрессировали. Ну а если брать корень нашей Сибирской традиции – это Красноярское Приангарье. Самое глубокое – это Кежемский район, который сейчас в зоне затопления.

– Насколько Ангара дала Вам житейской мудрости? Ваше сближение с ангарскими старожилами дало что-нибудь? [– Собр.]

– Сама традиционная культура, она дала мне этот стержень, этот фундамент. Скажу вам честно, подошёл я к традиционной культуре, когда я стал студентом. А так у меня бабушкин брат, материн отец-дед, отца-отец. А вот материн отец очень здорово играл на гармошке, здорово пел и фактически, ну может не такие старинные, которые я стал изучать потом. Все *гуляния*, ни одно застолье без гармошки не обходилось. И вот именно, в игре на гармошке мой дед был моим наставником. В четы, ну в пять я уже начал играть. А дальше больше. Опять же все из семьи это всё пошло, соответственно, почтение и уважение к старшим. У нас так было заведено: к старикам – уважение и почет. Попробовали бы мы слово плохое на стариков сказать или *язык развязать*, соответственно, наказание бы понесли довольно таки жесткое. Дня три бы на задницу не сели бы, такие случаи бывали. Поэтому, вот с детства все это началось. Но вот в этом деле я конкретно встал, *укоренился*, так

вот к традиционной культуре подошёл. Всё началось с семьи. Традиционная культура дала мне очень много, дала мне большой крепкий стержень, большое мировоззрение, понимание и фундамент, на котором я стою. Потому, что те времена, которые мы пережили, лихие 90-е, сейчас тоже что творится – не лучше. И как вот, *сечашиного*, тридцатидевятилетнего я дожил, дай Бог, и дальше жить будем.

– У вас есть любимая ангарская песня? [– Собир.]

– Ну, если ангарскую песню брать, то они, зачастую, без гармошки пелись. Я вот люблю, записывали, это не Кежемский, это Богучанский район, ребята ездили в экспедицию, записывали воинский репертуар.

– Спойте, пожалуйста [– Собир.].

– Какую же из них, ну вот. Называется «Где летал по свету ворон». Я вам её сейчас напою (поёт).

– Варианты этой песни есть? [– Собир.].

– Варианты есть у донских казаков. Она приурочена ко временам Гражданской войны, а вообще эта песня времен кавказской войны, русско-турецкой войны. А вот если другую песню спеть – кежемского народа: «Вот распрощался я с чистыми полями». Вот всё как по жизни. Восприятие, изучение истории, оно же всё шло через песню. Попробую сейчас спеть. Это была песня Богучанского района, а эта Кежемского района (поёт). Всё как в жизни. Предки наши были люди глубокие. Историю и жизнь опять же всё изучали по песням. Потом по книгам. Сейчас интернет у нас, дело в том, что люди у нас, там, на местах, где родились, сидели потихоньку историю, жизнь изучали. Кто-то скажет: «Тёмными были». Я с этим никогда не соглашусь. Тёмный, бескультурный, безнравственный народ такового просто не смог создать. Я всегда так говорю: «Вольному – воля, бешенному – поле, ну а спасённому – рай». Каждый свой путь выбирает сам.

– Вот вы спели песни. Сейчас исполняют такие песни, как «Черный ворон» и другие как-то не так, сути песни нет, там ещё бубенцов не хватает [– Собир.].

– Это всё идёт в угоду потребительства, в угоду потребления, для публики, для зрителя. Спеть покрасочнее и так далее. Вот у нас, у фольклорщиков, есть так: есть клюква засахаренная, есть клюква развесистая. Отличается чем? Ну, засахаренная, это когда коллективы выходят в кокошниках, в нарядах боярских, а развесистая, это когда барабанные установки. К песни это отношение не имеет, если они её взяли, они её *выхолстили*, песня-то мёртвая. То есть в традиции есть такое понятие, которое называется *консерватизм*. Если этого не будет, истину мы потеряем до конца. А к песне нужно относиться как к источнику животворящему. Не надо портить её чем-то пришлым. Я, конечно, за первозданность. Именно за сохранение, за первоисточник. Вот у других как? Надо же молодёжь в это дело внедрять. Но для этого, казалось бы, да. Я говорю: «Кто ищет, тот всегда найдёт».

– Мне очень нравится ангарская песня, там еще поется: «соколики летят». Вы её исполняете? [– Собр.]

– А вы имеете в виду эту *«Походячая, вечорошняя»*. Она с Енисейского района (поёт). Вот берём мы классическую песню: «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка тёмная была». А у ангарцев, у них свой вариант распева: «Камыш шумел, деревья гнулись, а ночка темная была». Традиция – она такая сильная, она через тернии пробивается. Это словами не объяснишь. Надо прожить, надо почувствовать всё это дело. Как и любую песню, которую ты исполняешь, старинную, это уже и подавно. Ты вот сидишь просто, исполняешь, а до людей энергия доходит. Сейчас спою казачий вариант под гармошку *«За лесом солнце просияло»* (поёт).

Её всего скорее пели, когда на службу казака провожали. Когда встаёшь на этот путь, это не может быть каким-то увлечением, это должно быть образом жизни. Материальные блага, да, можно что-то для себя взять. А духовный стержень, он должен оставаться неизменным. Это соль твоей души, это соль той земли, малой родины. Если ты будешь любить малую родину, ты будешь любить всю Россию. Всё начинается с малого, та земля, на которой ты живёшь, и те духовные ценности, которые оставили тебе предки твои.

Ты их должен *берегчи* и ценить, получше любого золота. А если этого не будет, ты просто превращаешься в сорную, бесполезную ботву. Сначала ты умрёшь духовно, а страшнее её, нет ничего страшнее. Не надо падать духом, надо крепко стоять на своей *стежке-дорожке*, делать своё дело и, если есть те, которые начинают *язвить, крыть злословьями*, не надо на это обращать внимание. Ты точно знаешь, что ты делаешь богоугодное дело, ты твёрдо уверен в своей правоте, ты верен самому себе. А если ты будешь останавливаться, чтоб нагнуться и поднять камень в каждую гавкающую собаку, ты тогда до цели не дойдёшь, ну и тебя не хватит надолго. Надо в первую очередь беречь свои силы, своё здоровье, самое главное – душу не продавать. Когда садятся казаки за стол, на застолье, произносят самый первый тост. И это какой? «Будем казаки, братья здравы, да богу милы, а человеку сам чёрт не угодит». Сейчас, в наше время, нет поддержки, плеча дружеского. Сейчас в наше время так: идёшь, споткнулся, встал, пошёл дальше. Люди увидели, что подымаешься – помогут. А идёшь, упал, скривился, просто затопчут, зачистую. Живём мы здесь, всё тут временно, а вечное у нас будет там. Почему Господь разделил людей на языки, на государство? Чтоб мог увидеть, кого взять в свой ковчег, а ковчег – это вера православная. Не важно, сколько ты проживёшь, а важно, как ты проживёшь, как ты будешь беречь то, что дал тебе Господь. И как ты это передашь будущему поколению. И это самое, наверно, основное. Потому что, если человек живёт только ради животных потребностей – это труп при жизни. А страшнее этого не бывает. Из земной жизни ты ушёл, всё как говорится, *нету* тебя, а душа-то твоя дальше боженьки никуда не уйдёт. А вот, когда ты при жизни трупом становишься, вот тогда страшно, на самом деле. Поэтому, дай бог здоровья, благополучия, успехов во всех благих *поспешениях*, ну и доброго житья на долгие годы.

Записано Фельде О.В. и Васильевым В.К. в 2021 г. в г. Красноярске
от Федченко Александра Васильевича 1981 г.р.

IV. НАШИ АВТОРЫ

Аскерова Рухсара Думановна, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, Rukhsara@yandex.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Бурмакина Н.Г.

Белёва Виктория Владиславовна, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, belyowa@mail.ru; Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Детинко Ю.И.

Герус Валерия Андреевна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, valerya.gerus@yandex.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Анисимова Е.Е.

Долженко Полина Дмитриевна, студент 4 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, PaulinaOne@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Чистова Е.В.

Красивова Елизавета Алексеевна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, avers05102014@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Нипа Т.С.

Лешина Ольга Дмитриевна, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, leshinaolgaa@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Бурмакина Н.Г.

Паладько Маргарита Вадимовна, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, MPaladko@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Анисимова Е.Е.

Плотникова Полина Александровна, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, polina29176@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Бурмакина Н.Г.

Руш Нелли Александровна, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, rushfor21@bk.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Кудрявцева Е.А.

Самаркин Георгий Олегович, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, georgiisamarkin@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Бурмакина Н.Г.

Сергеева Дарья Александровна, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, itsdariia@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Бурмакина Н. Г.

Сорокина Дарья Юрьевна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, sorokina.daria2018@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Чистова Е.В.

Сутурина Татьяна Александровна, студент 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, tanya.suturina.02@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Журавель Т.Н.

Сухорада Елизавета Андреевна, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, sukhorada.liza@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Копнина Г.А.

Устьянцева Кристина Евгеньевна, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, ustyaaa@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Бурмакина Н.Г.

Федченко Олег Дмитриевич, независимый исследователь, Брянск, Россия, vukby@yandex.ru.

Экзархова Анастасия Сергеевна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, ekzarhova_nastya@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Чистова Е.В.